

НАРОДЫ МНР

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ

Население МНР насчитывало по переписи 1956 г. 845.5 тыс. человек, к 1963 г. оно возросло до 1018.8 тыс. человек, а по данным 1964 г. уже достигло 1044.9 тыс. человек. Основную массу населения МНР составляют монголы — 92.3 %. Кроме монголов, в республике живут казахи — 4.2 %, русские — 1.5 %, китайцы — 1.6 %, прочие — 0.4 %.

Классифицируя монгольские наречия и говоры, акад. Б. Я. Владимирцов подразделял их на две большие ветви — восточную и западную.

В пределах МНР к восточной ветви относятся халха, буряты и ряд отдельных этнографических групп, близко стоящих к ним по языку. К западной ветви относятся: дэрбэты, байты, захчины, торгуты, олэты и мингаты.

В настоящее время в процессе национальной консолидации постепенно изживается деление монголов МНР на восточных и западных.

Халха-монголы образуют основное ядро монгольского населения МНР (800 тыс. человек в 1963 г.), складывающегося ныне в единую социалистическую нацию. Они населяют южную, восточную и центральную части республики (аймаки Дзабханский, Ара-Хангайский, Убур-Хангайский, Южно-Гобийский, Центральный, Селенгинский, Хэнтэйский, Восточный и Восточно-Гобийский). Наименование «халха» ведет свое начало со второй половины XVI в. и приписывается младшему сыну Даянхана — Гэрэсэнцзе, который этим именем обозначил подвластную ему территорию, этнически неоднородную. Под именем «халха-монголы», или просто «халха», в дальнейшем стало известно и само население этой территории. В формировании халхасцев приняли участие различные этнические элементы: древнемонгольские (борджигин, онход, горлос, олхонуд и др.), а также племена и роды немонгольского происхождения (янь-ши-бу, тангут и др.).

В настоящее время не отделяют себя от халха следующие этнографические группы: хотогойты, сартулы, халха-эльджигены, дариганга.

Хотогойты населяют бассейн верхнего течения Тэса, район оз. Сангин-далай и нижнего течения Мурэна. Некоторые исследователи считают их омонголившимися тюрками. Б. Я. Владимирцов в составе халхаского языка выделял две группы: собственно халхаскую и хотогойтскую. В составе халхасцев существует род хотогойту. Возможно, что хотогойты халхаского происхождения.

Сартулы населяют северо-западную часть Дзабханского аймака, а также один сомон в Убсунурском аймаке. Отдельные исследователи

сближают этноним «сартул», или «сартол», с «сарт», применявшимся прежде к узбекам — выходцам из Средней Азии, что дает возможность предполагать в сартулах потомков пленных узбеков. Часть сартулов во время борьбы ойратов с халха-монголами (при хане Галдан-Бошпекту в XVII в.) бежала в Забайкальскую область.

Халха-эльджигены — не этноним, а прозвище халхасцев трех сомопов Убсунурского аймака, расположенных к востоку от оз. Хиргиснур, данное им, по преданию, их соседями (дэрбатами, байтами и др.) за внешний вид их правителя (эльджиген — «длинноухий»). Фактически это те же халхасцы.

Халха-монголами являются также дариганга, расселенные в юго-восточной части МНР (Сухэ-Баторском аймаке). Общая численность их 23 тыс. человек (1963 г.).

Район дариганга, так же как и некоторые другие районы монгольской территории, был отведен маньчжурами под пастбище императорских стад скота, уход за которыми был возложен на монголов в качестве натуральной повинности.

Этноним дариганга, по-видимому, имеет этногеографическое происхождение. По языку они не отличаются от халха, но имеют небольшие отличия в материальной и духовной культуре (в одежде, в свадебных обрядах и т. п.).

В настоящее время в состав халха входят небольшие группы южных монголов: харчинов, чахаров, тумэтов, зун-узумчинов. Харчины были переселены по приказу маньчжурского императора в 1715 г. Они несли главным образом уртонную службу в Монголии и были расселены вдоль почтовой дороги.

В первой половине XVII в. чахары под руководством Ликдан-хана вели борьбу против маньчжуров. После разгрома Ликдана маньчжурскими завоевателями Чахарское княжество было лишено политических прав. Чахары были разделены на 8 знамен.

Слово чахар сохранило значение «слуга», «свита при князе, хане», «телохранители гвардии», что указывает на их прошлое общественное положение.

По правому берегу Керулена, в Дорнод (Восточном) аймаке, разместились зун-узумчины, переселившиеся из Внутренней Монголии в 1945 г. в количестве 1700 человек. Узумчины сохранили некоторые черты быта и материальной культуры, свойственные еще монголам XIII в. Так, например, интересно отметить, что они имеют в качестве «святыни» небольшую войлочную кибитку с шейкой, увенчанную золотым шаром. Кибитка служит для хранения реликвий, связанных с именем Чингисхана. Она укрепляется на двухколесной телеге наподобие войлочных юрт с шейкой, описываемых у монголов средневековыми путешественниками. Эта святыня в течение 30 поколений охраняется представителями рода бурят. Древние традиции можно видеть и в способах хранения одежды и отдельных продуктов в специальных сундуках типа ларей, всегда устанавливаемых на двухколесных телегах.

Буряты — выходцы из Забайкалья и Тункинской долины. Они расселены по восточному берегу оз. Хубсугул по системе рр. Селенги, Онону, Иро, незначительное количество проживает в городах. Общая численность их 29 тыс. человек (по данным 1963 г.). В их быту много навыков, полученных от русских (выпечка мучных продуктов, сенокосение и др.).

Родственные бурятам шине-барга прибыли в МНР в 1947 г. из Маньчжурии в количестве около 1000 человек и поселились на правом берегу Керулена.

Живущие в Хэнтэйском и Восточном аймаках хамниганы, группа степных скотоводов и конных эвенков, в настоящее время почти не отличаются от бурят, которые в свою очередь уже приняли много халхаских черт. Хамниганы, живущие в Центральном и Селенгинском аймаках, халхазировались. Этногенез хамниганов до сих пор неясен, но все они теперь говорят на монгольском языке.

Разнородную группу представляют монголы, относящиеся к западной ветви и объединявшиеся в прошлом термином ойраты:

Дэрбэты в начале XVII в. составляли объединение Дурбэн-ойрат вместе с торгутами, хошутами и чоросами. Их кочевья были на верхнем Иртыше. Они входили в состав феодального государства Джунгарии, разгромленного императорским Китаем в 1756 г. Часть дэрбэтов еще в 1630 г. вместе с другими ойратскими племенами перекочевала в низовья Волги, часть их во второй половине XVIII в. осела в Монголии. Монголы называли ойратов олэтами, тюрки — калмыками, китайцы — вало. Расселяются дэрбэты от среднего течения р. Кобдо на юге до хребта Танну-Ола на севере, захватывая район оз. Убсу-Нур и нижнего течения р. Тэс. На востоке граница их обитания начинается от левого берега среднего течения р. Дзабхана и оз. Хиргиснур и доходит до границы СССР на западе. В основном они расселены в Убсунурском и Кобдосском аймаках, частично встречаются и в Дзабханском аймаке. Численность дэрбэтов 30 тыс. (1963 г.).

Кроме скотоводства, дэрбэты издавна занимались земледелием. В настоящее время в районах их расселения наряду с животноводством и земледелием развиваются и новые отрасли промышленности.

Баиты (баяты) живут к северо-востоку от дэрбэтов, в Убсунурском аймаке, по южную и северную стороны хребта Тогтохын-Нуру. На севере их земли достигают берегов оз. Убсу-Нур и р. Тэса, на востоке р. Хангелыцига. Общее количество баитов 19 тыс. человек (1963 г.).

Есть основание полагать, что баиты сформировались на основе упоминаемого впервые в источниках XIII—XIV вв. племени баяут. Баяуты были родственны восточным группам монгольских племен, хотя и жили рядом с ойратами и были с ними тесно связаны. Впоследствии баиты входили в ойратское государство (Джунгарское ханство) и были причислены к дэрбэтам.

После разгрома ойратов маньчжурами в середине XVIII в. баиты выделились в самостоятельную военно-административную единицу, образовав 10 хошунов, которые и получили название арбан-баит («10 баитов»). Несмотря на длительное совместное существование и связи с дэрбэтами, дэрбэты не считают баитов близко родственными.

Захчины (цазахчины) живут в Кобдосском аймаке, к югу от г. Кобдо. Они населяют оба склона Алтайского хребта. На западе их территория граничит с районами обитания алтайских урянхайцев по р. Сенкули и торгутов в низовьях р. Улыса. Северо-восточная граница соприкасается с землями халхасов. Численность 13 тыс. (1963 г.)

По отрывочным сведениям, о захчинах известно следующее. В XVII в., во время борьбы между маньчжурскими правителями Китая и Джунгарией, последней для охраны своих границ в пределах пограничной зоны было расселено 30 ойратских семей, впоследствии увеличившихся до 300 семей. В 1775 г. из них был образован хошун и назначен правитель, подчиненный кобдоскому амбану. Этот хошун, выполнявший пограничную службу, был назван захчин. Находясь между халхасцами и торгутами, сами захчины не причисляют себя ни к тем, ни к другим.

В их диалекте наряду с халхаским влиянием сохраняются и некоторые

специфические особенности (главным образом в лексике), а также и в обычаях.

Торгуты (торгоуты) в пределах МНР занимают территорию в бассейне нижнего Чингиля и правых притоков среднего и нижнего течения Булгана. Общее количество их 5—6 тыс. человек. Торгуты данного района являются потомками торгутов, вернувшихся в конце XVIII в. с Волги. Родственные им группы торгутов живут в Китае, в автономном районе Внутренняя Монголия, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, в части районов провинций Цинхай и Ганьсу, и в СССР, где они вошли в состав калмыков.

Входившие раньше как самостоятельная единица в конфедерацию Дурбан-ойрат хошуты к настоящему времени слились с торгутами. Те же из них, которые жили среди дэрбэтов, теперь вошли в состав последних.

Олёты — 6 тыс. (по данным 1963 г.), населяют пространство между долинами рр. Кобдо и Буинту. Они являются частью ойратов, которые прикочевали в данную местность вместе с другими группами (дэрбэтами, торгутами и др.). Олёты единственная группа западных монголов, сохранившая до сих пор за собой название народа «ойрат». Ассимилировавшаяся с халха часть олетов проживает в двух сомонах Ара-хангайского аймака.

Около 3 тыс. мингатов расселено к северо-востоку от олётов, в Кобдоском аймаке. На востоке их кочевья доходят до берегов оз. Хара-Усу, на юге до р. Кобдо, на севере до Намюра, где их соседями являются дэрбэты. Первоначально мингаты подчинялись ойратским ханам в Джунгарии, позднее были включены в состав халхаского Дзасакту-Хановского аймака, в сер. XVIII в. были поселены к северу от г. Кобдо. Отдельные авторы (Г. Н. Потанин) считали мингатов омонголившимися урянхайцами. Другие причисляли их к ойратам, совершенно не отличая от олётов. Сами мингаты считают себя пришельцами с востока, из местности Бустаркура, где отделились от хотогойтов в количестве тысячи (минган) семейств, отсюда они якобы и получили свое название «мингат». Живя среди западных монголов, они испытывали их влияние. Некоторые ученые полагают, что этноним «мянгат» вероятно восходит к наименованию военно-административного деления XIII—XV вв. В материальной культуре, бытовой терминологии и отдельных обрядах мингатов есть черты, общие с халха-монголами.

Дархаты расселены в Хубсугульском аймаке. Их земли занимают узкую горную котловину, растянутую с севера на юг на 250 км, при средней ширине 80 км. На востоке границей их расселения служит оз. Хубсугул. Общее количество их достигает 6 тыс. человек. По мнению многих авторов, дархаты представляют собой омонголившихся тувинцев. В их этнической истории выступают элементы тюркские, монгольские и самодийские. Дархатский диалект близок к западно-монгольским диалектам; в нем содержатся также элементы халхаского и бурятского языков. До революции дархаты являлись шабинарами (крепостными) ургинского хутухты, однако точных данных о том, когда дархаты сделали шабинарами, не имеется. По одной версии, они могли быть пожалованы богдоханом ургинскому хутухте в награду за помощь, оказанную им в деле умиротворения Монголии после восстания Цэнгунджаба (1755 г.); по другой, дархаты были подарены Ундур-гэгэну своим князем Гылык-нойном. По преданию, Ундур-гэгэн дал им название «дархат» (множественное число от слова «дархан»), что обозначало «неприкосновенные», «свободные от повинностей».

К народам, говорящим в наши дни на монгольском языке, относятся также хотоны и некоторые группы урянхайцев (или тувинцев).

Хотоны (около 3 тыс. человек) (1963 г.) живут в северо-западной Монголии в Тариалаи сомоне Убсунурского аймака, среди дэрбэтов. Переселившись сюда в конце XVII в., стали подданными одного из дэрбэтских князей. Хотоны — турки в настоящее время почти совершенно забыли свой родной язык и говорят на монгольском языке. По быту и культуре они почти не отличаются от дэрбэтов. Сами хотоны считают себя родственными казахам. В прошлом они исповедовали ислам, пережитки которого прослеживаются и сейчас в оформлении погребального обряда.

Алтайские урянхайцы расселены по Монгольскому Алтаю от верховьев р. Кобдо до верховьев р. Булган. На юге они соседят с торгутами, а на востоке с захчинами. По языку, материальной и духовной культуре они почти ничем не отличаются от соседних дэрбэтов, олэтов и захчинов, но в обычаях и обрядах сохранили некоторые особые черты, не сходные с монгольскими.

Именем урянхайцы, как документально доказал Н. В. Кюнер в статье «Восточные урянхайцы по китайским источникам», называлась часть монгольских племен, генетически связанных с ранними монгольскими племенами, которые в китайских династических летописях известны под именем хи (кумохи).

Впоследствии это имя, идя с востока на запад, получило распространение и среди тюркских народов.

До революции урянхайцами назывались тувинцы (дубо), населяющие Тувинскую АССР.

Хубсугульские урянхайцы живут в Хубсугульском аймаке (Чандман Ундэр сомоне). Численность их около 5 тыс. чел. По историко-географическому признаку в старой этнографической литературе их называли урянхайцами бывшего Шабинского ведомства. Говорят они на монгольском языке, хотя по происхождению близки к тувинцам.

Тюркские языки до наших дней частично сохранили в МНР урянхайцы-мончак и цаатан (тувинцы-тоджинцы).

Урянхайцы-мончак (мончок) обитают в близком соседстве с алтайскими урянхайцами в верховьях р. Кобдо. По отношению к урянхайцам-мончак в старой литературе употреблялся термин «кок чулутан». Термин этот был введен Г. Н. Потаниным и сейчас в значительной степени устарел. «Кок чулутан» по-монгольски означает «Люди синих камней». Сами себя они называют «сойон». Возможно, урянхайцы-мончак представляют собой тувинцев, переселившихся в пределы Монголии. В настоящее время урянхайцы-мончак смешиваются с казахами и монголами, испытывают их культурное влияние, владеют как казахским, так и монгольским языками.

Цаатан (в количестве 200 человек) живут среди дархатов в Хубсугульском аймаке и постепенно сливаются с ними. Цаатан являются выходцами из Тоджи (Тувинская АССР). В литературе их обычно называют танну-урянхайцами или сойот-урянхайцами. Этноним цаатан монгольского происхождения, в дословном переводе означает «оленеводы» (от цаа — олень). Цаатан называют себя уйгурами, т. е. урянхайскими тюрками и свой язык считают также уйгурским. Они владеют дархатским диалектом, но между собою объясняются обычно по-тувински. Это единственная группа в Монголии, которая занимается оленеводством.

Отдельной тюркоязычной народностью МНР являются **казахи**, живущие в количестве 43 тыс. чел. (1963) в Баян-Улэгэйском казахском национальном аймаке, созданном в 1940 г. Они говорят на казахском языке, который относится к северо-западной, или кыпчакской, группе

тюркской ветви алтайской семьи языков. В отличие от монголов казахи мужчины носят усы и бороды. На севере казахи соседствуют с дэрбэтами, на востоке — с олётами и на юге — с урянхайцами мончок. Казахи — выходцы из районов Черного Иртыша и верховьев Бухтармы. Часть казахских групп, кочевавших по южным склонам Алтая, в середине XIX в. перекочевала на северный склон и расселилась в Монголии.

Основным занятием казахов было кочевое и полукочевое скотоводство, широко распространена также охота с беркутом.

С 1957 г. начался переход казахов к земледелию и оседлому образу жизни. Сейчас почти во всех сомонах аймака завершена коллективизация сельского хозяйства. Создается разветвленная сеть каналов для орошения полей. В сельскохозяйственных объединениях аймака в 1963 г. имелось 2,7 тыс. га посевной площади, увеличивается поголовье скота. В аймаке созданы предприятия легкой и пищевой промышленности.

Социалистическое строительство привело к коренному переустройству быта казахов. Дома, сложенные из сырцового кирпича, с плоскими глинобитными крышами, уступают место новым, современным постройкам. Современная мебель, фабричного производства, домашняя утварь прочно вошли в быт. Национальная одежда еще сохраняется. Верхней одеждой служат широкие халаты. Мужчины казахи носят большие шапки на лисьем меху, с разноцветным верхом. Женщины на голову надевают головной убор *шылауыш* из белой ткани, с вырезом для лица, закрывающим не только голову, но и грудь, плечи и спину.

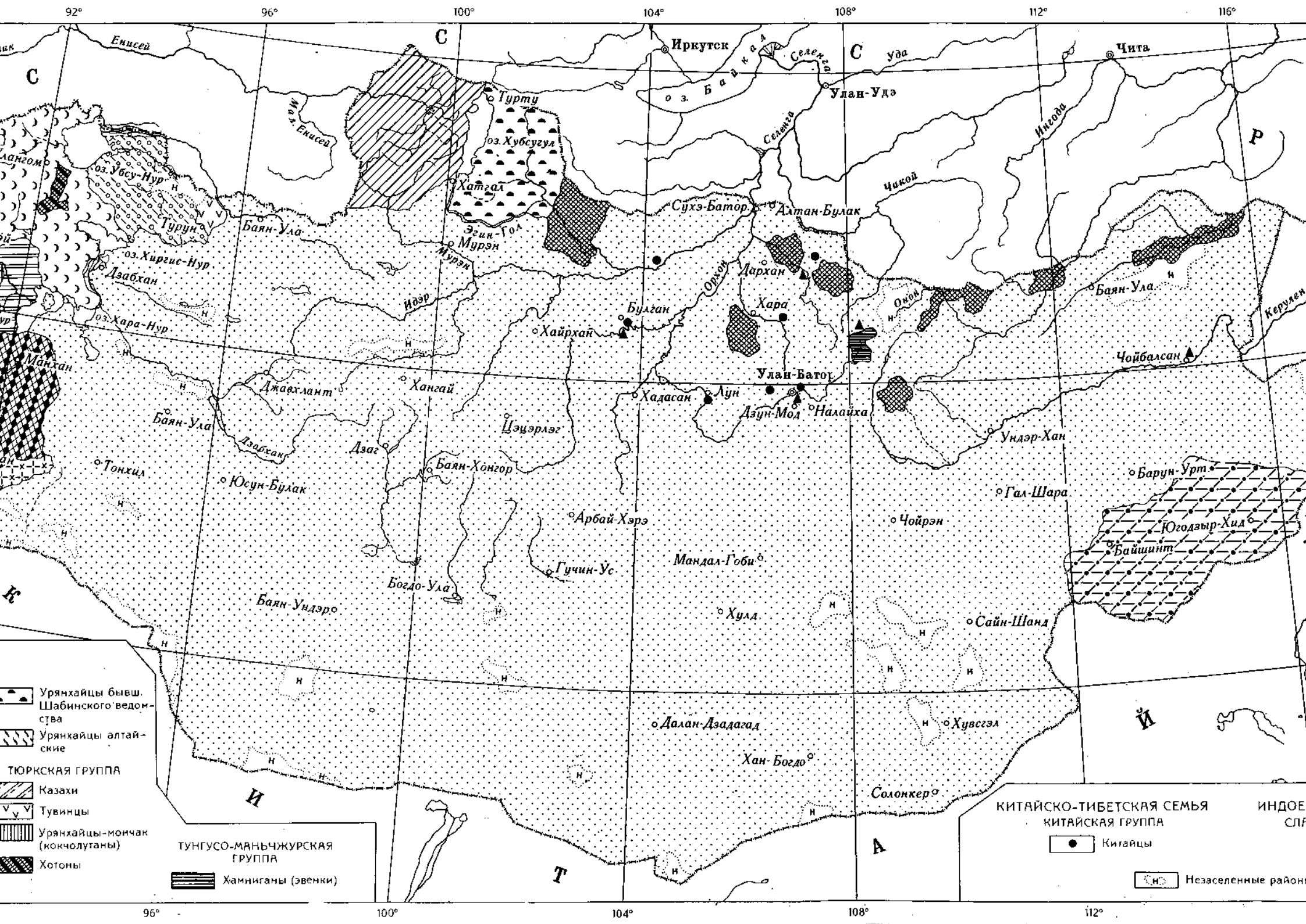
За годы народной власти вырос культурный уровень казахов. Сейчас в аймаке имеется 25 общеобразовательных школ, где преподавание ведется на казахском языке. Казахи имеют свою письменность. На казахском языке издается газета «Жена емер» («Новая жизнь»). В Баян-Улэге имеется аймачное издательство, выпускающее разнообразную литературу на казахском языке; построен аймачный радицентр, работает Казахский музыкально-драматический театр. В сомонах есть клубы, амбулатории. Успешно развивается казахская литература. Поэма «Орел» и другие произведения старейшего поэта, лауреата государственной премии Ахтана и других казахских писателей переведены на монгольский и русский языки.

В г. Кобдо проживают в небольшом количестве чанту (узбеки). Термин заимствован из китайского — *чаньтоу* — «чалмоносцы», буквально «повязанная (чалмой) голова».

Кроме перечисленных народов в МНР проживают русские и китайцы.

Русские (16 тыс. человек) живут главным образом в городах и поселках. Они начали селиться в Монголии со второй половины XIX в., занимались в то время главным образом торговлей. Позднее (конец XIX—начало XX в.) в Монголии появились русские мастеровые (кузнецы, плотники, шорники), а затем фельдшеры, врачи, учителя, типографские рабочие. В Урге действовала русско-монгольская типография, выпускавшая единственную газету — «Монголын сонин бичиг», на монгольском языке. Русские врачи впервые ввели оспопрививание, которое получило быстрое признание среди монгольского населения (И. М. Майский).

Китайцы (17 тыс. человек) живут главным образом в городах, занимаются ремеслом, торговлей и огородничеством. До революции почти все такого рода занятия в Монголии были в руках китайцев. Китайские мастера строили дома и ограды, изготавливали предметы домашнего обихода, работали в угольных копях и золотых приисках, рубили лес и т. д. В Селенгинском, Булганском и Центральном аймаках встречаются китайцы-земледельцы. Они возделывали раньше пшеницу, ячмень, овощи и были наиболее оседлой категорией населения. Жили они в фанзах.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Первобытнообщинный строй Племена, обитавшие в I тысячелетии до н. э. на территории Монголии, известные ранее под сборным названием «бэй ди», в китайской хронике ханьского времени «Шицзи» («Исторические записки») расчленяются на три группы: хунну, дун-ху и дун-и.

В настоящее время есть основания утверждать, что под этими названиями подразумевались представители трех сложившихся к тому времени этнических общностей: тюркской (хунну), монгольской (дун-ху) и тунгусо-маньчжурской, от которой тогда не отделяли, по мнению Н. В. Кюнера, и палеоазиатскую (обе последние назывались дун-и). Н. В. Кюнер полагал, что название «ху» китайские авторы того времени прилагали к кочевому населению, соседствовавшему с ними на севере, а «и» — к оседлому.

От племен, населявших Монголию и прилегавшие к ней районы, остались многочисленные памятники. Эти памятники позволяют судить об их хозяйстве, занятиях, быте, верованиях. Китайские хроники дают хотя и очень краткую, но выразительную характеристику их общественных отношений, взаимосвязей друг с другом (по происхождению, языку, обычаям и т. д.).

Памятники I тысячелетия до н. э. в основном относятся к эпохе бронзы. Планомерных раскопок этих памятников в МНР пока не производили. В музеях МНР собраны вещи из случайных находок. Поэтому невозможно выделить отдельные археологические культуры и приурочить их к определенным районам, а тем более связать их с теми или иными древними этническими общностями. Материал позволяет дать только суммарную характеристику этого периода.

В Монголии в I тысячелетии до н. э. обитали племена, которые вели уже кочевое скотоводческое хозяйство. Они жили в легких переносных жилищах, переселяясь вместе со своими стадами с одних пастбищ на другие. В составе их стад были лошади, овцы, крупный рогатый скот. Подсобным занятием была охота.

Скот и пастбища нуждались в защите от соседей, поэтому оружия у этих племен было много и оно было разнообразным: луки, стрелы, ножи и т. д. Стрелы были неоднородны; их черешковые и втульчатые наконечники поражают разнообразием размеров и форм (двух- и трехлопастные, с жальцем и без него, трехгранные, пулевидные, овальные и т. д.). Форма и размеры наконечника всегда были обусловлены их назначением: боевые — более крупные, для охоты на мелкого зверя — маленькие. Длина древка стрелы достигала 60 см, а лук был в $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{3}$ человеческого роста. Величина лука также была обусловлена тем, для какой цели он предназначался (В. В. Волков). Большинство наконечников стрел было сходно со скифскими, распространенными в VII—V вв. до н. э. у степняков вплоть до северного Причерноморья. Некоторые типы (втульчатые двухлопастные, овальные, срезанные под острым углом ко втулке, с головкой лавроволистных очертаний и короткой втулкой и др.) находят аналогии в южной Сибири.

Стрелы с головкой листовидной формы и короткой втулкой, подквадратной в сечении, аналогичны дальневосточным. Ряд типов наконечников, по определению археологов (С. В. Киселев, В. В. Волков), сходен с северокитайскими чжоуского времени.

Важно отметить, что племена Монголии в эпоху бронзы не употребляли наконечников стрел раннескифского типа — VIII—VII вв. до н. э. (асимметричные, ромбическо-шпигастые).

Наиболее характерная особенность бронзовых наконечников стрел из Монголии — нольцеобразная втулка и круглые отверстия на лопастях («свистящие стрелы»). Эти черты почти не имеют аналогий ни в южной Сибири, ни в Китае и могут считаться самобытными и характерными для складывающейся в это время степной культуры кочевых племен Монголии.

На территории МНР найдены бронзовые ножи вогнуто- и дугообразнообушковы, с выукло-линейным узором, также распространенные в это время в южной

Сибири и Северном Китае. Бронзовые бляшки, исполненные в скифском «зверином стиле», бронзовые котлы, каменные стелы с изображениями оленей (так называемые «оленные камни»), а также погребения в неглубоких могилах с четырехугольной оградкой из каменных плит, поставленных вертикально, дополняют общую картину.

Об антропологическом типе населения центральноазиатских степей I тысячелетия до н. э. мы можем судить только на основании материалов с соседних территорий, так как по Монголии пока данных нет. В этот период Тува, Алтай, степи Казахстана, районы Алай-Шаня и Тянь-Шаня были населены племенами, для которых характерно смешение европеоидного типа с центральноазиатским монголоидным.

В Минусинской котловине почти до конца скифского времени продолжал сохраняться чистый европеоидный тип, носителей которого отождествляют с динликами китайских авторов. В это же время в Забайкалье жили племена с четко выраженными монголоидными признаками. Это позволяет предполагать, что обитавшие в степях Центральной Азии бай-ди и их потомки дун-ху и хунну были в основной своей части центральноазиатскими монголоидами.

Обряд погребения в плиточных могилах (так называют их по ограде из вертикально поставленных каменных плит) с небогатым погребальным инвентарем позволяет говорить о том, что эти племена верили в загробную жизнь, но земная жизнь их не отличалась роскошью. По-видимому, в этот период еще не существовало ни имущественного, ни социального неравенства. Самым дорогим из предметов повседневной жизни было оружие — его тщательно и заботливо украшали.

По изображениям солнечного диска на оленных камнях можно полагать, что эти народы поклонялись небесным телам, в первую очередь солнцу. Важную роль в их представлениях о мире играл олень: его изображения на высоких каменных стелах говорят об этом очень определенно. Возможно, что в то время он считался тотемным животным.

Сходство форм стрел и других предметов с аналогичными предметами из Причерноморья, южной Сибири, Дальнего Востока и Китая позволяет говорить о том, что племена, населявшие Центральную Азию в эпоху бронзы, жили не изолированно, а имели какие-то контакты с соседними народами: обменивались товарами и воевали с ними.

В середине I тысячелетия до н. э. дун-ху, дун-и и хунну составляли, по-видимому, союзы племен и жили независимо друг от друга. Более сильными тогда были дун-ху. Но к III в. до н. э. положение изменилось.

В дальнейшей истории племен Центральной Азии основная роль перешла к хуннам. Хунну составили к III в. до н. э. сильный союз племен, в котором уже четко прослеживается имущественное и социальное неравенство. Судя по лаконичным и фрагментарным упоминаниям китайских источников того времени, у хунну существовало домашнее рабство, но в хозяйстве рабы заметной роли не играли. По социальной структуре это было переходное от первобытнообщинного к классовому обществу.

Представление о материальной культуре хунну, их искусстве, верованиях и связанном с ними погребальном обряде дают археологические памятники как на территории МНР, так и соседних областей Сибири.

В 1925—1926 гг. экспедицией П. К. Козлова были раскопаны погребения хуннских шаньюев¹ в горах Ноин-Ула. В 40—50-х годах раскопаны их поселения в долине р. Селенги (Иволгинское городище). Большое количество хуннских городищ было обнаружено и в МНР (С. В. Киселев, Ц. Доржсурэн и др.). Хуннские поселения были почти квадратной формы, обнесены стенами, ориентированы углами по странам света. Дома глинобитные или из сырцового кирпича, с отопительной системой в виде канов. Полагают, что в этих поселениях жили в большинстве не сами хунны, а их пленники.

Погребения знатных хуннов поражают великолепием. Покойника хоронили в глубокой (2—6 м) яме, внутри которой ставили сруб. Внутри сруб был обит коврами и устлан войлоками. Покойника клали в гроб в богатой одежде. В погребальную камеру клали пищу, различные драгоценности, оружие. Над могилой делали насыпь из камней.

¹ Так назывались вожди хунну.

Рядовые погребения отличаются меньшими размерами и беднее по инвентарю. Срубы в них всего в 1—2 венца, могильная яма неглубокая.

По образу жизни хунны были кочевниками-скотоводами. Большую роль в их хозяйстве играла охота. Однако по сохранившимся памятникам материальной культуры можно предполагать, что некоторую роль в их хозяйстве играло земледелие.

В конце III в. до н. э. хунны под предводительством шаньюя Модэ разбили своих восточных соседей дун-ху и захватили их земли. Часть дун-ху подчинилась хуннам, а желавшие сохранить свободу переселились на север. Они заняли земли по рр. Онону, Керулену, Аргуни и прилегающим к ним районам. Исторические судьбы этих переселенцев в последующий период тесно связаны с Забайкальем и северной Монголией. Эти пришельцы наложились на обитавшее здесь ранее местное население и стали основой, на которой впоследствии сформировались северные монгольские племена.

Хунны завоевали большую территорию. В их владения входили земли современной МНР, а также часть Забайкалья. Хунны обложили данью покоренные племена, которыми управляли хуннские наместники.

В первые века нашей эры потомков дун-ху китайские летописи стали называть ухуань и сяньби. Оба эти названия — не этнонимы, а этно-географические термины, они означают «племена, живущие у гор Ухань и Сяньби». Ухуань были южной, более близкой к границам Хань группой. Хуннское завоевание поставило эти племена в очень тяжелое положение, так как хунны в случае неуплаты дани отбирали жену и детей должника. Постепенно среди древнемонгольских племен нарастало возмущение и желание освободиться от владычества хуннов. Хуннское объединение не было прочным, так как и само тюркоязычное население Центральной Азии, известное под этим названием, не было монолитным, а представляло собой конгломерат различных тюркоязычных племен, включивших путем завоевания в свой состав и другие иноязычные, в первую очередь древнемонгольские, группы. Верхушка хуннской племенной знати обогащалась за счет притока дани и грабительских походов в соседние государства. Усиление хуннов тревожило империю Хань, поэтому ее правительство охотно поддерживало борьбу покоренных хуннами племен. Хунны держали в своих руках торговлю с западными странами, так как по контролируемой ими территории проходили древние караванные пути — Великий шелковый путь. Империя Хань оказалась отрезанной от запада.

В середине I в. до н. э. хуннский племенной союз в результате внутренних противоречий распался: хунны разделились на северных и южных. Южные хунны подчинились Китаю, а северные остались самостоятельными. Разделение хуннских сил способствовало усилению их противников — сяньбийцев, которые начинают играть значительную роль в истории Центральной Азии и южной Сибири со второй половины I в. до н. э., когда они сначала используются Китаем для борьбы с хуннами, позднее, в I в. н. э., самостоятельно выступают против своих давних врагов. В 80—90-х годах н. э. длительная борьба сяньбийцев с хуннами, которая велась в основном на территории современной МНР, закончилась полной победой сяньбийцев. В 93 г. н. э. хунны были разбиты, и 100 тыс. кибиток северных хуннов даже «приняли народное имя сяньби». Так на долгое время главенствующее положение перешло к древнемонгольским племенам.

Описания ухуань и сяньби содержатся в исторических летописях. В них отмечается особо, что в первые века нашей эры между обеими группами почти не

было различий, поэтому все основные черты хозяйства, культуры и быта, а также общественных отношений были у них сходными.

Основой хозяйства предков монгольских племен продолжало оставаться кочевое скотоводство. Круглый год скот содержали на подножном корму, перегоняя его с одних пастбищ на другие. Их стада, в которых были лошади, крупный рогатый скот, овцы и козы, давали основные средства жизни. Из молока и мяса готовили пищу, а из шерсти и шкур делали одежду. Из шерсти же катали войлоки различной толщины, вили веревки. Кроме скотоводства, часть этих племен занималась примитивным земледелием. Сеяли просо, ячмень, вероятнее всего на зимних полях. Довольно большую роль играла охота.

Жилищем этих кочевников были юрты, аналогичные более поздним. Такое жилище удобно при кочевом образе жизни и мало изменялось с течением времени. Выход юрт обычно был обращен к востоку. Так же как и у позднейших монголов, очаг помещали посредине. Внутреннее убранство такого легкого переносного жилища не могло быть сложным и мало изменялось в течение веков. На очаге — металлический котел для приготовления пищи, вокруг него пространство застелено войлоком, у стенок сложены постельные принадлежности (из того же войлока и овчин) и одежда. Ближе к двери — конская сбруя, несложные предметы для домашнего ремесла, кожаные мешочки для хранения запасов пищи на зиму, деревянные, высокие сосуды для приготовления кумыса и т. п.

Мужчины и женщины одевались в домотканые, окрашенные в различные цвета, шерстяные ткани. Из них шили одежду типа халата. Халат плотно запахивали и подвязывали поясом. Пояс у мужчин был кожаным, с металлическими (бронзовыми, серебряными), узорчатыми бляшками. К поясу на колечках привешивали футляр с вложенным в него луком и нож в ножнах; за спиной висел колчан со стрелами. Зимний халат шили из шкур мехом внутрь, как и теперь шьют свои шубы (дэли) монголы МНР. Шубы были с воротником и обшлагами. На шубы шли и выделанные овчины, и шкурки убитых на охоте пушных зверей: лисицы, соболя и др. Шапки носили типа малахая, из меха тарбагана (разновидность сурка), лисы, соболя, белки. Женская одежда отличалась большим изяществом, так как женщины славились как искусные вышивальщицы шелками, особенно по коже.

Яркую одежду женщины дополнял головной убор из золота и изумрудно-зеленого нефрита с подвесками. Волосы женщины причесывали на прямой пробор. Мужчины и девушки волосы брили.

Так как только скотоводство не могло обеспечить все потребности людей, побочным занятием мужчин была охота на мясных и пушных зверей. Шкурки пушных (особенно соболя) дедали в Китае и обменивали их на продукты земледелия и ремесла: шелк, зерно и др. Нефрит вероятнее всего получали из Прибайкалья, где, как доказал А. П. Окладников, имелись крупные месторождения нефрита, которым прибайкальские племена издавна снабжали своих соседей, а через их посредство и более отдаленные племена. Но развитие обмена еще не было значительным в первые века нашей эры, хозяйство продолжало оставаться натуральным, а общественные отношения не выходили за рамки первобытнообщинных.

В начале нашей эры у предков монголов не было частной собственности на землю. Они перемещались «с места на место, смотря по достатку в траве и воде, постоянного пребывания не знают». Скот был в собственности отдельных семей, что видно из замечания летописца: «От старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляет друг друга в услужение».

Старейшины имели право наказывать провинившихся, разбирали споры и тяжбы из-за захватов чужого имущества, нарушений обычного права и т. п. Власть старейшины была основана на доверии общества, и приказа старейшины нельзя было ослушаться. Наиболее тяжкими преступлениями считались неподчинение приказу старейшины и постоянное воровство: они карались смертной казнью. Членовредительство и убийство не подлежали наказанию старейшиной: виновные и потерпевшие договаривались о количестве скота (быков и баранов), вносимого как выкуп.

Имущественное и правовое положение членов общины было в первые века нашей эры равным. Старейшины были только выборными: «Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют ста-

рейпинами; наследственного преемства нет у них», — лаконично сообщает летописец.

Община в этот период, по-видимому, была родовой. Основу ее составляли кровные родственники. Они были связаны друг с другом рядом обязательств, и за проступки одного из родителей несла ответственность вся община. Мужчины (сыновья и братья) оставались в роде, из которого они происходили: таким образом сохранялась неприкосновенной, в собственности общины, земля (пастбища, охотничьи угодья и т. п.), а все члены данной общины были ее естественными владельцами.

Род был экзогамным, а браки — патрилокальными. Жен брали из других родов. За невесту выплачивали калым. Существовал обычай отработки: жених переселялся на два-три года в дом невесты и становился «слугой в женином доме». Когда жених отработает положенное время в семье невесты, родители невесты выделяют ей приданое. Источник отмечает: «...женин дом щедро снаряжает дочь на (новое) место жительства. Имущество целиком выдается жениным домом. Поэтому в их обычае следовать замыслам жены». После того как невеста переселилась в дом мужа, она становилась навсегда собственностью мужа и его рода. Даже после смерти мужа она не могла возвратиться к своим родителям, а становилась женой одного из ближайших родственников мужа. «В обычае введено жениться на мачехах, брать жен после братьев», — сообщает летопись.

Сферой деятельности женщины были дом и связанное с ним хозяйство, а мужчины обязаны были защищать семью, род, дом, имущество, скот, землю рода от посягательств других племен. На мужчинах рода лежала также обязанность регулировать спорные вопросы внутри общины.

После победы над хуннами в 93 г., когда в сяньбийскую группу племен воключилась часть северных хуннов и приняла «народное имя сяньби», состав северной группы сяньбийцев несколько изменился. Сяньбийцами стала называться и часть тюркоязычных племен.

Во второй половине II в. н. э. все сяньбийские племена были на некоторое время объединены под властью старейшины Таньшихая, сумевшего распространить свои владения на запад вплоть до Урала, а на восток до Уссури. На севере его владения достигали Саян и верховьев Амура, на юге граничили с Китаем. По-видимому, именно с походами Таньшихая на север справедливо связывают исследователи ликвидацию остатков хуннских укрепленных поселений на окраинах бывших хуннских владений (Иволгинское городище). Естественно, что завоевание прежних хуннских земель укрепило положение древнемонгольских племен в Центральной Азии, Забайкалье, верховьях Амура, а также дало возможность более свободно переселяться по бывшим хуннским владениям. Так, одно из сяньбийских племен — тоба — двинулось на юг и впоследствии завоевало земли Северного Китая, основав династию Тоба-Вэй. Не исключена возможность, что тобасцы принадлежали к западным сяньби и как-то были родственны современным тувинцам.

После смерти Таньшихая созданное им государственное объединение вскоре распалось, хотя основные принципы административного и военного устройства пережили века и легли в основу аналогичных институтов позднейших монгольских народов. Таньшихай ввел разделение своей державы на две стороны (восточную и западную) и центр, которыми управляли его соратники, подчинявшиеся Таньшихаю, в руках которого была сосредоточена вся власть над огромной империей.

После того как распалось сяньбийское объединение племен, земли Монголии перешли под власть жужаней (жуань-жуани).

Они образовали Жужаньский каганат, который был разнородным военно-административным объединением. Этнографически правителей жужаней китайские летописцы не связывают ни с одной из крупных этнических общностей того (и более раннего) времени. Все же в состав этого каганата входили потомки как хуннов, так и сяньбийцев. По-видимому, жужани вынуждены были в основном опираться на сяньбийские племена, которые составляли значительное число их подданных. Многие исследователи считают, что в составе Жужаньского каганата преобладающим был монгольский элемент. В западноевропейских источниках раннего средневековья жужани известны под именем аваров, а в русских летописях — обров (М. И. Артамонов, Л. Н. Гумилев, Н. Я. Мерперт).

В VI в. н. э. жужани были разбиты алтайскими тюрками, подчинившими себе соседние племена, и господство в Центральной Азии на 400 лет перешло к тюркоязычным племенам — потомкам хуннов и динлинов.

Тюркские племена Алтая, образовавшие государственное объединение, известное в литературе под названием I тюркского каганата, изучены во всех отношениях лучше, чем их предшественники. От них сохранились первые из известных в Центральной Азии памятники письменности — каменные стелы с высеченными на них руническими письмами на древнетюркском языке. По месту первой находки их в 1889 г. Н. И. Ядринцевым на берегу Орхона они стали известны как «орхонские памятники». Эти стелы ставились в честь тюркских ханов и тюркской знати. Судя по сведениям, сохранившимся в китайских летописях того времени («Суйшу», «Таншу»), а также в самих «орхонских текстах», тюркское общество стояло на грани перехода к феодализму, но процесс феодализации в нем еще не был завершен.

По образу жизни тюрки были кочевниками-скотоводами. Тюркский каганат занимал земли от Желтого моря до Черного. В его руках были караванные пути, связывавшие Запад с Востоком, поэтому тюрки держали в своих руках всю торговлю шелком. Тюрки вели оживленные сношения с Византией, и послы византийских императоров к тюркам оставили описание сказочного великолепия, окружавшего тюркских каганов.

Тюрки вели войны с Китаем, Ираном и поработенными ими соседними племенами Центральной Азии и южной Сибири. Внутренние распри, борьба за власть между представителями тюркской династии Ашина окончательно подорвали их могущество. В 630 г. I тюркский каганат перестал существовать; тюрки подчинились Китаю, часть из них была поселена в пограничных районах Северного Китая. В 80-х годах VII в. была сделана попытка вновь возродить власть тюрков в Центральной Азии. В течение 50 лет существовал так называемый II тюркский каганат, но в 740 г. земли Монголии были подчинены уйгурам, также тюркоязычному народу, образовавшему Уйгурское ханство с главным городом Хара-Балгас.

Уйгуры, как и тюрки, были в основной массе кочевниками, хотя у них уже около городов были значительные посевы. Во времена уйгуров в Монголии получили некоторое распространение буддизм, манихейство и христианство (несторанство). В этническом отношении уйгуры были близки тюркам, но у первых, по-видимому, была примесь динлинов.

Уйгурское ханство не занимало такой обширной территории, как их предшественники — тюрки. Оно вело войны с Китаем, а затем с кыргызами (тюркоязычным населением Минусинской котловины). Борьба с кыргызами привела в 840 г. к поражению уйгуров. Большая часть уйгуров после падения их ханства переселилась в Турфанский и другие оазисы (в Синьцзяне), Ганьсу, где они дали начало известным сейчас уйгурам Синьцзяна и ряду небольших тюркоязычных групп пограничных районов КНР.

Оставшиеся на месте тюркоязычные племена подчинились кыргызам. Последние недолго удерживали в своих руках главенствующее положение в степях Монголии. С X в. оно прочно перешло к монгольским племенам (киданиям, а затем монголам).

Кидани выделились из общего сяньбийского этнического комплекса, занимавшего земли в Ляоси, в III в. н. э. Они по общему облику, характеру культуры, этнографическим особенностям и языку были в то время такими же, как и остальные сяньби. Скотоводство, охота, примитивное земледелие не только удов-

летворяли их потребности, но и позволяли вести торговлю с соседями. Кидани оказались в наиболее благоприятных условиях: почва в верховьях Ляохэ и климат этих районов, лесостепной ландшафт — все это способствовало развитию хозяйства. Соседями киданей в то время на юге были гаоли (в северной части Кореи) и государства на территории современного Китая, на востоке — древнеманьчжурские племена с давней, устойчивой сельскохозяйственной культурой.

Поэтому кидани легко обменивали продукты скотоводства и охотничью добычу на товары, получаемые от земледельцев. Основной статьёй обмена со стороны киданей были лошади степной породы, отличавшиеся неприхотливостью и выносливостью, и соболя, которые славилась в Китае, как самые лучшие. Кидани, входившие в союз сяньбийских племен, участвовали и в походах сяньбийцев против соседних народов, захватывая пленников, скот и другую добычу. Все излишки собственного хозяйства и военной добычи шли на обмен с соседями и между собой. Развитие обмена и участие в военных походах для захвата добычи постепенно приводили к имущественному и социальному неравенству. Это неравенство выразилось прежде всего в том, что из массы свободных и равных общинников выделились сильные и знатные роды, из которых и стали выбираться старейшины родовых объединений и племен. Круг знатных родов, из которых выбирался старейшины и вожди, все более сужался; знатные роды, распавшиеся на семьи (более или менее богатые), вели борьбу за власть над общинниками. Эта борьба приводила к военным столкновениям, в ходе которых добычей становились ранее свободные соплеменники, часть которых поселяли на землях их владельцев, а их земли часто занимали победители. Так происходило дробление бывших родовых общин, рушились древние родовые связи, заменяясь новой формой общности: людей теперь объединяла общность территории, на которой жили представители разных родов. В ходе борьбы власть захватывали и роды, и племена, прежде не принадлежавшие к киданям. Но с течением времени и эти чужеземцы и иноплеменники ассимилировались.

Кидани в этот переходный период не стояли в стороне от событий, потрясших народы Восточной Азии. Заселенная ими территория входила в состав жуаньского конгломерата племен.

В VI в. кидани приняли деятельное участие в борьбе против тюркских претендентов на земли Монголии, но были разбиты и долгое время не могли оправиться после поражения. Они вынуждены были подчиняться тюркам и вплоть до середины VIII в. были от них в зависимости. Киданьскими землями правил тюркский наместник, которому и были подчинены киданьские старейшины. Только с окончательным падением тюрков в 740 г. кидани получили самостоятельность. Но к этому времени у них уже сложилось первое в истории монгольских племен государство раннефеодального типа.

Киданьское государство, которое занимало в то время земли первоначального расселения этих племен, с VIII до начала X в. не проявляло себя в истории остальных монгольских и других восточноазиатских народов. В этот период в нем, по-видимому, постепенно завершался процесс классового образования и формировались общественные институты, известные впоследствии. Об этом раннем периоде сведения невелики и отрывочны. Известно только, что в этот период у киданей все большее значение в жизни населения приобретает земледелие, часть населения переходит к оседлости, начинает жить в рубленых домах, развиваются ремесла и некоторые виды производства: добыча соли, железа, изготовление оружия, ткачество и др. Постепенно организуется и система государственного управления, создаваемая по китайскому образцу. Небольшое киданьское государство вело войны с соседними, родственными по происхождению племенами (хя, или татаби, и шивэй, или татарами) и часть из них присоединило к своим владениям.

Киданьское государство было феодальным. Земли были в руках феодальной знати и монастырей (большинство монастырей были буддийскими). Часть земель была передана государством в пользование крестьянам. Земли военных поселений, созданных для охраны границ и завоеванных территорий, обрабатывались солдатами гарнизонов, урожай шел на их содержание. С прочих земель, обрабатываемых крестьянами, взимался налог, в зависимости от количества обрабатываемой земли. Налог был натуральным. Частные земли отдавались владельцам в аренду, за что земледельцы платили до 50% урожая. Население несло ряд повинностей (участие в облавных охотах, содержание почтовых станций, снабжение их лошадьми и транспортными средствами и т. п.). Феодалы должны были в зависимости от количества подвластных им людей выставлять по требованию правительства определенное число воинов в полном вооружении. Каждый воин обязан был иметь при себе лук, набор стрел, копье, топор, веревки, запас продовольствия. Кроме того, он должен был явиться на сбор с двумя лошадьми.

Воиска выступали в поход тремя колоннами: правое и левое крыло и центр. Армия делилась на десятки тысяч, тысячи, сотни и десятки. Каждое крупное подразделение обязано было выделить воинов для передового отряда, который вел

обычно разведку. Армия состояла в основном из конницы, вместе с тем кидани применяли осадные орудия и др.

Для набора войск правительство отправляло к наместникам курьера, снабженного серебряной дощечкой в форме рыбы (*пайцзой*). У курьера была только половина пайцзы. Вторая половина хранилась у наместника. Если обе половинки совпадали, объявлялся набор войск.

Все описанные формы общественной, политической и военной организации сложились постепенно и подготовили в X в. образование империи киданей, известной в литературе под названием империи Ляо.

Возникновение киданьской империи связано с именем ее основателя Елюя Амбагай (872—926). К началу X в. Елюй Амбагай сумел объединить южные и часть северных древнемонгольских племен. К концу жизни он завоевал на западе степи Монголии вплоть до Алтая (924 г.), а на востоке государство Бохай (926 г.). При его преемнике Дэгуане, в 947 г., империи было присвоено название Ляо.

Население империи было разноплеменным и разноязычным. Во время похода на Орхон (924 г.) были покорены племена, которые называли сборным наименованием «цзу-бу». Это были различные тюркоязычные племена, оставшиеся здесь после переселения уйгуров в районы современного Синьцзяна. Большинство из них было кочевниками, о чем говорят археологические памятники (курганы), раскопанные Л. А. Евтюховой. На востоке империи жили оседлые племена (тунгусо-маньчжурские). Земли по рр. Онону и Керулену были населены родственными киданям по происхождению и языку племенами. Кидани построили ряд городов-крепостей, в которых разместили свои гарнизоны. Монгольский археолог Х. Пэрлээ в течение ряда лет обследовал городища киданьского времени на территории Монголии. Им выяснено, что часть их расположена по рр. Керулену, Онону и в северной части страны. Эти города представляли собой укрепленные военные поселения, созданные для того, чтобы держать в повиновении окружающие племена. Города эти были в то же время центрами ремесла и торговли. Через них шли караванные пути на запад.

Близкое соседство с южной Сибирью и Прибайкальем, естественно, способствовало проникновению отдельных элементов культуры киданей к племенам, населявшим в то время северную Монголию и соседние области. И даже более: отдельные пока, но убедительные факты говорят о том, что в период X—XII вв. какие-то группы монгольских племен проникали в эти районы. Так, Л. П. Потапов отмечает, что остатки ирригационных сооружений Саяно-Алтайского нагорья местное население приписывает земледельческому народу — киданям.

При раскопках могильников в Прибайкалье и Забайкалье обнаружены погребения, которые по общему облику, инвентарю отличаются от хорошо изученной культуры местного населения, например могильник в местности Хабсагай, возле улуса Сэгэнут. Иногда в могилу покойника сопровождал конь, которого убивали ударом в лоб каким-то острым оружием типа чекана (А. П. Окладников).

В этой связи интересно вспомнить погребальный обряд, описанный ранее у сяньби: одним из животных, сопровождавших умершего в загробный мир, была лошадь, которую убивали во время похорон. Большое значение придавали лошади и остальные монгольские народы. Участие лошади в погребальном ритуале было давней, строго сохранявшейся традицией. Традиции почитания белой лошади и собак как священных животных сохранялись и потом у киданей, о чем красноречиво свидетельствуют письменные источники и вещи, извлеченные из гробниц киданьских императоров. В письменных источниках упоминается также, что в один из праздников у входа в специально воздвигнутую для этого палатку зарывали собачью голову, а в могилу императора Дао-цзуна (XI в.) была положена среди прочих вещей статуэтка из дерева, изображающая собаку.

Еще при жизни Амбагай была создана его приближенными письменность. На основе китайских иероглифов кидани создали свою систему письма, известную в литературе под названием «большого киданьского письма». Эти письма, остающиеся до настоящего времени загадкой для ученых, сохранились на эпита-

фических памятниках, поставленных в честь умерших императоров и их родственников, а также на отдельных предметах. Уже давно ведется работа по дешифровке киданьской письменности. Кроме того, предполагают, что они пользовались уйгурским письмом (Л. Лигети).

Археологические раскопки (1935 и 1939 гг.) близ Мукдена обнаружили уникальные образцы культуры и быта киданей. В подземных склепах — мавзолеях киданьских императоров обнаружены стеновые росписи. Они выполнены с удивительным изяществом рисунка, а богатая цветовая гамма подчеркивается и оттеняется четкими контурами, очерченными темной краской. Среди фресок есть и серия композиций «Четыре времени года», и, что самое главное, индивидуальные и групповые мужские портреты, изображающие различных деятелей той эпохи. Эти изображения людей разных возрастов, чиновников, воинов и музыкантов в одежде и головных уборах, с луками, колчанами, музыкальными инструментами и т. д. дают живое представление о древних монголах. Мужчины, по типу лица похожие на современных монголов, одеты в халаты, талия стянута поясом.

Интересна и киданьская керамика, не имеющая пока аналогий у других народов. В ней наиболее ярко проявилось сочетание сравнительно новых форм, характерных для населения с прочной оседлостью, и старых кочевнических традиций: так, изысканные, из тонко отмученной, хорошо обожженной, красноватой глины кувшинчики, покрытые ангобом, развились, по-видимому, из более ранних форм, повторявших первоначально в глине давно знакомые кожаные сосуды. Даже швы, прошпиганные на коже, повторялись при изготовлении глиняных сосудов. Эти глиняные сосуды очень напоминают кожаные фляги, известные позднее у монголов, калмыков и других монгольских народов.

К тому же периоду, что и Сэгенутский, относится и могильник, раскопанный Г. Ф. Дебецем у с. Зарубино в 1926 г. По погребальному обряду и вещам (железные ножницы) он наиболее близок к Сэгенутскому могильнику. Г. Ф. Дебеч убедительно датирует его XI—XII вв. н. э. и считает, что он был оставлен монгольскими племенами, переселявшимися в этот период на север. Наконец, очень интересна находка на г. Манхай, неподалеку от с. Усть-Орды. Она изображает стоянку древнего монгола, прикочевавшего в Прибайкалье. Возможно, что рисунок был сделан местными художниками, изобразившими пришельцев очень схематично, но, несмотря на это, точно отразившими наиболее характерные черты их этнографического облика.

Таким образом, по-видимому, отдельные группы монгольских племен в X—XII вв. обосновались в местностях, примыкавших к Байкалу. Собственно монголы, обитавшие по рр. Онону и Керулену, были подданными империи Ляо. В «Истории Ляо» упоминается, что в 1084 г. прибыли послы монголов с данью ко двору ляоского императора Дао-цзуна. По-видимому, связи северных монголов с их южными соплеменниками не ограничивались только присылкой дани. «Сокровенное сказание» (XIII в.) — первый из известных нам памятников монгольской исторической литературы — неоднократно указывает на родственные связи северных и южных монгольских племен первой половины XII в. На этническое родство северных и южных монголоязычных племен указывают и более поздние источники. Поэтому естественно, что часть монголов приняла деятельное участие в борьбе, которую пришлось вести в начале XII в. Ляоской империи с новыми претендентами на гегемонию в Восточной Азии — чжурчжэнями — восточными соседями монгольских племен. Они были подданными империи Ляо, платили дань ляоскому двору, служили в ляоских войсках. В XI в. чжурчжэни постепенно усилились и к началу XII в. были готовы выступить против Ляоского государства. Борьба между киданями и чжурчжэнями была выгодна империи Сун, которая на юге граничила с Ляо. Сунский Китай был давним и опасным врагом киданей. Еще в первой половине XI в. киданьские политические деятели постоянно указывали на враждебность Сунов. «Главный враг — на юге», — подчеркивалось в одном из докладов сановника того времени.

Несмотря на длительный период внешне мирных отношений киданей с Сунами, последние не замедлили воспользоваться случаем, когда появилась возможность уничтожить империю Ляо. Между чжурчжэнями и Сунами был заключен договор против Ляо. Коренные земли киданей ока-

зались под угрозой с северо-востока, востока и юга. Несмотря на то, что киданям помогало тангутское государство Си Ся, они были разбиты, земли их захвачены чжурчжэнями. К 1125 г. империя Ляо перестала существовать. Земли киданей были заняты чжурчжэнями, назвавшими свою империю Цзинь («золотая»). Но не все кидани подчинились чжурчжэням. Часть киданей и присоединившихся к ним других племен под предводительством Елюя Даши переселилась на запад, в Семиречье. Там они завоевали большую территорию и образовали новое государство, известное под названием Кара-Кытай, или Си Ляо (Западное Ляо). Оно просуществовало до начала XIII в., когда его земли были завоеваны Чингисханом.

Эти большие исторические события начала XII в. повлияли и на положение северных монгольских племен. Чжурчжэни, занятые борьбой на юге, не были заинтересованы в завоевании земель своих северо-западных соседей. После падения империи киданей их северные соплеменники стали независимыми. Именно северные племена наиболее известны в мировой истории.

Северную группу племен китайские авторы собирательно называли «шивэй» и считали ее родственной киданям. Шивэй состояли из многих племен, каждое из них имело и свое название. На северо-западе границей расселения шивэй были верховья Онона и Керулена и частично Забайкалье, на востоке — черноречные мохэ (предки чжурчжэней), живших, как известно, по Амуру. Примерно при слиянии Шилки и Аргуни и сейчас еще есть городок, носящий название Шивэй, возможно еще с древних времен, сохраняя память о давно исчезнувшем племенном названии. Племя мынгу (монголы) было частью шивэй. Оно занимало земли в верховьях Онона и Керулена.

В 731 г. в орхонских надписях на памятнике Могиян-хана появляется название «тагар», которое в то время употреблялось тюркскими племенами для обозначения шивэй. Впоследствии оно стало собирательным именем для целого ряда различных племен, вошедших в состав империи Чингисхана, как собственно монгольских, так и тюркских, принявших это название и сохранивших его.

О монголах раннего периода (VIII—XII вв.) сведений в письменных источниках очень мало. Известно, что они были подданными киданей и в 1084 г. приезжали с данью к ляоскому двору. Видимо, они принимали активное участие в борьбе киданей с чжурчжэнями на стороне киданей.

Так, в 40-х годах XII в., по сообщениям китайских источников, монголы вели победоносную войну с чжурчжэнями и остались фактически независимыми от них. Между монгольскими племенами, обитавшими в верховьях Онона, и племенами, обитавшими около оз. Байкал, уже с X в. можно проследить тесные родственные отношения; это отражено в монгольских источниках, где в первых главах всегда излагается генеалогия монгольских знатных родов. Там рассказывается, что легендарная прародительница монголов была дочерью «владельца Гол-Баргучжина токумского», т. е. одного из старейших племен, обитавших около современного Баргузина. Она жила, по-видимому, на рубеже X—XI вв. Приблизительно в этот же период часть монгольских родов откочевала в район Прибайкалья. Эти откочевавшие роды монгольское предание, приведенное впервые в «Сокровенном сказании», называет ойратами и считает, что первоначально это были четыре (*dörben*) рода, разросшиеся впоследствии. Не исключено, что дөрбэты западной Монголии генетически связаны именно с этой группой. Следует отметить также, что уже в самом начале XIII в. в Прибайкалье обитали предки современных бурят, о чем также сообщают монгольские хроники, начиная с «Сокровенного сказания». По-видимому, обитавшее в этих районах еще в VI—VIII вв. тюркоязычное население постепенно было частично оттеснено в киданьский период с занимаемых им ранее земель на север, а частично слилось с монголоязычными пришельцами.

Общественные отношения у центральноазиатских племен того времени подробно описаны Б. Я. Владимирцовым. По способу ведения хозяйства монгольские и тюркские племена, населявшие Монголию и часть Сибири, подразделялись на «лесные» и «степные». «Лесные», которые населяли главным образом таежную зону, занимались охотой на крупных мясных и более мелких пушных зверей. Они жили в шалашах, покрытых древесной корой или шкурами. В поисках зверя бродили они по тайге, останавливаясь на временных стоянках.

«Степные» племена разводили крупный рогатый скот, овец, коз и лошадей. Кочевое скотоводство было основой их хозяйства и быта. Подсобную роль в хозяйстве играли охота и частично рыболовство. В XIII в. богатые семьи кочевали айлами — отдельной семейной группой, состоявшей из нескольких юрт, а бедные семьи — куренем (большой группой), сохранявшим черты родовой общины первых веков нашей эры, описанной у сяньби. Такое разделение было вызвано тем, что богатому скотоводу нужно было большее пастбище, чтобы прокормить огромные стада, в то время как неимущим выгоднее было кочевать сообща.

Для каждого члена рода (*обок*) соплеменники делились на сородичей (*урух*) и чужеродцев (*джад*). Степень родства была неодинакова: урух были связаны кровным родством (по происхождению). Кроме того, существовали родственники по жене (*горгууд*), т. е. роды, с которыми были брачные связи. Чаще всего эти связи были с другими племенами, вполне определенными, например у монголов с унгиратами, у меркитов с олхонутами и т. п. Роды и семьи, с которыми были брачные связи, называли сватами (*худар*).

Монгольский род продолжал оставаться экзогамным. Роды, ведущие происхождение от общего предка (он назывался *эбузе*), имели общий родовой культ. Брак между членами таких родов не допускался. Род был отцовским. Причем были роды, ведущие свое происхождение от одного общего предка (реально существовавшего), и роды, считавшие своим предком животное, например волка, ланя. Такие роды были более древними по происхождению. О том, что у древних монгольских племен существовал материнский род, от которого к XIII в. сохранились только пережитки, говорят обычаи, описанные в «Сокровенном сказании», например, переход молодого человека в зятя в семью его будущей жены на определенный срок (как и у сяньби), пережитки авункулата и т. п.

Наследование у монголов по обычному праву, сохранявшему еще черты первых веков нашей эры, характеризовалось миноратом: младший сын получал коренной юрт отца, а старших сыновей выделяли при жизни отца.

Роды объединялись в племя (*иргэн*). Первоначально племя состояло из ряда родственных между собой групп. К XII—XIII вв., когда у северной группы монгольских племен шел процесс дробления древних родов, эти связи стали нарушаться. Члены одного рода или племени оказывались уже в разных подразделениях. Поэтому понятие «иргэн» — «племя» постепенно теряло свой первоначальный смысл. Оно со временем было заменено другим — *улус* («народ-удел», «народ-государство»).

Монгольские племена, обитавшие по Онону и Керулену, к началу XIII в. были объединены выходцем из племени монгол, рода Борджигин, Темучином, получившим впоследствии титул Чингисхана. Он стал основателем Монгольской империи.

Создавая свою империю, Чингисхан завоевывал соседние как родственные, так и иные по происхождению и этнической и языковой принадлежности племена. Если племя добровольно подчинялось, то, как правило, во главе его оставался старый правитель и оно просто несло ряд обязательств по отношению к центральному правительству (дань, поставки войск, снаряжения и т. п.). Если же племя завоевывали, то его дробили на части и раздавали сподвижникам Чингисхана. Тогда представители такого племени попадали в разные концы империи и теряли старые родовые связи. Так, например, произошло с найманами и керентами (западными и северо-западными племенами пазу-бу лясского времени). На одной территории стали кочевать представители различных родов и племен, часто даже разноязычных. Древние родовые связи заменялись территориальными.

Каждому владельцу стад был выделен определенный район перекочевок (*нутук*). Самовольные перекочевки на чужие земли строго карались, т. е. фактически араты (простонародье) были в эпоху Чингисхана прикреплены к земле.

Все монгольское общество делилось на сословия. Во главе государства стояли представители «золотого рода» — Чингизидов, ниже их были представители *цаган ясун* («белой кости») — темники, тысячники и т. п., которым было подчинено столько семей, сколько они могли выставить в ополчение воинов сообразно со званием предводителя (10 000, 1000 и т. д.). *Харачу* («чернь») — податное сословие, было обязано нести все повинности в пользу высших сословий. Со времен Угедая, сына Чингисхана (1228—1241), были установлены следующие повинности и подати: содержание почтовых станций (*ям*), продовольственная повинность (*шу-лен*), подойная повинность (снабжение кумысом) и т. п. В случае войны после ухода в ополчение мужчин эти повинности должны были нести оставшиеся дома. Как отмечено в «Истории МНР», все это были уже повинности феодального характера. Земледельческое население империи платило налоги с земли, а «лесные» народы выплачивали дань шкурками пушных зверей. Больше всех ценились соболя. Жилища монголов ярко описаны средневековыми путешественниками Плано Карпини, Рубруком, венецианским купцом Марко Поло и даоским монахом Чан Чунем.

У монголов были разборные юрты, ставившиеся на землю, а также и неразборные, перевозившиеся на повозках целиком. Вильгельм де Рубрук, совершивший путешествие к монголам в 50-х годах XIII в., так описал поразившее его передвижное жилище: «Дом, в котором они спят, они ставят на колесах из плетеных прутьев; бревнами его служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка наподобие печной трубы; ее они покрывают белым войлоком, чаще же пропштывают также войлок известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче; а иногда также берут они черный войлок. Этот войлок около верхней шейки они украшают красивой и разнообразной живописью. Перед входом они также вешают войлок, разнообразный от лестроты тканей. Именно они сшивают цветной войлок или другой, составляя виноградные лозы и деревья, птиц и зверей».²

Наряду с разборными юртами были и жилища типа юрт, не снимавшиеся с повозок. Их устанавливали на платформе. В повозку с поставленной на ней юртой впрягали волов, которые и перевозили ее с места на место. Воображение европейцев было потрясено зрелищем такого передвигающегося по степи поселка.

Имущество свое монгольские племена перевозили в специальных повозках, также подробно описанных Рубруком: «...они делают четырехугольные ящики из расколотых маленьких прутьев, величиной с большой сундук... на переднем краю делают небольшой выход; после этого покрывают этот ящик, или домик, черным войлоком... В такие сундуки они кладут всю свою утварь и сокровища, а потом крепко привязывают их к высоким повозкам... Такие сундуки никогда не снимаются с повозок. Когда они снимают свои дома для остановки, они всегда поворачивают ворота к югу и последовательно размещают повозки с сундуками с той и другой стороны вблизи дома».³

Внешний вид монголов XIII в. хорошо описан западноевропейскими путешественниками Плано Карпини и Рубруком, которые побывали в монгольских степях в 40—50-х годах XIII в. В это время монголы носили халат, запахнутый на правую сторону, подвязанный поясом, к которому прикреплялся мешочек для огня и других мелочей. На ногах войлочные или кожаные сапоги. На голове шапка типа мадаха, отделанная мехом. Халат шили в зависимости от достатка: из холста, шелка, а зимой — меховой. Воин имел колчан со стрелами и лук (выгнутый в виде буквы «М»). Волосы мужчины заплетали сзади в косы, спереди подстригали, а верхнюю часть головы брили. Женщины носили тоже халаты, но без пояса (замужние).

На голове у женщин был сложный головной убор — *бокка*. Вот как описан бокка у Плано Карпини: «На голове же они носят нечто круглое, сделанное из прутьев или из коры, длиной в один локоть и заканчивающееся наверху четырехугольником, и снизу доверху этот (убор) все увеличивается в ширину, а наверху имеет один длинный и тонкий пруттик из золота, серебра или дерева или даже перо; и этот (убор) нащит на шапочку, которая простирается до плеч».⁴ Сохранились и изображения монголов персидских мастеров, по которым можно восстановить облик монголов. Внешне и по одежде они сходны с родственными им китацами.

² Плано Карпини. История монголов; Г. Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1956, стр. 91.

³ Там же, стр. 91—92.

⁴ Там же, стр. 27.

Рис. 128.

1 — установка юрты у халха-монголов (Убур-Хангайский аймак); 2 — на стальных магистралях Монголии.

С глубокой древности у монголов сохранялся культ гор.

Кроме гор, у монголов того периода священными были Вечное синее небо (Тэигри) и Мать-земля (Этуген). Вера в загробную жизнь, которая представлялась как продолжение земной, также была характерна для монголов того периода. Общение с миром духов (добрых и злых) осуществлялось через шаманов, которые приносили им жертвы и произносили заклинания. Монголы отличались веротерпимостью, и служители всех религий пользовались их покровительством. Впоследствии, когда империя разделилась на ряд фактически не связанных между собой улусов, монголы приняли религии завоеванных ими народов. В империи Юань привился буддизм (его принял Хубилай), а на западе — мусульманство.

Еще при жизни Чингисхана завоеванные им земли были даны в уделы (улусы) сыновьям и родственникам Чингиса. Так, Джучи и его потомки получили Енисейско-Иртышское междуречье и примыкающие к ним Дешт-и Кыпчак. Так как Джучи умер ранее отца, то его владения перешли к сыновьям. Причем, старший сын Джучи — Орда — вместе с младшими братьями получил по повелению Чингиса коренной юрт отца (со ставкой на Иртыше), а второй сын — Бату (Батый) — был назначен главой улуса, но без коренных земель: он должен был мечом добывать себе владения. Бату завоевал земли далеко на запад и явился основателем Золотоордынского ханства. Юрт Орды и его младших братьев впоследствии получил название Ак-Орды (Белой Орды). Это владение первоначально считалось «левым крылом» улуса Бату-хана, но впоследствии стало самостоятельным.

Земли к востоку от этого владения были «коренным юртом» монголов, и поэтому их наследовал младший сын Чингисхана — Тулуй. В верховьях Амура, где расположен Кондуйский городок, был удел младшего брата Чингиса — Отчигина-нойона — и его матери — Оэлун.

В XIII в. Монгольская империя, возглавляемая Чингисханом, а после его смерти в 1227 г. его третьим сыном, Угедеем, продолжала расти территориально. Монгольские войска под командованием старшего сына Джучи — Бату-хана (Батия русских летописей) — завоевали русские земли, прошли в Восточную Европу и дошли до Адриатического моря. Бату-хан основал государство, известное в русской литературе как Золотая Орда.

Наследником императорского престола Угедей-хан назначил своего внука Ширмуна. Но вдова Угедая, Туракина, меркитка по происхождению, насильно взятая в жены Угедеем, договорившись с родственниками, не исполнила завещания. Она стала правительницей, постепенно подготавливая курилтаи, на котором, согласно ее желанию, должны были избрать ее старшего сына, больного малоспособного Гуюка. Регентство Туракины, во время которого она очень запутала государственные дела и создала почву для многих конфликтов, длилось пять лет. Во время междоусобицы младший брат Чингисхана, Отчигин-нойон, выступил со своими войсками к Каракоруму, намереваясь объявить себя великим ханом. Но его попытка не имела успеха. В 1246 г. на курилтае на престол был возведен Гуюк.

Во время недолгого правления Гуюка (1246—1249) обострились его отношения с наиболее влиятельным представителем Джучидов — Бату. Этим не замедлила воспользоваться вдова Тулуя, Союрконтани-беки, чтобы укрепить связи с потомками Джучи. После смерти Гуюка и двухлетнего регентства его вдовы, Огул-Гаймыш, на курилтае в 1251 г. был с помощью Бату избран великим ханом старший сын Тулуя — Мункэ. Сыновьям Тулуя — Мункэ, Хубилаю, Хулагу, Аргуну и Ариг-Буге — суждено было играть выдающуюся роль в истории монгольского государства во второй половине XIII в.

Мункэ, избранный великим ханом в 1251 г., отправил Хулагу и Аргуна на запад завоевывать земли Ирана и Арабского халифата. Сам же он вместе со своим братом Хубилаем предпринял поход на юг, чтобы окончательно завоевать земли Сунского Китая. Ариг-Буга своему младшему брату Мункэ пожаловал в удел часть Енисейско-Иртышского междуречья и северной Монголии с Приангарским краем. После того как Мункэ в 1259 г. умер в южном походе, Хубилай, поддержанный армией и частью родовитой знати, в 1260 г. объявил себя великим ханом в Кайпинфу (близ Долоннора). В то же время, собрав монгольских князей, в Каракоруме объявил себя великим ханом младший брат Хубилая — Ариг-Буга, которого Мункэ оставил править «коренным юртом» на время похода. Избрание двух великих ханов: на севере — Ариг-Буги, а на юге — Хубилая — создало сложную ситуацию, которая привела к длительной междоусобной войне между Ариг-Бугой, поддержанным внуком Угедея Хайду и другими князьями, и Хубилаем. Ариг-Буга потерпел поражение и в 1264 г. сдался Хубилаю. Он был переселен в Китай.

Хубилай, став великим ханом, продолжал завоевания. К 1279 г. им был завоеван весь Китай. Последний малолетний император сунской династии был утоплен своим сановником, чтобы не попасть в плен к монголам.

Еще до полного завоевания Китая Хубилай принял для своей династии название Юань (1271 г.). При Хубилае и его преемниках династия все более и более отрывалась от дел и интересов коренной Монголии. Монгольская придворная знать попадала под влияние культуры оседлого населения, привыкала пользоваться предметами роскоши, постепенно все более и более отходила от старых традиций и простоты степного кочевого быта. Для императоров и их приближенных коренные монгольские земли стали далекой, бедной окраиной блиставшей роскошью Юаньской империи. Это отчуждение было настолько сильным, что через несколько лет после прекращения борьбы Хубилая с Ариг-Бугой началась новая междоусобица, возглавленная внуком Угедея — Хайду, который долгие годы вел борьбу с полководцами Хубилая. После смерти Хайду борьба коалиции с Хубилаем продолжалась до самой смерти Хубилая в 1294 г.

Таким образом, уже в период правления Хубилая Монголия только номинально входила в состав Юаньской империи. Фактически же она была независима от Хубилая и управлялась местными владетелями, которые вели с императором и между собой феодальные войны, чтобы увеличить свои владения за счет соседей и родственников. Потомки Джучи, Чагадай, Угедей и Тулуй, владевшие этими землями в течение второй половины XIII и в XIV в., то воевали, то заключали союз друг с другом и с центральным правительством.

Построенный по повелению Угедея Каракорум, описанный европейскими путешественниками XIII в., потерял значение столицы и стал провинцией. Центр административной, военной, торговой, культурной жизни переместился: для Хубилая и его потомков — в Китай, где был построен Дайду (впоследствии Пекин), а для князей северных земель — в Енисейско-Иртышское междуречье.

Монгольская империя, созданная силой оружия, просуществовала недолго. Уже при сыновьях Тулуя, в конце XIII в., она не представляла единства: на западе Золотая Орда и государство Иль-ханов (в Иране, созданное Хулагу и Аргуном), а на востоке империя Юань были по существу независимыми друг от друга владениями, хотя и поддерживали между собой политические связи. С течением времени эти связи все более и более слабели. Династия Юань была вынуждена сосредоточить все вни-

мание на своих китайских владениях. Но все же удержать в своих руках Китай монголам не удалось. Последний император юаньской династии Тогон-Тэмур был в 1368 г. свергнут восставшим китайским народом и бежал в степи Монголии.

В течение 300 последующих лет территория Монголии была ареной жестокой междоусобной борьбы за власть между отдельными монгольскими феодалами. В начале XV в. произошел разрыв между восточными и западными монголами, т. е. между собственно монголами во главе с потомками Тогон-Тэмюра и ойратами.

Став во главе ойратов, князь Махмуд распространил свою власть на всю Монголию. При внуке Махмуда Эсене ойраты достигли наибольшего могущества. В 1449 г. Эсен выступил против китайской армии, во главе которой стоял император Ин-цзун. Плохо оснащенная китайская армия была разбита, а император взят в плен. Со смертью Эсена руководящая роль перешла к восточным монголам, однако их ханы не пользовались былым авторитетом, феодальные распри продолжались. Правители минской династии Китая прилагали все усилия к тому, чтобы не допустить объединения монголов, сохранить их раздробленность. Алтын-хану туметскому, несмотря на удачные военные действия против Китая, которые усилили влияние юго-западной Монголии и ламаизма в южных частях страны, не удалось добиться прочного единства. Со смертью Алтын-хана его владение распалось на мелкие княжества, между которыми разгорелась новая борьба. К середине XVI в. восточные монголы разделились на северных и южных, что привело к распаду монголов на три группы — северную (халха), западную (ойраты) и южную.

В 30-х гг. XVII в. маньчжуры, двигавшиеся с севера, разгромили войско чахарского князя Ликдана, и южные монголы заявили о своем подчинении маньчжурам. Последние включили чахаров и тумутов в состав своих, так называемых «восьми знаменных» войск, утвердивших в Китае господство маньчжурской династии Цин.

Западные монголы, или ойраты, долгое время жили обособленно; в начале XVII в. от них отделились хошуты, завоевавшие Амдо и Центральный Тибет. Другое их подразделение — торгуты — перекочевали к берегам Эмбы, Урала и Волги и осели в приволжских степях, где стали известны под именем калмыков.

В конце XVII в. (1691 г.) князья и высшее духовенство северной группы монголов халхи, не желая присоединиться к западным монголам, пытавшимся объединить под своим руководством все монгольские народы для борьбы с цинским Китаем, приняли китайское подданство. Маньчжурские власти закрепили за монгольской верхушкой и главой ламаистского духовенства права на феодальные уделы.

Одновременно правители цинского Китая старались защитить себя от ойратов, стремившихся вновь с конца XVII в. к созданию общемонгольского государства. Ойраты этого периода чаще известны под именем джунгаров. В течение 70 лет они мужественно сопротивлялись маньчжурам. Во главе ойратов появлялись один за другим энергичные представители — Галдан, Цеван-Рабтан, Галдан-Цэрэн. При Цеван-Рабтане Джунгарское феодальное государство достигло большого могущества. В 1756 г. маньчжуры разгромили Джунгарию. После поражения ойратского князя Амурсаны и истребления значительной части ойратов в Джунгарии их опустевшие земли постепенно заняли казахи и отчасти вернувшиеся с Волги торгуты (калмыки). Разгромив одних и подчинив других монголов своей власти, цинские императоры поделили всю Монголию на две части — Внешнюю (в настоящее время МНР) и Внутреннюю.

В отношении Внешней Монголии последовательно проводилась политика ослабления власти монгольских князей. Если вначале было сохранено исторически сложившееся удельное деление Монголии, то с течением времени политические права князей урезались. С дроблением их семей увеличивалось количество уделов (хошунов). Управление Монголией постепенно передавалось в руки китайских чиновников. На Монголию было распространено маньчжурское законодательство. Всякого рода подачками, назначением князьям жалованья, награждением их пышными титулами и т. д. маньчжуры превратили монгольских феодалов в послушных проводников своей политики. Кроме феодалов, надежной опорой маньчжурского правительства в Монголии являлось и буддийское (ламаистское) духовенство.

Социальные отношения до революции

Период маньчжурского владычества во Внешней Монголии (1691—1911 гг.) являлся периодом национального гнета и порабощения. Управлением страной ведала палата внешних сношений империи Цинь, находившаяся в Пекине.

Провозглашение после падения в 1911 г. в Китае маньчжурской династии автономии Внешней Монголии не изменило структуры монгольского общества. До самой народной революции (1921 г.), оставаясь чисто скотоводческой страной, Монголия сохраняла феодальные отношения.

Монгольское население закреплялось за *хошунами* (уделами), которые в свою очередь объединялись в аймаки. Хошуны находились под управлением наследственных князей, являвшихся большей частью потомками Чингисхана. Во главе же аймаков стояли князья с титулом хана. Деятельность князей номинально контролировалась китайской администрацией — цзянь-цзюнями и амбанами, которые проживали в центральных городах: Урге, Уliasутae и Кобдо. В соответствии с заслугами перед императором маньчжурские власти жаловали князей титулами — *гун*, *тушегун*, *бейсэ*, *бэйлэ*, *ван*, *цинъ-ван*.

Князья, не имевшие уделов, получали звание *тайчжи*. Хотя они и не стояли во главе хошунов, но могли иметь в своем распоряжении отдельные семьи крепостных (*хамжилга*), которые работали на тайчжи, пасли его скот, выделывали кошму, кожу и выполняли ряд других работ. Хамжилга не значились подданными хошунного князя; если тайчжи умирал, они переходили к его наследникам.

Особенностью феодальных отношений в Монголии было наличие рядом со светскими феодалами сложной иерархии духовных «желтых феодалов» (*гэгэн*, *хутухта*, *хубилган*). Несколько вне системы феодального соподчинения стояли *дарханы* — лица, освобожденные «за особые заслуги» от феодальных повинностей. Монгольские князья (*нойоны*) владели огромными пастбищными территориями, араты (трудящиеся), зависимые от феодала, вели индивидуальное скотоводческое хозяйство в пределах территории (хошуна) феодала. Они не имели права перекочевывать на территорию другого хошуна; пользование пастбищами регулировалось также феодалами.

Лучшие пастбища обычно занимались под стада нойонов, худшие отдавались аратам. Власть феодалов простиралась на всю деятельность населения хошуна. Более того, феодалы могли также передавать аратов своего хошуна в собственность другим феодалам. Нередко нойоны жертвовали аратов сотнями в качестве *шабинаров* (крепостных) наиболее почитаемым монастырям или хубилганам — ламам, считавшимся «перевоплощенцами» буддийских святых.

Монгольское трудовое население, таким образом, делилось на аратов-

албату, шабинаров и хамжилга. Наиболее многочисленной группой были араты-албату.⁵

Одной из распространенных форм эксплуатации беднейших аратов феодалами и байнами (богачами) был *сурук* — отдача скота на выпас на правах феодальной аренды. Арат-сурукчин должен был подавляющую часть приплода, шерсти и молочных продуктов отдавать владельцу стада, для себя же он получал ничтожную долю годовой продукции. Особенно был тяжел сурук с нормированным количеством приплода. Зимние холода, бескормица, эпизоотии губили большой процент молодняка, и сурукчин должен был пополнять выпасаемое стадо феодала в обусловленной норме часто за счет собственного стада. Нередко в результате этого все собственное стадо сурукчина переходило к феодалу, а он сам превращался в пастуха-батрака.

Разновидностью сурука являлся *сааль* — передача скота на выпас только в летний период с правом пользования молоком и частью шерсти. Дословно «сааль» значит «доение». Внешне эта форма аренды кажется свободной от тяжелой эксплуатации, однако по существу уход за скотом при этой форме охватывал весь основной производственный период. Саальчин получал скот — овец и коз — до ягнения и возвращал осенью после стрижки. Он должен был бережно вырастить молодняк, произвести стрижку шерсти, позаботиться о хорошей упитанности стада. Таким образом, владелец скота без всяких затрат получал хорошее стадо с приплодом и почти весь настриг шерсти с него.

Араты-албату не только платили основные налоги феодалу, но и участвовали во всех расходах, связанных с содержанием и управлением хошунов, монастырей, религиозными празднествами, вызовом князей в Пекин и др. Расходы по поездке к маньчжурскому императору (богдо-хану) и подарки последнему нередко приводили к полному разорению трудового аратства хошунов. Тяжелой повинностью была урточная служба — содержание почтовых станций, доставка транспорта, юрт и пищи для проезжающих чиновников.

Владельцы духовные феодалы и монастыри имели также своих крепостных — шабинаров. Среди них различалось несколько групп.

К первой группе относились личные крепостные богдо-гэгэна — главы монгольской церкви, которые в количестве примерно около 150 тыс. человек были расселены по всей стране, составляя внутри каждого хошуна особые, не подчиненные местному феодалу территориальные единицы — *отоки*. Все они входили в состав Шабинского ведомства, центр которого находился в столице Монголии Урге, под непосредственным руководством богдо-гэгэна.

Во вторую группу входили шабинары 13 хутухт — владельцев духовных феодалов, в хошунах (*шаби*) которых проживало до 30 тыс. человек крепостных.

Наконец, третью группу составляли крепостные отдельных монастырей и хубилганов.

Роль монгольского духовенства (лам) и монастырей в жизни рядового монгола была весьма значительной: лама сопровождал арату во всей его жизни: свадьба, рождение, болезнь, смерть — ничто не обходилось без напутствия со стороны ламы. Каждый шаг ламы был связан для арата с солидными расходами.

Ко времени революции 1921 г. 20% скота монголов находилось во владении монастырей. Лам насчитывалось около 120 тыс., что составляло 40% мужского населения страны. По обычаю монголов, каждая семья

⁵ «Алба» значит «обязанность», «повинность».

посвящала в ламы одного из двух сыновей, отдавая их в монастыри с 7—8-летнего возраста. Нормальное обучение в монастыре заканчивалось в 40—45 лет. Содержание детей в монастырях ложилось на плечи родителей.

В роли крупного эксплуататора трудового аратства выступал также китайский торгово-ростовщический капитал. Одной из тяжелых форм эксплуатации была круговая порука, распространявшаяся на долговые обязательства аратов купечеству. Круговая порука начиналась по линии родства, в первую очередь за провинившегося арата отвечали родственники, затем весь *сомон* (низшая административная единица) и далее хошун. Система предоставления товаров в долг охотно применялась представителями торгового капитала. Монголы часто попадали в пожизненную кабалу к китайским торговым фирмам. Наряду с торговлей китайские фирмы занимались отдачей денег в рост, некоторые из них, как например Дашэнку и Тяньдэ, специализировавшись на ростовщичестве, представляли собой мощные банкирские конторы; за ссудой к последним нередко прибегали монгольские князья, нуждавшиеся постоянно в деньгах. Особенно большие суммы расходовались князьями при поездках в Пекин ко двору богдо-хана, куда полагалось являться с богатыми подарками; требовались средства также для взяток китайским чиновникам, на подношения ургинскому богдо-гэгэну и пр. Население, занимавшееся скотоводством, не могло предоставить нужных сумм князьям, почему последним и приходилось обращаться к ростовщическим конторам. О размерах эксплуатации монгольского населения торгово-ростовщическим капиталом красноречиво говорят следующие цифры: так, например, фирма Дашэнку ежегодно получала в виде процентов по долгам 70 тыс. лошадей и 500 тыс. баранов. Общая задолженность хошунов Внешней Монголии Китаю в 1911 г. (ко времени падения маньчжурской династии) достигала 11 млн лан серебром, или 15 млн руб. золотом.

Национально-освободительное движение	Тяжелое положение аратских масс, кабальные формы зависимости от феодалов и китайско-маньчжурских властей все более и более усиливали недовольство аратов и заставляли их искать выход в борьбе против господствующего класса. Во второй половине XIX в. стихийные аратские волнения усилились. Араты во многих хошунах убегали от своих феодалов и создавали «вольные» отряды, носившие название <i>сайн эрэ</i> в восточной Монголии и <i>госты</i> в западной Монголии. Сайн эрэ нападали на феодалов, уводили у них скот и лошадей. Широкие массы видели в них смельчаков, борющихся против феодалов и защищающих интересы угнетенного населения. О наиболее популярных героях складывались песни и легенды. В отдельных хошунах араты выдвигали требование устранения князей и организовывали вооруженные выступления, сопровождавшиеся разгромом княжеских ставок. На рост аратского движения большое воздействие оказала революция 1905 г. в России. Под ее влиянием произошло одно из значительных в истории Монголии восстаний в Дзасакту-Хановском аймаке, поднятое аратом Аюши. Восставшие требовали облегчения урточной повинности, освобождения аратов от албы, отмены привилегий феодалов, отказа от уплаты долгов китайскому купечеству. Восстание было подавлено китайскими войсками.
---	--

Китайская буржуазно-демократическая революция 1911 г. и падение в Китае цинской династии усилили революционную борьбу монгольского народа. Однако монгольские феодалы постарались использовать это движение за отделение Монголии от Китая в своих интересах, затушевывая антифеодальную сущность народного движения и придавая ему общенациональный характер борьбы за отделение.

В декабре 1911 г. в Урге произошел переворот. Китайские губернаторы и чиновники были изгнаны. На съезде князей и высшего духовенства было декларировано отделение Монголии от Китая, на престол был возведен глава буддийской (ламаистской) церкви в Монголии богдо-гэгэн с титулом «многими возведенный». В руках богдо-гэгэна сосредоточилась как духовная, так и светская власть. Китайские власти признали автономию Внешней Монголии с тем условием, что монголам принадлежит право самим ведать только внутренним управлением страны и решать касающиеся их вопросы торговли и промышленности.

Автономия Монголии не улучшила положения трудящегося монгольского народа. Араты продолжали по-старому находиться под гнетом феодалов. Аратские волнения не прекращались.

В период первой мировой войны усилил свои притязания на Монголию японский империализм. Аппетиты Японии особенно разгорелись в период гражданской войны в Советской России 1918—1921 гг. В 1919 г. Япония сделала попытку оккупировать Монголию. Более того, используя белогвардейского атамана Семенова, Япония намеревалась создать под своим протекторатом «Великое Монгольское государство» от Байкала до Тибета. Японские планы были разрушены Красной Армией, успешно ликвидировавшей власть белогвардейцев на Дальнем Востоке. Япония попыталась захватить Монголию руками китайских милитаристов. В конце 1919 г. в Монголию были введены войска матерого японского агента аньфуиста⁶ Сюй Шу-чжэна, известного под кличкой «маленького Сюя». Последний подкупам и угрозами заставил монгольскую знать и верхушку духовенства подписать петицию китайскому президенту об отмене автономии.

Военный режим, введенный Сюй Шу-чжэном, восстановление отмененных в 1911 г. кабальных долгов китайским купцам, введение огромных налогов и натуральных повинностей на содержание оккупационных войск, реквизиции и т. п. — все это вызвало взрыв народного негодования и подняло на борьбу против японских ставленников население всей страны, не исключая и феодальные элементы. В это время в Урге создавалась подпольная группа будущей Монгольской народно-революционной партии (МНРП), которая повела агитацию за установление связи с Советской Россией. Создателем партии был Сухэ-Батор.

Заручившись поддержкой Советского правительства, монгольские революционеры развернули работу по сплочению народных масс на борьбу против интервентов. После свержения в Китае аньфуистского правительства и бегства Сюя Япония сделала ставку на изгнанных из России белогвардейцев. После захвата Урги наемником Японии Унгерном в 1921 г. начались грабежи, погромы и жестокая расправа с мирным населением. Монгольские народные массы в ответ на репресии повели борьбу против интервентов. Руководящей силой в этой борьбе явилась Монгольская народно-революционная партия.

1 марта 1921 г. на границе Монголии с СССР, в г. Маймачэне, состоялся первый съезд Монгольской народно-революционной партии, поставившей вопрос о создании в Монголии народно-революционной власти. 13 марта на совещании представителей партии, партизанских отрядов и населения было избрано временное народное правительство, руководимое МНРП. Временное правительство, будучи не в состоянии силами одной только Монгольской народно-революционной армии изгнать из страны белогвардейцев, обратилось к Советскому правительству за

⁶ Клуб Аньфу — партия китайских милитаристов, помещиков и крупных чиновников, послушных проводников влияния японского империализма.

помощью. Советское правительство со своей стороны было заинтересовано в ликвидации белогвардейского очага в Монголии. Совместными усилиями Красной Армии и Народно-революционной армии Монголия была освобождена от белогвардейцев. После разгрома оккупантов встал вопрос об организации государственной власти. Решение вопроса о форме правления имело существенное значение для дальнейшего развития национально-демократической революции. В стране отсутствовал промышленный пролетариат, было еще сильно влияние лам на народные массы, не была сломлена власть феодалов. Все это определило характер государственного строя на первом этапе революции. Учитывая экономическую, политическую и культурную отсталость страны, Монгольская народно-революционная партия не могла сразу пойти на учреждение республики. 11 июля 1921 г. была временно установлена конституционная ограниченная монархия во главе с богдо-гэгэном, фактически же власть находилась в руках народного правительства. В течение короткого периода народная власть провела ряд важных мероприятий, направленных на укрепление государства и раскрепощение аратов. Земля была объявлена общественным достоянием, была аннулирована задолженность по иностранным займам Внешней Монголии, отменены феодальные повинности, ликвидирован институт взаимной ответственности внутри общины (круговой поруки). Правительство привлекло феодалов к уплате налогов, уравнило их со всеми аратами в праве пользования пастбищем, запретило взимать с населения насильственные поборы на религиозные нужды. В стране была организована торговая кооперация (Монценкооп). 27 октября 1921 г. состоялось открытие Малого хурала — первого в истории Монголии законодательного собрания представителей трудящихся масс. Хурал одобрил и утвердил все постановления и распоряжения правительства. Успешному осуществлению политики народного правительства способствовало установление дружественных отношений с Советской Россией.

В 1924 г., после смерти богдо-гэгэна, народное правительство объявило Монголию независимой республикой, высшая власть в которой перешла к Великому народному хуралу (национальному собранию).

Однако враги монгольского народа не унимались. Японские империалисты, утвердившись в Маньчжурии, организовали провокационные вылазки на границе СССР и МНР. Своёвременная помощь Советского Союза расстроила агрессивные планы японского империализма. Действия Красной Армии совместно с Монгольской народно-революционной армией привели в августе 1939 г. к разгрому японских захватчиков у р. Халхин-Гола. При поддержке Советского Союза монгольский народ отстоял свою независимость.

14 августа 1945 г. между СССР и Китаем было заключено соглашение, в котором китайское правительство заявило, что оно признает независимость Внешней Монголии в ее существующих границах, если плебесцит монгольского народа выскажется за независимость.

20 октября 1945 г. в МНР состоялся плебесцит. Монгольский народ единодушно голосовал за государственную независимость МНР.

На путях социалистического строительства

Характеризуя путь развития Монгольской Народной Республики, можно говорить о следующих исторических этапах.

Первый этап развития Монгольского народно-демократического государства (1921—1940 гг.), включающий период от победы народной революции до ликвидации эксплуататорских классов и принятия новой конституции, явился по своему характеру этапом антиимпериалистической, антифеодальной революции. Она была антиимпе-

риалистической, так как была направлена против чужеземных угнетателей и ставила своей задачей национальную независимость монгольского народа. Она была антифеодальной, так как трудящиеся араты боролись против гнета светских и духовных феодалов своей страны.

Первый этап был периодом возникновения и упрочения народной демократии. Народная власть в МНР, возглавляемая Монгольской народно-революционной партией, осуществляла функции революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян. Развитие производительных сил на этом этапе шло за счет укрепления индивидуальных аратских хозяйств и создания государственных и кооперативных предприятий в различных отраслях народного хозяйства.

На втором этапе, начавшемся после 1940 г., Монгольское народно-демократическое государство, сохраняя, как и на первом этапе, в полной мере функции защиты страны от нападения извне, поставило главной задачей всех органов своего государства хозяйственно-организационную и культурно-воспитательную работу.

На этом этапе началось успешное укрепление и дальнейший рост социалистического сектора в экономике страны, представленного государственными и кооперативными предприятиями в промышленности, на транспорте, в органах связи и в сельском хозяйстве; начался усиленный рост трудового подъема населения, выражающийся в социалистическом соревновании во всех отраслях народного хозяйства.

Вместе с возникновением и развитием национальной промышленности появился в стране и рабочий класс. В результате ликвидации эксплуататорских классов в настоящее время в монгольском обществе остались лишь дружественные классы — рабочий класс и араты (крестьяне). Рабочий класс МНР стал ведущей силой монгольского народа в борьбе за социализм. XIV съезд Монгольской народно-революционной партии (июль 1961 г.) отметил, что Монгольская Народная Республика вступила в новый период своего развития, в период завершения строительства социалистического общества. Всемерное создание материально-технической базы социализма, превращение МНР из страны аграрно-индустриальной в индустриально-аграрное государство является основной дальнейшей задачей монгольского народа.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ

МНР делится на 18 аймаков — областей (см. таблицу); каждый аймак в свою очередь делится на сомоны — сельские районы.

Столица МНР — город Улан-Батор, с населением 217,8 тыс. человек (по переписи населения на 5 января 1963 г.) — составляет самостоятельную административную единицу. Улан-Батор был основан в 1639 г., чтобы стать резиденцией главы ламаистской церкви в Монголии богдо-гэгэна. У русских ранее он был известен под именем Урга (искажение слова *urgoo* — «дворец», «ставка важного лица»). Сами монголы до революции называли его Да хуре, или Йэхэ хуре («большой монастырь»), а иногда Богдо хуре («святой монастырь»). В прошлом это был город-монастырь. До 1779 г. монастырь был кочевым. В 1779 г. он закрепился на ныне занимаемом месте — на северном берегу Толы. До революции он оставался резиденцией главы буддийской церкви в Монголии — богдо-гэгэна. Вокруг монастыря выросли китайская торговая слобода, помещения административных учреждений, дома князей и чиновников.

В 1924 г. Урга была переименована в Улан-Батор («красный богатырь»). Ныне этот город стал крупным политическим, культурным и промышленным центром МНР. В корне изменился весь внешний облик города, изменился классовый состав населения его, изменилась и вся жизнь города.

Улан-Батор — современный город с широкими площадями и проспектами, ансамблем светлых многоэтажных зданий, асфальтированными магистралями и зелеными скверами, а также с центральной системой водопровода, канализации и теплофикации. Улан-Батор — не только административный и культурный центр

республики, но и промышленный центр и важный международный транспортный узел на Востоке. Он делится более чем на 40 районов.

В центре города, вокруг площади имени Сухэ-Батора, расположен ряд новых зданий, в том числе здание Дома Правительства, с изящными колоннами.

В строительстве города используются традиционные архитектурные детали, которые сочетаются с современными постройками «общеевропейского» типа. Так, например, оформлена центральная площадь города. Перед Домом Правительства находится облицованная черным полированным лабродоритом усыпальница вожди монгольского народа Сухэ-Батора. В центре площади памятник Сухэ-Батору: на гранитной скале — всадник на вздыбленном, горячем степном скакуне, с простертой вперед правой рукой. Четырнадцать древнемонгольских львов, символ благородства и могущества, образуют его ограду. Это исконная монгольская традиция в скульптуре. Вокруг площади расположены здания Государственного университета, Государственного театра оперы и балета, гостиницы «Алтай», кинотеатра «Элдэб очир» и др. Несколько в стороне находится промышленный район города, в нем более 40 фабрик и заводов, которые производят больше половины всей промышленной продукции республики.

От старой Урги остались своеобразные постройки бывших буддийских монастырей (один из них действует), белоснежные юрты кое-где соседствуют с современными зданиями. Они хотя и создают своеобразный колорит, все же не определяют лицо сегодняшней монгольской столицы.

Аймачные и сомонные центры строились или заново, или путем реконструкции населенных пунктов бывших крупных монастырей. Обычно города являются административными центрами аймаков.

Город Чойбалсан — административный центр Восточного аймака — расположен на берегу Керулена, промышленный, торговый и культурный центр на востоке страны; основан около 140 лет тому назад. Вначале это была ставка местного

Административно-территориальное деление МНР

Наименование аймака	Год образования	Число сомон-нов (1961 г.)	Название аймачного центра	Население (в тыс. человек по переписи населения на 5 января 1963 г.)
Ара-Хангайский	1931	25	Цэцэрлэг	63.0
Баян-Улэгэйский	1940	20	Олгий (Баян-Улэгэй)	47.2
Баян-Хонгорский	1942	22	Баян-Хонгор	45.1
Булганский	1938	19	Булган	32.6
Гоби-Алтайский	1940	21	Юсул-Булак	42.1
Восточно-Гобийский	1931	15	Сайн-Шанд	27.1
Средне-Гобийский	1942	19	Мандал-Гоби	28.5
Дзабханский	1931	24	Улясугай	59.2
Убур-Хангайский	1931	26	Арбай-Хэрэ	56.5
Южно-Гобийский	1931	15	Далан-Дзадагад	22.6
Сухэ-Баторский	1942	18	Барун-Урт	31.5
Центральный	1931	25	Даун-Мод	52.2
Убсунурский	1931	20	Улангом	50.9
Кобдоский	1931	18	Кобдо	46.7
Хубсугульский	1931	26	Мурэн	63.4
Хэнтийский	1931	19	Ундэр-Хан	36.4
Селенгинский	1959	12	Сухэ-Батор	44.5
Восточный	1931	13	Чойбалсан	35.2

князя, вокруг которой затем выросли торговые ряды и обосновалось несколько монастырей. Сейчас в городе работают мукомольный комбинат, теплоэлектростанция, угольная шахта близ города, шерстомойка, предприятия пищевой промышленности. Рабочие составляют более 20% населения города. В последние годы построены новые здания музыкально-драматического театра, краеведческого музея, гостиницы, школы, массивы жилых домов, высажены тысячи деревьев. В Чойбалсане находятся межаймачная больница с несколькими отделениями и лабораториями, педагогическое училище и горнорудный, сельскохозяйственный и медицинский техникумы и др. Город Чойбалсан — железнодорожный, авиационный и автотранспортный узел республики.

Рис. 129.
1 — город Улан-Батор; 2 — город Урга (старый Улан-Батор).

Город Цэцэрлэг — центр Ара-Хангайского аймака, образовался на месте торговой слободы, примыкавшей к крупнейшему монастырю Цзаин-Хуре. «Цэцэрлэг» в переводе с монгольского языка означает «сад», и действительно он превращается в город-сад. Цэцэрлэг имеет биофабрику, предприятия пищевой промышленности и промысловой кооперации. Из года в год вступают в эксплуатацию новые объекты промышленного, культурного и жилого строительства.

Город Кобдо — центр Кобдоского аймака, расположен на р. Буянту, у северных отрогов Монгольского Алтая; основан в 1718 г.

Современный Кобдо — экономический и культурный центр на западе Монголии. В нем выходит газета «Хөдөлмөр» («Труд»), имеются промышленные предприятия, музыкально-драматический театр, построенный в старомонгольском архитектурном стиле, стадион и т. д. Город утопает в густой зелени.

Город Улсутаи — центр Дзабханского аймака, расположен среди отрогов Хангая. Он был основан в 1733 г. Сейчас Улсутаи представляет собой современный город, застроенный капитальными домами.

Город Улангом — центр Убсунурского аймака, раскинулся на месте древнего монастыря у подножия Красного Холма (отсюда происходит его название: *улангом* — «красный холм»). В его облике более заметно среднеазиатское влияние: глинобитные дома с плоскими крышами, глинобитные заборы. Город очень зеленый. Здесь развита перерабатывающая промышленность. Построены новые здания дворца культуры, школы-десятилетки, мельничного комбината и т. д. В городе имеется краеведческий музей. Население города многоязычно.

Город Далан-Дзадагад — центр Южно-Гобийского аймака. Он быстро застраивается белокаменными зданиями административных учреждений, больниц, школ, библиотек. Здесь сооружен большой стадион, работает радиостанция.

Город Мурэн — центр самого северного в МНР Хубсугульского аймака. Это молодой растущий город. В нем есть клуб, библиотека, радиостанция, гостиницы, издается ежедневная газета, регулярно выходит литературный альманах «Волны Хубсугула», работает краеведческий музей.

Город Сухэ-Батор — центр Селенгинского аймака, расположен на берегу Орхона, близ границы с СССР. Здесь находится пристань Селенгинского пароходства и станция железной дороги Наушки — Улан-Батор.

Город Олгий — новый и растущий центр Баян-Улэгэйского аймака.

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Степи и горные пастбища издавна использовались монголами для выпаса скота. Из всех древних источников о монголах известно, что основным их занятием было кочевое скотоводство — разведение *таван хошу мал* (буквально «скота-пятиугольника»): лошадей, овец, коз, крупного рогатого скота (в том числе сарлыков) и верблюдов. Изображение этих пяти видов животных на прежнем государственном гербе МНР подчеркивало большую роль скотоводства в народном хозяйстве республики. Следует подчеркнуть, что тысячелетней практикой монголов-скотоводов были выведены путем отбора породы животных, прекрасно приспособленные к суровому климату Монголии, и выработаны специфические приемы ведения скотоводческого хозяйства.

Обширные монгольские степи, если не считать бедных растительностью Южного и Юго-Восточного Гобийского районов, представляют собой прекрасные естественные пастбища. Расстояние перекочевки и характер сезонных стоянок не везде одинаковы. Маршруты перекочевки определялись сезонностью пастбищ, которые делятся на весенние, летние, осенние и зимние. В районах Хангая благодаря обилию трав передвижение совершается на небольшие расстояния. Летние стоянки здесь располагаются в долинах рек, зимние же — в более высоких местах.

В холмисто-равнинной степи недостаток трав вызывает передвижение на расстояние до 50 км от одной стоянки до другой, которые в летнее время располагаются в низких местах, около воды, в зимнее же время — преимущественно на южных склонах гор. В западных районах араты летом расселяются главным образом в высокогорных частях, недоступных в другое время, стремясь использовать корм этих мест, зимой же спускаются в нижний пояс гор. В южной полосе Хангая и восточных районах

араты летом располагаются в горах, а зимой откочевывают в бесснежные гобийские низины.

Несмотря на богатый народный опыт монголов, до революции скотоводство находилось на крайне низком уровне и велось примитивным способом. Эта отсталость объяснялась главным образом социально-экономическим и политическим факторами. Система феодальных экономических отношений была основной причиной экстенсивного развития скотоводства. Феодалы, составлявшие 7.8% населения, владели 49.5% скота в стране, в то время как араты — 92.2% населения — имели 50.5% скота.⁷ Феодалам же принадлежали лучшие пастбища и водоемы. Феодалов и духовенство вполне устраивало пастбищное животноводство, потому что издержки производства по нему были минимальными. Затрата на рабочую силу была очень низкой. Араты пасли скот феодалов почти бесплатно. Развитие аратского единоличного хозяйства не имело никакой экономической перспективы. Монголы не знали ранее ни сенокосения, ни заготовки кормов на зиму, у них не строились загоны для защиты скота от мороза, дождя и хищных зверей. Равным образом не было ветеринарных и зоотехнических учреждений, отсутствовал специальный уход за молодняком, не было колодцев в тех районах, где не хватало воды. Скот круглый год находился на подножном корму. При низком уровне развития производительных сил только путем перекочевки араты могли прокормить и сохранить свой скот. Зимой для овец, коз, рогатого скота и верблюдов выбирались места малоснежные; для лошадей же были пригодны и местности с более мощным снежным покровом, так как своими крепкими копытами они могли разгребать глубокий снежный пласт. Единственное богатство монголов — скот — находился во власти стихийных бедствий. Поголовье и продуктивность скотоводства зависели от природных и климатических условий. Засуха и *дзут* были смертельным бичом для кочевников. *Хара зуд* (в переводе с монгольского «черная бескормица») наступал зимой, когда из-за отсутствия снега в безводной местности тысячами гибнет скот. В суровые зимы и особенно в весеннюю гололедицу, когда животные не могли добыть корм из-под снега или ледяного покрова, они обречались на истощение и массовый падеж, начинался *цаган зуд* (т. е. «белая бескормица»). Случался *туурайн зуд* («копытный дзут»), когда от большого скопления животных пастбища бывали выбиты и наступала бескормица. Большое количество (до 50% и более) скота гибло также от эпизоотий: чумы, сибирской язвы, сапа, ящура и др. В таких случаях неустойчивое хозяйство скотоводов разорялось.

Земледелие в Монголии не выходило из стадии зачаточного состояния. После победы народной революции 1921 г., в результате ликвидации в Монголии колониального и феодального гнета, было обеспечено развитие страны по некапиталистическому пути. Еще тогда в беседе с членами монгольской делегации во главе с Сухэ-Батором великий Ленин указывал, что «только из островков нового хозяйственного уклада, созданного под влиянием партии и правительства, сложится новая некапиталистическая экономическая система в аратской Монголии».⁸

В первые годы партия и правительство провели ряд революционных мероприятий. На первом, общедемократическом, этапе развития Монголии (1921—1940 гг.) в стране были ликвидированы феодальные отношения, уничтожена экономическая база феодализма, проведена национализация земли, которая лежала в основе раскрепощения аратства. Уже

⁷ Б. Ширядаб. Народная революция в Монголии и образование Монгольской Народной Республики, 1921—1924. М., 1956, стр. 8.

⁸ IX съезд Монгольской народно-революционной партии. Изд. «Современная Монголия», Улан-Батор, 1934, стр. 33.

в 1921—1924 гг. аратство было избавлено от крепостной зависимости, от уплаты долгов иностранцам-ростовщикам, были отменены феодальная система налогового обложения и все привилегии светских и духовных феодалов. Налоговая политика была направлена прежде всего на подрыв политических и экономических позиций крупных хозяйств светских и духовных феодалов и на поддержку мелких трудовых хозяйств.

МНРП, строго учитывая специфические местные условия и опыт тысячелетнего ведения кочевого скотоводческого хозяйства, а также почти полное отсутствие земледелия, для ускорения развития производительных сил страны основное внимание уделила развитию животноводства. Правительство МНР с первых же дней своей деятельности, учитывая огромное значение животноводства в экономике, проявило особую заботу об организации в стране ветеринарно-зоотехнической службы, улучшении пород скота, заготовке кормов и постройке *хашанов* — утепленных загонov и укрытий для скота на зиму. На севере хашаны строили из лесоматериалов, а в степных и пустынных районах — из камня и глины. В безводных районах было начато рытье колодцев.

На первых этапах развития производственного кооперирования аратских хозяйств существенное место занимала простейшая форма кооперации — товарищества (*хотоны*) по совместному выпасу скота, сенокосению, постройке хашанов и рытью колодцев, а в западных районах — по устройству орошаемых полей. В хотолах скот являлся частной собственностью каждого арата. Каждый член товарищества должен был личным трудом участвовать в работе и нести расходы пропорционально количеству скота. Объединения для пастбы скота часто носили сезонный характер, т. е. на лето объединялись по уходу за одной группой скота, а на зиму — за другой. В то время еще не было объективных условий для массового кооперирования. Аратство еще не убедились на опыте в преимуществах общественного хозяйства перед единоличным. Наряду с большим вниманием, уделяемым развитию социалистического сектора в сельском хозяйстве, государство проявляло большую заботу и о единоличных аратских хозяйствах. Передовым аратам, которые добивались высоких показателей в увеличении поголовья скота, предоставляли льготы, их окружали большим вниманием, дарили ценные подарки, присуждали премии и т. д.

Наиболее значительным по удельному весу в народном хозяйстве и по численности занятого населения являлось свободное аратское хозяйство, которое быстро шло по пути превращения из натурального в мелко-товарное. Народная власть также стремилась к ограничению в сельском хозяйстве зарождающихся на базе мелко-товарного производства капиталистических элементов.

Вслед за национализацией земли было проведено второе по своей значимости важное социальное мероприятие — широкое наступление на экономические позиции феодалов. В 1929—1932 гг. государство конфисковало скот и имущество значительной части крупных хозяйств феодалов и распределило этот скот и имущество среди аратов; эти меры подрывали экономическое положение светских феодалов и позволили снабдить скотом и инвентарем большую часть батрацких и бедняцких групп аратства. Однако для окончательной ликвидации старой системы хозяйства нужно было нанести удар и по церковным феодалам. Так как ламаизм глубоко укоренился в Монголии и долгое время пользовался значительным влиянием в массах, борьба с ламством была сложнее и требовала большой подготовительной работы. Необходимо было в первую очередь привлечь на свою сторону основную массу низших лам, являвшихся выходцами из среды аратства, тем самым изолировать контрреволюционную вер-

хушку, передать джасовый (монастырский) скот аратам для выпаса на договорных началах и т. д. Массовая конфискация скота и имущества крупных духовных феодалов была произведена в конце 30-х годов.

МНРП на общедемократическом этапе революции проводила политику поддержки единоличных аратских хозяйств, одновременно поощряя простейшие аратские производственные объединения (АПО), требовала строгого соблюдения принципа добровольности при кооперировании аратов, оказывая объединениям необходимую помощь (например, им отводили лучшие участки земли, предоставляли кредит на льготных условиях, их скот до 1940 г. не облагался налогом).

К началу 40-х годов в МНР было уже около 100 аратских производственных объединений, которые вырастили кадры, имевшие некоторый опыт кооперирования в условиях кочевого хозяйства. К 1940 г. весь скот принадлежал аратам-единоличникам, аратским производственным объединениям и госхозам. В конце 30-х годов были созданы конно-сенокосные станции и госхозы. Конно-сенокосные станции возникли на базе оборудования 10 машинно-сенокосных станций, подаренных в 1937 г. монгольскому народу Советским Союзом. В последующие годы эти станции, занимавшиеся только заготовкой сена, стали преобразовываться в машинно-животноводческие станции. Тогда в стране было 12 животноводческих и земледельческих госхозов, оснащенных современной техникой. Госхозы были призваны внедрять новую технику, новую культуру в сельское хозяйство страны, готовить квалифицированных работников полеводства и животноводства.

В результате аграрных преобразований к началу 40-х годов экономика аратов *хөдөөн* (сельской местности) была представлена мелкотоварным и социалистическим укладами, а также зачатками капиталистического и незначительными элементами натурального хозяйства. Из них преобладал мелкотоварный уклад, но постепенно все большее значение приобретали социалистические формы хозяйства. К 1940 г. в Монголии были решены основные задачи общедемократического этапа революции.

На втором, социалистическом, этапе революции (с начала 40-х годов) в МНР основной задачей стало социалистическое переустройство сельского хозяйства путем постепенного преобразования единоличных аратских хозяйств в крупные социалистические хозяйства. К 1955 г. в стране насчитывалось около 200 объединений. Аратские производственные объединения в хозяйственном отношении значительно окрепли. Все это предопределило коренные изменения в кооперативном движении. Складывались все условия для полного кооперирования сельского хозяйства. Сельскохозяйственные объединения (СХО) представляют собой добровольные организации, в которых общественные средства производства являются коллективной собственностью членов объединения. Продукция коллективного хозяйства распределяется между его членами согласно вложенному каждым из них труду.

К 1960 г. была завершена в основном коллективизация аратских хозяйств. Трудовое аратство, убедившись в неоспоримых преимуществах коллективной организации труда, полностью встало на кооперативный путь ведения хозяйства. В связи с завершением кооперирования аратских хозяйств, осуществленного в соответствии с ленинским кооперативным планом и учетом особенностей развития МНР, во всей экономике страны одержали победу социалистические производственные отношения. Основное противоречие переходного периода было разрешено в пользу социализма. Теперь в социалистическом сельском хозяйстве сосуществуют государственный сектор в виде госхозов и машинно-животноводческих станций и кооперативный сектор в лице сельскохозяйственных объедине-

ний. Сельское хозяйство в МНР является основной отраслью народного хозяйства и состоит из двух главных отраслей — традиционного скотоводства и успешно развивающегося земледелия. В настоящее время в Монголии насчитывается около 300 сельскохозяйственных объединений, свыше 30 госхозов и 40 машинно-животноводческих станций. На каждое объединение приходится в среднем 55 тыс. голов общественного скота и 180 га посевов, а на один госхоз в среднем приходится 23 тыс. голов скота и 11 тыс. га посевов.

После победы кооперативного строя главная задача заключалась в дальнейшем организационно-хозяйственном укреплении СХО, подъеме благосостояния их членов и повышении их материальной заинтересованности. С января 1960 г. члены СХО были полностью освобождены от уплаты налога и поставок государству молока со скота, находящегося в личном владении. До этого была изменена система заготовок сельскохозяйственных продуктов и значительно повышены заготовительные цены на сельскохозяйственные продукты. Каждое аратское хозяйство, состоящее в объединении, имеет собственные юрту, жилые и хозяйственные постройки, телеги, сбрую, мелкий сельскохозяйственный инвентарь и от 50 до 70 голов скота, в зависимости от районов страны: в Хангайской зоне (лесостепь) — 50 голов, а в Гобийской зоне (пустыня и полупустыня) — 70 голов.

Сельскохозяйственные объединения становятся крупными социалистическими хозяйствами. Основой организации общественного производства в СХО является производственная бригада. Бригады создаются как животноводческие, по видам скота, так и комплексные, сочетающие в себе различные направления производственной деятельности, например выращивание молодняка и посев кормовых культур.

По всем видам сельскохозяйственных работ устанавливаются нормы выработки и расценки в трудоднях. В основном сельскохозяйственные объединения перешли на денежную оплату труда. Это в свою очередь создает условия для внедрения хозрасчета в производство СХО. Из полученной сельскохозяйственной продукции часть вносится государству и создаются различные фонды (неделимые, фуражные, страховые и др.), часть выделяется для продажи, остальная продукция распределяется между членами объединения по трудодням. Наряду с основной отраслью хозяйства — животноводством — сельскохозяйственные объединения занимаются земледелием, огородничеством и другими подсобными отраслями хозяйства. В Хубсугульском аймаке цаатан (тувинцы-тоджинцы) разводят также оленей. В последнее время в Монголии стали развиваться такие новые отрасли, как свиноводство, птицеводство и звероводство. Свиноводство и птицеводство развиваются главным образом в госхозах. Так постепенно преодолевается однобокость сельского хозяйства страны.

На основе кооперирования аратских хозяйств впервые в республике было проведено межхозяйственное землеустройство. Если ранее административные границы устанавливали только для аймаков, то сейчас сельскохозяйственные угодья закреплены на вечное пользование за СХО и госхозами. Государство предоставляет СХО ссуды на заготовку кормов, приобретение сельскохозяйственного инвентаря и строительных материалов, породистых производителей и др.

Денежные доходы кооперативов увеличились за 1959—1962 гг. в 3 раза, а денежная оплата труда кооперативов — в 2,3 раза.

Машинно-животноводческие станции (МЖС) играют огромную роль в оказании материально-технической помощи СХО в повышении продуктивности скота, в развитии животноводства и земледелия. МЖС — это государственные сельскохозяйственные предприятия, которые выполняют

работы по заготовке кормов, электрострижке овец, искусственному осеменению скота, строительству хашанов, пахоте, внесению удобрений, севу и уборке зерновых, перевозке грузов и т. д. Они оказывают помощь в механизации всех трудоемких работ во всем сельском хозяйстве. Все МЖС имеют современную технику и являются рассадниками агро- и зоотехнических знаний в худоне. Они имеют крупные оседлые центры.

Ведущее место в сельском хозяйстве по-прежнему занимает теперь его традиционная отрасль — животноводство; в нем занято 64% населения страны. Животноводство дает подавляющую часть продукции сельского хозяйства и является главным поставщиком сырья для многих отраслей промышленности и товаров для экспорта (74% экспорта страны). Первое место в экспортных статьях по стоимости занимает шерсть, второе — скот.

Животноводство постепенно меняет свой экстенсивно-кочевой характер. Общее поголовье скота за годы народной власти увеличилось в 2,5 раза. В настоящее время по количеству скота на душу населения МНР занимает первое место в мире. В МНР на душу населения в среднем приходится около 30 голов скота. Первое место по поголовью занимают овцы — 52%, второе козы — 25%, затем лошади — 11%, крупный рогатый скот — 8,3%, верблюды — 3,7%.

Основную часть поголовья скота составляют овцы. В лесостепных и степных аймаках наряду с местными грубошерстными овцами стали разводить овец с тонкой и полутонкой шерстью. Во всех аймаках МНР продолжают разводить в основном местных короткожирнохвостых овец. Они преобладают в хозяйствах большинства западных и юго-западных, а также гобийских аймаков. Местных курдючных овец разводят в основном в Баян-Улэгэйском аймаке, а также некоторых сомонах Убсунурского и Кобдоского аймаков. В Южных Гобийских аймаках, кроме местных монгольских овец, начали разводить смушковых овец. Козы в основном распространены в западных аймаках. Крупный рогатый скот наиболее плотно размещен в лесостепных, центральных и восточных аймаках, лошади — в центральной части степной зоны. Максимальное количество поголовья верблюдов сосредоточено в полупустынной зоне. Сарлыки наиболее распространены в северных горных районах республики.

Проводится значительная работа по улучшению качества всех видов скота и увеличению его продуктивности. Это достигается улучшением породы местного скота, скрепчиванием ввозимых из-за границы племенных животных с местными породами скота и другими мерами. Работа по племенному улучшению стада поставлена в центр внимания аймачных сельскохозяйственных управлений. В стране создано несколько десятков племенных станций и несколько сот пунктов искусственного осеменения. Идет работа по улучшению продуктивности местного монгольского крупного рогатого скота в госхозе «Тувшруулэх» Ара-Хангайского аймака и других госхозах.

В настоящее время в республике имеется целая сеть стационарных ветеринарных учреждений. Ведется борьба с различными заболеваниями скота, организован ветеринарный надзор, проводятся профилактические мероприятия. Эпизоотии, типичные для дореволюционной Монголии, сейчас почти исчезли. К концу 1965 г. наряду с госхозами каждое СХО будет иметь свой ветеринарно-врачебный пункт, а каждая из животноводческих бригад — ветеринарно-фельдшерский пункт.

Государство уделяет большое внимание механизации трудоемких процессов животноводческого хозяйства. Механизируются такие трудоемкие работы, как стрижка овец, заготовка кормов, дойка коров и т. д. Теперь каждая из МЖС оборудована электростригальными аппаратами.

В июле 1963 г. в Монголии создан новый Научно-исследовательский институт животноводства АН МНР для развития животноводства на научной основе.

Государство большое внимание уделяет важной проблеме создания в стране прочной кормовой базы, имеющей первостепенное значение для развития животноводства. В широких масштабах проводится сенокосение на естественных лугах. Наряду с этим осуществляется заготовка силоса, посев различных кормовых культур и многолетних трав во всех аймаках, сомонах, СХО и госхозах. Из кормовых культур засеваются овес, кукуруза и некоторые многолетние травы. Природные условия многих аймаков обеспечивают получение высоких урожаев зеленой массы и зрелых початков кукурузы. Заготавливается и минеральный корм — *хужир* (соль). Заготовка сена (косьба, уборка, стогование и т. д.) в основном механизирована. Наряду с тракторными сенокосилками в некоторых местах применяется конная тяга.

С интенсификацией сельского хозяйства (с развитием земледелия и сенокосения, созданием кормовой базы, строительством животноводческих помещений, улучшением водоснабжения) успешно решается вопрос перехода от кочевания к оседлости. Но переход монгольских аратов к оседлости, а также более высокое развитие сельского хозяйства вовсе не означают отказа от широкого использования естественных пастбищ.

Пастбищно-отгонное животноводство по сравнению со стойловым содержанием скота требует значительно меньше труда и средств, так как подножный корм самый дешевый. Однако часто пастбищное животноводство наряду с положительными имеет свои отрицательные стороны, в частности недостаточное (неустойчивое) кормление скота зимой дает низкую продуктивность его. Поэтому нужна подкормка скота в зимне-весенний период. Это достигается теперь в Монголии в результате перевода животноводства на культурно-пастбищное содержание и кормление скота.

Следует сказать, что особо важное значение в сухом климате Монголии имеет водоснабжение. Особо чувствуется недостаток воды в южных районах. Теперь 64% пастбищных угодий в Монголии обеспечено водными источниками. В водное хозяйство все больше внедряется передовая техника. Проводится обводнение безводных пастбищ путем строительства буровых и шахтных колодцев, обводнительных каналов, прудов и другие водохозяйственные мероприятия. Широко ведутся в стране как своими силами, так и с помощью других социалистических стран — Советского Союза, Венгрии и др. — гидрогеологические исследования грунтовых вод.

С помощью советских специалистов за последнее время были проведены проектно-изыскательские работы на площади 144,3 млн га и составлен план обводнения пастбищ на 55,3 млн га в течение 10—15 лет. С 1957 г. венгерские специалисты ведут поисковые работы в пустынных районах страны. Ими пробурено 63 артезианских колодца, которые стали называться «унгаринскими» (т. е. венгерскими).

Сейчас на местах ведутся работы по созданию межаймачных строительных организаций по водохозяйственным мероприятиям, которые должны быть снабжены современным оборудованием и механизмами. К концу третьей пятилетки в стране будет 1,5 тыс. колодцев. Намечается сооружение оросительных систем на рр. Завхане, Байдраге, Онгийн-Голе и др., а также восстановление старых систем. В результате будет орошено до 16 тыс. га земли.

Методы ведения животноводства в различных аймаках республики зависят от разнообразных местных условий. Так, например, в северных районах, где сосредоточены основные сенокосные угодья и есть лес, обе-

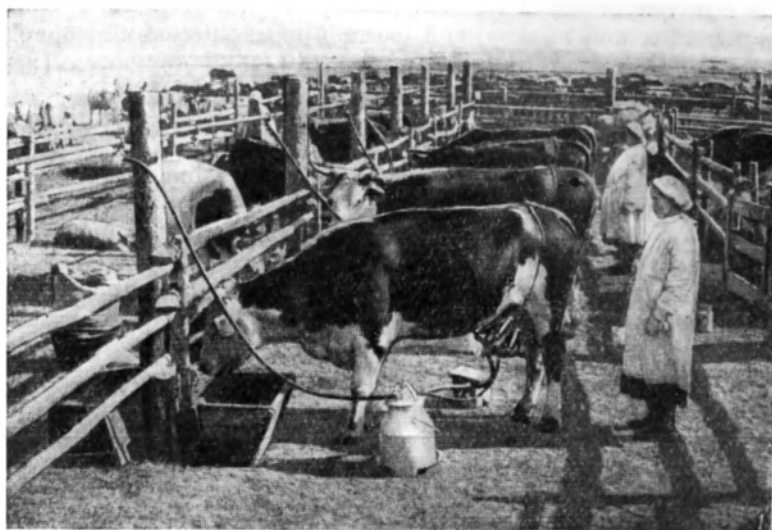

Рис. 130.

— электродойка коров; 2 — в одном из цехов молочного завода

спечаивающий хозяйственные постройки, развивается земледелие и осуществляется стойловое содержание скота в зимне-весенний период. В западных районах более целесообразно отгонное животноводство. В степной и полупустынной зонах используются пастбища в течение всего года с незначительной подкормкой скота в зимне-весенний период, стойловое содержание и пастбищная система там комбинируются (в зависимости от сезона, видов скота, величины стада и т. д.).

Как указано выше, видную роль в скотоводческом хозяйстве МНР играют овцы, рогатый скот, лошади, козы и верблюды.

В зимнее время овцы и козы с утра лежат в хашапе, тесно сгрудившись; с наступлением тепла отара овец выгоняется на пастбища, где остается под присмотром пастухов до захода солнца. Верблюды пасутся без пастухов и только вечером подгоняются к юрте.

Лошади зимой все время находятся на подножном корму и не подгоняются близко к юрте. В зимнее время в отдельных районах, особенно в Гоби, для табунов используются безводные пастбища, где отсутствие глубокого снегового покрова позволяет пастись табуны лошадей на большом расстоянии от места стоянок. Часто лошади нескольких владельцев соединяются до весны в один табун и пасутся объединенными силами.

В быту и верованиях монголов наблюдается издревле идущее особое отношение к лошади. Среди животных, посвященных духам — хранителям скота, лошадь занимала первое место. Еще не так давно среди большого табуна можно было найти лошадь *сегертей*, посвященную божеству. Ее легко было отличить от других лошадей, она имела длинную гриву, в которую иногда выплетались лоскутки красной и желтой материи. На посвященной лошади мог ездить только ее владелец, и грива ее никогда не срезалась. В силу традиции араты неохотно используют лошадь и теперь для гужевого транспорта.

Молодняк — ягнят и козлят, появляющихся в зимнее и весеннее время, — держат в левой половине жилой юрты, где их привязывают и подкармливают сеном. Сено дают также больным и сильно исхудавшим животным, иногда таким животным дают тарбаганьих жир.

Скот доят с восходом солнца, затем отправляют его на пастбище под присмотром мальчиков и девочек, которые пасут стада, объезжая их верхом на лошадях.

Верблюды, несмотря на свою выносливость и неприхотливость, требуют весьма заботливого ухода, особенно в пути. Пускаясь в длинную дорогу с караваном, хозяин должен подготовить к этому животное, для чего в течение нескольких дней во время остановок на ночлег верблюдам дают весьма ограниченное количество корма и не дают питья. Зимой на местах ночлега каравана всегда расчищают площадки от снега, чтобы верблюды, ложась на землю, не простужались. Точно так же следят за тем, чтобы верблюды не ложились на ночь в сырых местах и в летнее время.

Особой ловкости и сноровки требует ловля лошадей и верблюдов из табуна; она производится чаще всего всадником на лошади, при помощи арканов или длинной палки (*урга*) с привязанной на конце ее затягивающейся петлей из веревки или ремня. Обычно сидящий верхом на лошади человек быстро нагоняет намеченное животное и ловко набрасывает на его шею петлю.

Молоком пользуются от всех пород скота, главный дойный скот — это коровы, сарлыки, хайныки (помесь крупного рогатого скота с яком), овцы, козы. Кобыл и верблюдиц доят мало, только в летние месяцы кобылье молоко употребляется для кумыса. В древние времена доением кобылиц занимались мужчины. Способы доения разных животных различны: так,

например, овец доят сзади, коров с правой, а кобылиц — с левой стороны. Перед доением к матке подпускают телят и жеребят и дают им отсосать немного молока.

Лучшим молоком по густоте и количеству жиров считается сарлычье, вторым — овечье, затем следует коровье и козье. Нередко еще в силу старых традиций надоенное молоко, прежде чем вносить в юрту или употреблять в пищу, разбрызгивают ложечкой (*цацал*) по сторонам в качестве жертвоприношений небесным божествам. Навстречу подъезжающему важному лицу иногда в знак приветствия брызжут молоком.

Для запряжки в телеги и верховой езды употребляются лошади, быки и яки. Верблюды употребляются главным образом для перевозки грузов во вьюках. Монгольский верблюд относится к виду двугорбых. У сытого и крепкого верблюда горбы твердые и стоят перпендикулярно, по мере исхудания горбы свисают набок. Поводком для верблюда служит волосяная веревочка (*бурундук*), которая одним концом привязывается к деревянной палочке (*буль*), проколотой через носовой хрящ. Другой конец держат в руках или к чему-либо привязывают. По крику «сок-сок» верблюд ложится, по крику «хок-хок» встает. В представлениях и легендах монголов верблюд рисуется простаком, которого все другие водят за нос и обманывают. По одной из легенд, раньше у него имелись рога. Однажды на водопое к нему подошел олень и попросил одолжить ненадолго рога, чтобы сходить в гости. Марал надел верблюжьи рога и с тех пор больше не показывается. Однако верблюд не теряет надежды получить их обратно. Вот почему, говорят монголы, когда верблюд бывает на водопое, он вытягивает шею, вскидывает голову и оглядывается кругом после каждого глотка, как бы высматривая, не несет ли олень (марал) взятых «в долг» рогов.

К числу важных продуктов скотоводства относится шерсть баранья и верблюжья. Стрижка баранов производится один раз в год (июнь—июль). Шерсть верблюдов собирается руками в период весенней линьки (в мае), когда она клочьями сваливается с животных. Из шерсти готовится войлок для юрт, веревки, нитки, мешки и пр.

Кожки и волос животных также идут для хозяйственных нужд. Из овчины изготавливается зимняя одежда, кожа рогатого скота идет на ремни, обувь, кожаные мешки и др., из волос вяжут веревки для юрт и арканов. Особенно ценится волос сарлыков.

К числу необходимых в хозяйстве аратов побочных продуктов скотоводства относится *аргал* — сухой конский и коровий помет, который употребляется как топливо, а в измельченном виде как подстилка для скота в зимнее время. Ввиду отсутствия лесов на значительном пространстве страны аргал является преобладающим видом топлива (употребляется только коровий и конский помет, а верблюжий и овечий помет для этого не годится). Заготовка аргала на зиму производится летом; обычно в ней принимают участие женщины, дети и старики. Для сбора служат особые корзинки (*араг*) четырехугольной формы, которые забрасывают на плечи и удерживают левой рукой за веревку, привязанную к бокам корзины. Высохший на солнце аргал подхватывается с земли грабелевидной лопаточкой (*савар*) и перебрасывается в корзину. Собранный аргал укладывается в кучи. Ранее аргал в большом количестве заготавливался аратами для ставок князей и сбор его представлял одну из тяжелых трудовых повинностей аратов.

Многовековое занятие скотоводством выработало у монгола-кочевника зоркий глаз, наблюдательность, выносливость, умение ориентироваться на местности, предсказывать погоду и определять направления ветров, знание местных кормовых трав и водоемов, умение комплектовать табуны лошадей, отары овец, стада крупного

рогатого скота и управлять ими при выпасе, перегонах, разбираться в поведении скота в снежную пургу и в дождливую погоду. Монгол-скотовод может безошибочно узнать свою лошадь в табуне или овцу в отаре, он может по едва уловимым признакам разыскать местонахождение своего стада. У дэрбэтов со скотом связано много древних традиций и примет. Золу из очага никогда не выбрасывают навстречу идущему домой скоту; чтобы путь был счастливым, перед тем как садиться на лошадь, дэрбэт льет несколько капель молока на левое стремя. Когда он выезжает, то обязательно объезжает вокруг юрты, по ходу солнца — «вращается по солнцу», говорят дэрбаты. Мужчины-дэрбаты не слезают с коня у левой стороны юрты и не привязывают коня с этой стороны, а обязательно должны слезать у правой стороны юрты и с этой же стороны привязывают коня. Женщины поступают в этих случаях наоборот.

Возраст домашних животных выражается особыми терминами, например: *унаган* — «жеребенок по первому году», *даган* — «жеребенок по второму году», *шудулен* — «по третьему году», *гунан* — ухэр — «трехлетний бык», *гунаджин* — «трехлетняя корова», и т. д.

Монголы подразделяют скот на *халуу хошу мал* — «животных с горячим дыханием» (или носом) и *хитан* (или *хуйтен*) *хошу мал* — «с холодным дыханием». Наиболее почетным считается скот с горячим дыханием, к нему относят лошадей и баранов; верблюды, козы и крупный рогатый скот обладают холодным дыханием, мясо их считается охлаждающим, мало полезным для человеческого организма; больным никогда не дают мясо этих животных. Мясо же барана и лошади считается полезным, согревающим. Лучшим угощением считается мясо барана.

Земледелие

Исторические источники говорят о том, что население Монголии с земледелием знакомо с древнейших времен. Еще в XIII в. китайский путешественник Чан Дэ видел в Монголии посевы пшеницы, ячменя и проса. В западной части Монголии есть места (например, в Убсунурском аймаке), где, по данным археологов, люди занимались земледелием около 2000 лет назад.

Интересно отметить, что в западной части МНР, в районе р. Кобдо и оз. Хара-Ус-Нур, в настоящее время идет работа по восстановлению древнего оросительного канала — сооружения древних ирригаторов, — который был построен около 1300 лет назад, во времена тюркского каганата, когда, по-видимому, в этом районе жили земледельческие племена. Сейчас канал на расстоянии нескольких десятков километров восстановлен и дает воду полям сельскохозяйственных объединений.

Среди монгольских аратов до революции земледелием в незначительных размерах занимались некоторые группы западной ветви монголов (дэрбаты, баиты, захачины). Исторические данные свидетельствуют о том, что на заселенных ныне местах они занимались земледелием уже с конца XVII в. с целью обеспечения пограничных военных гарнизонов.

В старой Монголии земледелием и огородничеством занимались также китайцы в бассейне рр. Селенги, Хары, Орхона и частично в северо-восточных, пограничных с СССР районах. Раньше у большинства монголов считалось большим грехом не только сеять хлеб, но и «ковырять» землю, что было связано с религиозными предрассудками.

Пахотные земли в Монголии не занимали сплошной территории, а в виде небольших участков встречались по долинам рек, горным падам, среди полупустынных пространств. Более крупные участки расположены в Кобдоском, Убсунурском, Булганском, Селенгинском и Центральном аймаках.

Основные культуры — просо, пшеница, ячмень, овес. Для орошения полей в западных районах пользовались и пользуются системой арыков. У дэрбэтов, например, под Улангом вода для орошения отводится по каналам из спускающихся в долины горных рек. Каналы проводят коллективно, длина их достигает иногда до 20 км. Техника земледелия была очень примитивной. Перед вспашкой для удобрения полей дэрбаты держали на них скот. Пахали сохами, в которые впрягали быков или верблюдов. К сохе прикреплялся железный сошник (*анжисны хошуу*).

Жали серпами (*хадуур*), которые по форме напоминают скорее косу для сена. Обмолот велся при помощи прогона по снопам быков или лошадей, для чего выбирался участок с твердой почвой, посредине его вбивали столб, к которому привязывали ведущую лошадь или быка, остальных животных привязывали друг к другу за шею цугом и погоняли по кругу. Веяли на ветру, подбрасывая зерно вверх лопатами. При употреблении зерен в пищу дэрбэты поджаривали их в чаше, затем размалывали каменными зернотерками или толкли в деревянных ступках (*уур*), выдолбленных из целого куска дерева.

В настоящее время в Монголии большое внимание уделяется развитию земледелия, которое энергично стало осуществляться с 1960 г., с помощью Советского Союза, за счет освоения целинных земель (*атар газар*). Оно позволяет создать условия для полного разрешения зерновой проблемы в МНР. Монгольская Народная Республика уже обеспечивает потребность населения в хлебе и экспортирует его за границу. Решение проблемы земледелия создает благоприятные условия для перехода аратских хозяйств к оседлости.

Интересно сравнить размеры посевных площадей в Монголии за 20 лет. В 1941 г. посевные площади Монголии занимали 26,6 тыс. га, в 1962 г. они составляли уже более 400 тыс. га, а валовой урожай зерна в 1962 г. составил 20,4 млн пудов (327 кг на душу населения). Основные зерновые культуры — пшеница, овес, рожь, ячмень, просо и др. (почти 80% площадей зерновых приходится на долю пшеницы). Выращиваются картофель и овощные культуры: капуста, лук, морковь, свекла и др. Организованное в долине Онона и около Улан-Батора овощное хозяйство снабжает овощами население городов. В настоящее время МНР удовлетворяет свои потребности в овощах и картофеле собственным производством. Большое значение приобретает расширение посевов высокоурожайных кормовых культур (кукуруза, суданка, сахарная свекла, кормовые бобы, горох). Широкое распространение получает производство лубяных и масличных культур (конопля, лен, подсолнечник).

Весьма интересно отметить, что достигнуты большие успехи в опытном садоводстве в Монголии. В будущем намечается расширение его в различных зонах республики. В некоторых западных аймаках есть первые результаты выращивания яблок, арбузов и т. д. В Кобдоском аймаке выращиваются арбузы прекрасного вкуса. Общая площадь под плодовоягодными насаждениями к 1965 г. будет составлять примерно 600 га.

Характерно, что монгольское земледелие с самого начала стало развиваться на высокой материально-технической базе. Основные виды сельскохозяйственных работ — пахота, сев, боронование, уборка урожая в госхозах, машинно-животноводческих станциях и в некоторых сельскохозяйственных объединениях — полностью механизированы. В сельском хозяйстве МНР ныне работает около 6 тыс. тракторов, 2 тыс. комбайнов и тысячи других сельскохозяйственных машин.

В развитии земледелия ведущую роль играют госхозы: они в основном осваивают целину, в 1960 г. ими было засеяно около 80% всех пахотных земель республики. Теперь госхозы превратились в крупные, многоотраслевые, рентабельные хозяйства. Большинство госхозов земледельческие или земледельческо-животноводческие. На один госхоз в среднем приходится более 11 тыс. га посевов, около 100 тракторов, примерно 40 комбайнов и около 23 тыс. голов скота. Все госхозы электрифицированы, имеют ремонтные мастерские. В Хархоринском госхозе, в долине Орхона, впервые в Монголии построена гидроэлектростанция. Центры госхозов превращаются в крупные населенные пункты. Это имеет не только хозяйственное, но и большое культурное значение.

Социалистическая организация труда позволяет с каждым годом повышать культуру земледелия и урожайность зерновых. Это достигается применением современных агротехнических приемов и повышением плодородия почвы. Обработка сортовых семян перед посевом, применение различных удобрений, обработка паров и зяби, раздельная уборка хлеба, перекрестный и узкорядный посевы и т. д. широко применяются на полях Монголии.

Важное значение имеют способы орошения, так как земледелие в некоторых засушливых районах республики, как и освоение новых посевных площадей, зависит от орошения. Для орошения полей в западных районах пользуются системой арыков. У дэрбэтов, например, под Улангом вода для орошения отводится по каналам из стекающих в долины горных рек. Каналы проводятся коллективно. Длина их доходит иногда до нескольких десятков километров. В Хархоринском госхозе проложена ирригационная сеть в 400 км, что дает возможность оросить 8 тыс. га земли.

В процессе овладения современной сельскохозяйственной техникой резко повысилась техническая грамотность и общий культурный уровень монголов. Растут национальные кадры агрономов и механизаторов-трактористов, комбайнеров, механиков и т. д. Нельзя не отметить, что современные араты, бывшие скотоводы-кочевники, являются не только передовыми животноводами, но и механизаторами — повоторами производства.

Большую помощь в освоении земель и подготовке кадров механизаторов и других специалистов из среды аратов оказывают советские специалисты сельского хозяйства. Они делятся с монгольскими друзьями своим богатым опытом.

В области земледелия основная задача состоит во всемерном повышении урожайности полей. В этом деле должны оказать и оказывают важную помощь сельскохозяйственные опытно-научные станции и созданный в июле 1963 г. в Зунхаре Монгольский научно-исследовательский институт растениеводства и земледелия АН МНР. Они разрабатывают научно обоснованную систему земледелия применительно к конкретным условиям каждого хозяйства в различных аймаках, определяют правильную структуру посевных площадей — одним словом, дают ответы на конкретные вопросы развития земледелия. За выдающиеся успехи в научно-исследовательской работе и за выведение нового высокоурожайного сорта пшеницы «Орхон» присуждены Государственные премии за 1963 г. научным сотрудникам Зунхаринского института растениеводства и земледелия. Орхонский сорт пшеницы по всем своим биологическим и хозяйственным показателям превосходит другие местные сорта. Урожайность его составляет 29,3 ц с 1 га. Сорт «Орхон» стойко переносит засуху, мало осыпается и не стелется. Чистый вес одного зерна составляет 760—850 мг. В засушливых зонах оно созревает в течение 89—97 дней и очень мало подвергается таким заболеваниям, как пыльная и твердая головня. Сорт «Орхон» не уступает отборным иностранным сортам.

Развитие земледелия и механизация сельскохозяйственного производства влияют на бытовой уклад монголов. Созданы условия для перехода к оседлости значительной части населения.

Государство оказывает помощь в переходе к оседлости, которая позволит улучшить организацию производства и быта аратов. Переход к оседлости — сложное явление. Он означает ломку веками сложившихся привычек, нравов и обычаев монголов и решается постепенно в ходе переустройства хозяйственной деятельности. Проблема перехода от кочевого образа жизни к оседлости непосредственно связана с вопросами развития земледелия, роста технической оснащенности машинно-животноводческих

станций, создания устойчивой кормовой базы для скота, а также помощи со стороны государства в строительстве производственных и бытовых помещений. Теперь проблема перехода монгольских аратов к оседлому образу жизни успешно решается, так как уже есть все предпосылки к этому. Создаются оседлые центры в виде центральных усадеб в госхозах, СХО и их производственных бригадах. На центральных усадьбах и в центрах бригад имеются и строятся жилые дома, административные здания, клубы с кинопередвижками, школы, больницы, зооветеринарные пункты, библиотеки, бани, детские ясли и сады, магазины и т. д. Большая часть СХО электрифицирована.

Охота и рыболовство — подсобная отрасль в хозяйстве монголов. Охота была известна у них с древнейших времен. В настоящее время она имеет промысловый характер. В Монголии охотятся главным образом на тарбаганов (сурков), антилоп (дзеренов и сайгаков), белок, лисиц, волков, хорьков, горных баранов (архаров), маралов (изюбрей), кабанов, медведей, соболей, рысей, диких кошек (манул) и т. д. В пустынных районах Монголии обитают редчайшие животные, вовсе исчезнувшие в других странах: дикие ослы — куланы, антилопы — джейраны (*харасульгу*), горбоносая сайга, дикие лошади (*тахь*, лошадь Пржевальского), дикий верблюд (*хабтагай*), гобийский медведь-отшельник и т. д. В старину основным охотничьим орудием служили лук и стрелы. Стрелы были различных форм, с железным наконечником. Их носили в специальном колчане (*саадаг*), сделанном из кожи. Ранее на крупных животных ставили самострелы. Лук и стрелы для них делали из лиственницы, тетиву — из спинной части бычьей кожи. Теперь охотятся с ружьем, ставят капканы и силки; волков и лисиц травят иногда стрихнином. Ружье ставится на деревянную опору-сошку в виде развилки. Для привлечения марала употребляются дудки, а для коз — свистульки из коры, бересты и травы. Традиционным и излюбленным способом охоты у монголов является гоньба зверя верхом на лошади, в этом виде охоты они проявляют исключительное мастерство. Широко распространена среди казахов, живущих в западной части МНР, охота с беркутом на хищников (на лисиц, волков). Беркуты специально приучаются к ней; хорошие беркуты пользуются славой. Опытный беркут может смело напасть на волка, а два беркута легко справляются с крупными волками.

Интересна охота на сурка (тарбагана). Нередко можно видеть, как охотник за тарбаганом в яркий солнечный день ловко подкрадывается к нему, держа в одной руке ружье, а в другой — белую махалку, сделанную из хвоста яка. Любопытное животное, сидя перед норой на задних лапках, внимательно следит за движением охотника и подпускает его на близкое расстояние. В старое время охотник, прежде чем выстрелить, повторял про себя несколько извинительных слов перед животным, что связано с наличием тотемистических пережитков. Добывают сурка также капканами, выкуриванием из нор и раскапыванием нор. При охоте на тарбагана халха-монголы нередко надевают специальный костюм. Он должен состоять из халата и штанов обязательно белого цвета, шьется из замши; иногда для этой цели просто выворачивается мехом вверх барашковая шуба, на ноги надевают меховые сапоги, на голову — белую войлочную или меховую шапочку, обязательно с длинными, торчащими ушками. Употребление особого охотничьего костюма только при охоте на тарбагана указывает на древние традиции, связанные с этим животным, возможно тотемного характера, тем более, что по монгольским легендам считается, что тарбаган некогда был человеком. Многие монголы Барги не охотились на тарбагана и преследовали охотника, осмелившегося его убить. Охотники-араты стараются бить тарбаганов осенью, так как в это время у тарбаганов мех пушистый и блестящий. Во время сезона охоты на тарбаганов организовываются специальные бригады в 8—10 человек.

Шкурки сурка составляют существенную статью экспорта. В Монголии добывается несколько миллионов шкурок тарбаганов в год. Мех тарбагана пользуется

большим успехом на мировом пушном рынке, так как его можно выделывать под высокопленные меха (под выдру, под енота и т. д.).

Тарбаганский жир очень ценится у монголов, он не застывает при сильных морозах. Мясо тарбагана употребляют в пищу. Существует оригинальный способ приготовления тарбаганьего мяса, а именно: ранней весной, когда шкурка не представляет большой ценности, ее не снимают, а, вынув внутренности зверька, тушку набивают раскаленными камнями и засыпают в ямке горячей золой. Тушеное таким образом мясо представляет вкусное блюдо.

Волки и лисы добываются только ради меха, их травят стрихнином и ловят капканами. За маралами, антилопами и горными баранами охотятся с ружьем, нередко большими артелями. У антилопы сайгака очень вкусное мясо, а рога самцов издавна славятся своими целебными качествами. Ранее молодые, не окостеневшие рога (панты) маралов экспортировались в Китай. В настоящее время монгольским правительством ведется борьба с хищническими методами охоты, устанавливаются сроки охоты и в некоторых местах организируются заповедники. Особое внимание уделяется сохранению редчайших животных. В монгольском экспорте пушнина занимает значительное место.

Несмотря на обилие рыбы в реках и озерах, рыболовство у монголов (за исключением дархатов) было совершенно не развито. Большинство монголов не только не ест рыбы, но и испытывает к ней брезгливое чувство. Корни этого кроются в древних тотемических представлениях, которые прослеживаются в монгольской мифологии. Точно так же монголы не едят птицы и не охотятся за ней.

Рыболовство в Монголии — новая отрасль хозяйства. В озерах и реках Монголии водятся окунь, осетр, таймень, хариус, липь, ленок, щука и т. д. Создаются предприятия для переработки рыбы. В Буир-Нуре создано первое в Монголии большое рыбопромысловое предприятие. На оз. Цаган-Нур построен рыбкомбинат. С большим успехом идет акклиматизация и разведение байкальского омуля в оз. Хубсугул. Рыба идет в основном на экспорт.

Из предметов домашнего производства в сельских районах широко распространено производство войлока и обработка кожи.

Войлок, изготовляемый из бараньей шерсти, широко используется в быту кочевого населения. Он служит для покрытия юрт, из него изготавливаются подстилки на кровати и для сиденья в юрте, потники под седло, шьются зимние чулки и мешки для хранения соли и другие предметы.

Искусные мастера войлока получают тончайшие его сорта, отличающиеся белой окраской, мягкостью и прочностью. Для его изготовления требуется тщательная сортировка шерсти, взбивание ее, правильная раскладка и равномерное валяние.

Для изготовления войлока шерсть сначала тщательно взбивается, для этого она раскладывается на кожу или палатку, затем ударами палки или топких прутьев взбивается. В некоторых районах шерсть взбивают тестовой лука.

Затем шерсть раскладывают на старый войлок или кожу и смачивают ее водой. Далее весь этот настил накручивается на деревянный вал, который затем сверху обертывается кожей и обвязывается посередине веревками или ремнями, к концам вала прикрепляются длинные веревки, свободные концы которых привязываются к седлу лошади. Седок, разъезжая взад и вперед по степи, может в течение дня скатать прекрасный войлок.

Кроме войлока, из шерсти изготовляют нитки и веревки. Для придания ниток употребляется главным образом верблюжья шерсть. Жепщины прянут шерсть без прялок, они обычно в левой руке держат пучок шерсти, а в правой — веретено. Пряслице делают в виде деревянного кружка, а иногда из камня. Шерстяные нитки идут для шитья шуб и стежки войлочных изделий: *шардаков* — подстилок для сиденья, войлочных покрышек для дверей и др.

Рис. 131.

1 — заделка войлока; 2 — на ковровой фабрике

К числу распространенных домашних производств относится и выделка шкур и кожи. Из них изготавливаются шубы, обувь, чепраки, сосуды для квашеного молока и кумыса. При выделке овчин, как можно видеть на западе страны, они смазываются костным жиром или остатками (*бозоин шар ус*) от перегонки водки из кислого молока и разминаются палками или на ручных мялках. После того как овчина делается мягкой, ее коптят. Для этого в яме разводится огонь из аргала, над ней делается конус из деревянных палок, на который набрасываются одна на другую овчины шерстью вверх. Все овчины накрываются сверху наглухо войлоком, для того чтобы дым не выходил. После копчения их снова несколько раз смазывают бозоин шар ус и в дальнейшем, разостлав на траве, отмывают много раз водой загрязненную шерсть.

Кожа рогатого скота, употребляемая для обуви, ремней, посуды, мешков и пр., предварительно размачивается в воде.

Отдельные монголы занимались кузнечным ремеслом, изготовлением каменных ручных жерновов (*дэрбэты*), производством чеканных серебряных и металлических предметов и костяных изделий. В дореволюционной Монголии ремесло было мало развито, оно находилось в руках отдельных кустарей-ремесленников, изделия которых удовлетворяли потребности внутреннего рынка. Промысловая кооперация, выпускающая предметы широкого потребления, была создана только после революции. Первые кустарно-промысловые предприятия были организованы в 1924 г. они объединились Монгольским центральным кооперативом (Монценкооп). В 1931 г. был образован самостоятельный кустарно-промысловый союз.

Араты кустари на добровольных началах объединяются в промысловые артели. Кооперативную социалистическую собственность артелей составляют обобществленные и приобретенные ими средства производства, готовая продукция и доходы. Членами артели могут быть все граждане, достигшие 16 лет. Промартели входят в состав местного союза или непосредственно Центрального совета промкооперации.

Большое место занимают в промысловой кооперации артели деревообделочные, пошивочные, металлообрабатывающие. Создаются также артели по добыче соли, производству строительных материалов, изготовлению изделий из камня, кости (шахматы, шашки) и др. Главными пунктами объединения являются аймачные и сомонные центры, где члены артелей переходят к оседлому и полuosедлому образу жизни. В артелях участвуют как мужчины, так и женщины. Обращает на себя внимание то, что некоторые старые традиции в разделении труда по полу продолжают сохраняться и в новых объединениях; так, например, в пошивочных и сапожных артелях работают исключительно женщины, и только изредка в качестве закройщиков сапог или портных мужского платья, можно встретить мужчин.

Продукция артелей через магазины кустпрома и потребительской кооперации поступает главным образом на продажу населению своих аймаков и сомонных.

Ассортимент изделий в основном отвечает повседневным бытовым нуждам аратов. Здесь изготавливаются решетки — основы юрт, столы, кровати, сундуки (*абдр*), двухколесные телеги, бочки для маслозаводов, бочки для воды, седла, сбруя. Металлообрабатывающие артели из железа и жести изготавливают ножи, пилы, печки, трубы, замки, ведра, банки для экспорта тарбаганьего жира, стремена, трубки для курения и др. В пошивочных, сапожных, валяльных и вязальных артелях изготавливается верхняя монгольская одежда (*дэль*), рубашки, шапки, европейского покроя костюмы, монгольские сапоги (*гутулы*), валенки; из шерсти вяжут

шарфы, фуфайки, береты, чулки. Кожевенными артелями изготавливаются также чепраки (*гулюмы*) для седел, выделяются из коровьих шкур подшвы для обуви и ремни.

Производственная кооперация еще играет значительную роль в обеспечении населения предметами широкого потребления.

За годы народной власти в Монголии создана промышленность, становящаяся важной отраслью народного хозяйства. Из аграрной страны Монголия превратилась в аграрно-индустриальную. До революции 1921 г. в Монголии не было промышленности и не было рабочего класса. Переработка продуктов животноводства — обработка кожи, выделка овчин, катание войлока, а также кузнечное и столярное ремесло и другие виды производства — носили кустарный характер и обслуживали внутрихозяйственные потребности монгольского населения. Собственно монгольскими промышленными предприятиями являлось небольшое количество угольных шахт в урочище Налайха. В отдельных районах страны (бассейн рр. Иро, Хары и др.) иностранные капиталисты хипцически занимались добычей золота и драгоценных камней, им принадлежали также мелкие кустарные предприятия по первичной обработке шерсти и кожи, столярные, слесарные, кузнечные и другие мастерские. Страна целиком зависела от ввоза промышленной продукции из других стран.

Одной из основных задач Народного правительства было создание национальной промышленности, однако отсутствие достаточных средств и квалифицированных рабочих создавало большие трудности на этом пути. Существенную помощь в создании монгольской национальной промышленности с первых же лет монгольской революции стал оказывать Советский Союз.

Создание национальной промышленности было намечено в решениях III съезда МНРП и I Великого народного хурала МНР (1924 г.). Промышленность Монголии создавалась с самого начала как фундамент социалистического сектора народного хозяйства. В создании промышленности можно выделить два этапа, обусловленных конкретно-историческими особенностями страны.

На первом этапе (1921—1940 гг.) развивалась в основном легкая и пищевая промышленность, а также были заложены основы энергетической промышленности. В 1920-х годах развернулась стройка современных предприятий, занимающихся переработкой различных видов животноводческого сырья. К 1933 г. в Улан-Баторе вступили в строй механический и кирпичный заводы и электростанция, лесопильный завод на р. Иро и другие предприятия. В 1931 г. началось строительство самого крупного в Монголии предприятия легкой и пищевой промышленности — Улан-Баторского промышленного комбината и в 1934 г. было закончено его строительство. Это предприятие впоследствии стало кузницей кадров социалистической промышленности. В те же годы вступила в строй Хатхильская шерстомойная фабрика.

Успешное развитие легкой и пищевой промышленности требовало создания основ топливно-энергетической промышленности. Значительно были расширены и механизированы угольные копи в Налайхе. Были созданы новые угольные шахты — в районе Югоцзыря, Ундэр-Хане, Сайн-Шанде и в других местах. В Улан-Баторе в 1939 г. был создан единый энергокомбинат, в аймаках вступали в эксплуатацию небольшие электростанции.

На первом этапе в республике также стали развиваться отдельные зачатки металлообрабатывающего производства (в 1928 г. создан механический завод с чугунолитейным цехом), промышленность строительных

материалов, полиграфическая, золотообрабатывающая отрасли промышленности.

Так, в государственном секторе народного хозяйства за 1921—1940 гг. были созданы основы монгольской промышленности.

На втором социалистическом этапе монгольской революции (с 1940 г.) успешно развивается промышленность Монголии. Партия и правительство уделяют развитию промышленности огромное внимание. Размер капиталовложений в промышленность в 1960 г. возрос в 16 раз по сравнению с 1941 г. С 1940 по 1960 г. (за 20 лет) валовая продукция промышленности увеличилась в 7.5 раза. Производство отдельных видов промышленной продукции на душу населения в 1960 г. возросло в следующих размерах по сравнению с 1940 г.: электроэнергии — в 7.2 раза, угля — в 2.8 раза, кирпича — в 27 раз, шерстяных тканей — в 4 раза, обуви кожаной — в 3.3 раза.

Развитие промышленности ведет к изменению ее доли в экономике страны. Если в 1940 г. удельный вес продукции промышленности составлял 17% всей валовой продукции народного хозяйства, то в 1960 г. он достиг 34.4%.

Пищевая промышленность в настоящее время дает свыше 40% всей промышленной продукции. Развиваются различные отрасли пищевой промышленности, такие как маслодельная, молочная, мясоперерабатывающая и т. д. В аймаках сооружены сотни маслозаводов и сепараторных пунктов. Раньше Монголия не производила товарного сливочного масла, а сейчас она его экспортирует.

Улан-Баторский промкомбинат — наиболее крупное предприятие, перерабатывающее сельскохозяйственные продукты. В него входит целый комплекс заводов и фабрик, оснащенных новейшей техникой. Здесь имеются шерстомойная, суконная, камвольная, валдильно-войлочная, обувная, шорная и текстильная фабрики, овчинно-шубный, кожевенный, хромовый, шевровый заводы и другие производства. Промкомбинат выпускает и войлок, различные шерстяные ткани, драп, сукно, обувь всевозможных моделей, валенки, прекрасные одеяла из верблюжьей шерсти, пальто, сумки и т. д. Его изделия становятся важной статьей экспорта. Комбинат непрерывно расширяется. По мере роста комбината отдельные цеха его выделялись в самостоятельные новые предприятия.

Улан-Баторский молочный завод в сутки перерабатывает десятки тонн молока и сливок. На нем механизированы и автоматизированы все технологические процессы. Он выпускает пастеризованное молоко, кефир, сливки, сливочное масло, творог, сыр, мороженое и другие молочные продукты. Около Улан-Батора работает крупный мясокомбинат, оборудованный современной высокопроизводительной техникой. На базе полуфабрикатов комбината работают, кроме колбасного завода, предприятия по изготовлению консервов, мыла, костяных изделий и пр. Значительная часть продукции мясоперерабатывающей промышленности идет на экспорт.

Теперь пищевая промышленность МНР представлена мясным, маслодельным, хлебо-кондитерским, спирто-водочным, рыбным и другими производствами. В Улан-Баторе работает также кондитерская фабрика, в Сухэ-Баторе — молокозавод, во многих районах республики — производство хлебо-кондитерское, колбасное и др.

В последние годы в республике появилась одна новая отрасль пищевой промышленности — мукомольная. Вступили в строй действующие мельничный комбинат им. XXII съезда КПСС в Улан-Баторе (25 тыс. т муки в год) и ряд других механизированных мукомольных предприятий в аймаках. Монголия сейчас полностью обеспечивает потребность населения в муке за счет собственного производства. Все процессы производства в мукомольной промышленности механизированы.

В последние годы в стране успешно развивается также энергетическая, каменноугольная, нефтяная, металлообрабатывающая, горнорудная,

строительная, деревообрабатывающая, бумажная, полиграфическая и фармацевтическая и др. отрасли промышленности.

Среднегодовой прирост промышленной продукции составил в 1948—1952 гг. 1.4%, а в 1958—1960 гг. 17.9%.

Темпы роста промышленности Монголии, как менее развитой в экономическом отношении страны, значительно превышают темпы роста других социалистических стран, что шаг за шагом приближает промышленное развитие МНР к уровню передовых.

В создании и развитии промышленности монголы справедливо видят основу развития всех других отраслей народного хозяйства. Например, успешное развитие химико-фармацевтической и биопромышленности имеет огромное значение для интенсификации животноводческого хозяйства.

Развитие промышленности Монголии определяется топливно-энергетическим балансом, где основное место занимает угольная промышленность. Сейчас в МНР открыто уже 13 крупных месторождений бурого и каменного угля, в том числе и коксующегося. Наиболее значительная добыча высокосортного угля производится в Налайхинском районе, недалеко от Улан-Батора. Имеются угольные шахты в Тумэн-Цогто, Баин-Булаке, Ундэр-Хане, Сайн-Шанде, Дзун-Булаке и Табан-Тологое. В некоторых районах страны, в частности в Убур-Хангайском и Сухэ-Баторском аймаках, были открыты угольные шахты, которые начали обеспечивать потребность не только своих аймаков, но и некоторых соседних. Благодаря сдаче в эксплуатацию новых шахт и оснащению новой техникой старых добыча угля по республике возросла на 15.9% по сравнению с 1961 г. В районе Дархана, в бассейне р. Шарын-Гола, монгольские геологи нашли запасы высококачественного каменного угля. Здесь же обнаружены залежи железной руды, асбеста, извести и других ценных ископаемых. Для использования этих природных ресурсов в районе Дархана Селенгинского аймака строится промышленно-энергетический комплекс. В результате освоения Шарын-Гольского угольного бассейна Монголия полностью может обеспечить углем потребности народного хозяйства республики. «Цветком дружбы» называется в Монголии новый г. Дархан. В строительстве этих комплексных предприятий большую помощь Монголии оказывают страны — участники Совета экономической взаимопомощи социалистических стран. С помощью Советского Союза строятся главные объекты комплекса — угольный разрез, железнодорожная ветка, высоковольтная линия электропередач и элеватор. Здесь зарождается новый социалистический город — крупный промышленный и культурный центр страны.

С ростом топливной базы и в целом промышленности увеличивается производство электроэнергии. В большинстве аймачных центров и в госхозах работают местные электростанции. Электрификация страны способствует механизации и автоматизации производства.

Потребление электроэнергии увеличится в 1965 г. в 3.5 раза по сравнению с 1960 г., а средний годовой прирост мощности электростанций — на 28%. В 1961—1965 гг. будет проведено пятое расширение Улан-Баторской ТЭЦ, построена Толгойтинская электростанция близ Улан-Батора. Намечается строительство электростанций в Селенгинском, Баян-Улэгэйском и других аймаках, а также в Дзунхаре и Хархорине. Мощность электростанций в стране увеличится в 1.7 раза, а сельских дизельных электростанций — в 2 раза.

Появилась нефтяная промышленность, совершенно новая отрасль индустрии, о существовании которой не могли знать в дореволюционной Монголии. В Восточной Гоби в последнее время создан крупный нефтяной промысел. Здесь вырос молодой белокаменный город нефтяников —

Дзунбаян, с культурно-бытовыми объектами и даже с плавательным бассейном. В настоящее время Монголия производит около половины потребляемого в стране бензина. Нефтяная промышленность удовлетворяет значительную часть потребностей страны.

Горнодобывающая промышленность МНР дает золото, марганец, вольфрам, магнитный железняк, свинец, горный хрусталь, бирюзу и другие цветные и драгоценные металлы, различные соли и т. д. На месте богатых залежей полезных ископаемых строятся горнорудные предприятия. Монголия экспортирует вольфрам, плавиковый шпат, редкие и цветные металлы и т. д.

Металлообрабатывающая промышленность МНР представлена механическим заводом с чугунолитейным цехом. Завод выпускает культиваторы, окучники, транспортные и конные грабли, чугунное литье.

В республике добываются мрамор, известняк, асбест, гипс, минеральные краски. На базе этих сырьевых ресурсов развивается промышленность строительных материалов. За последние годы сдано в эксплуатацию несколько заводов по производству извести, цемента, шифера, кирпича и других строительных материалов, в том числе домостроительный комбинат в Сухэ-Баторе, комбинат крупнопанельного домостроения в Улан-Баторе, стекольный завод в Налайхе, Толгойтинский кирпичный завод, кирпичный, железобетонный заводы в Улан-Баторе. Успешно работает первый в стране стекольный завод, который выпускает посуду техническую и бытового назначения, а также художественное стекло, вазы и другие изделия. В цехах широко применяется комплексная механизация. Завод оборудован современной техникой. В 1960 г. промышленность стройматериалов МНР выпустила столько продукции, сколько ее было получено за все предыдущие пятилетки. Следует отметить, что промышленность строительных материалов играет важную роль в переходе монголов на оседлость. С каждым годом все больше строится благоустроенных домов, школ, больниц, культурно-бытовых учреждений в монгольских городах и хулах.

Техническая оснащенность всех промышленных предприятий непрерывно улучшается, в чем большую помощь Монголии оказывают Советский Союз и другие страны социализма.

Развитие промышленности в Монгольской Народной Республике влекло за собой возникновение и развитие рабочего класса. Как указывалось выше, к началу революции в феодальной Монголии основными классами являлись светские и духовные феодалы и крепостные араты.

Монгольский рабочий класс зародился лишь в условиях народно-демократического этапа революции. Он складывался под руководством Монгольской народно-революционной партии на предприятиях, где господствовала социалистическая собственность на средства производства. Поэтому его возникновение сопровождалось рядом особенностей, отличных от возникновения рабочего класса в условиях буржуазного общества. Монгольский рабочий класс не знал капиталистической эксплуатации, он формировался как носитель социалистических производственных отношений. Развиваясь в содружестве с трудовыми аратами, он стал ведущей силой в борьбе монгольского народа за постепенный переход к социализму.

На формирование монгольского рабочего класса благотворное влияние оказывал и советский рабочий класс. Монгольские национальные кадры рабочих готовились различными путями. С одной стороны, они приобретали опыт и знания на своем производстве, работая непосредственно под руководством советских мастеров, обучались в специальных кружках и технических учебных заведениях МНР, с другой — многие рабочие, инженеры и техники получали и получают образование в Советском Союзе. За последние годы важную роль в подготовке национальных кадров рабочих стали играть открытые при крупных предприятиях и организациях учебные комбинаты. Так, в 1951 г. такой комбинат был организован при

Улан-Баторской железной дороге; задачей его является подготовка кадров железнодорожников разных специальностей. В 1954 г. открыт учебный комбинат при нефтяных промыслах Зунбаина в Восточно-Гобийском аймаке. Распространенной формой обучения рабочих, а также повышения их квалификации без отрыва от производства являются кружки технического и повышения квалификации, организуемые на предприятиях. Монгольские рабочие также изучают опыт рабочих других социалистических стран.

В стремлении повысить экономическую мощь родины рабочие соревнуются за лучшее выполнение производственных планов, борются за рационализацию производственных процессов, за экономию материалов и средств.

Торговля Успехи в области промышленного и сельскохозяйственного производства способствовали росту товарооборота, который осуществляется по преимуществу государственными и кооперативными организациями.

До 1921 г. внутренняя и внешняя торговля в Монголии находилась почти полностью в руках иностранных капиталистов; еще в 1927 г. удельный вес иностранных фирм в общем обороте достигал 67%; к началу 1930 г. иностранные фирмы были уже вытеснены с монгольского рынка. С этого времени как внутренняя, так и внешняя торговля стала находиться в основном в руках монгольских организаций, хотя вместе с тем допускалась и частная торговля. В 1951 г. удельный вес частной торговли не превышал 6% объема организованной торговли. Кооперативная торговля в республике осуществляется потребительской и промысловой кооперацией. Количество пайщиков кооперации достигает 250 тыс.

С каждым годом увеличивается объем внешней торговли республики. МНР вывозит скот, мясо, шерсть, кожу, пушнину, масло, некоторые виды полезных ископаемых. Из-за границы МНР получает промышленное оборудование, сельскохозяйственные машины, средства транспорта и связи, чай, сахар, табак, ткани и др. Главное место во внешней торговле МНР занимает Советский Союз. За последний период развиваются экономические связи со всеми социалистическими и многими капиталистическими государствами.

В 1952 г. МНР участвовала в Международном экономическом совещании в Москве, неоднократно принимала участие в международных ярмарках в Лейпциге и Пловдиве.

Транспорт и связь До революции в Монголии транспорт и связь были развиты очень слабо. Бычья упряжка, вьючные верблюды и лошади были единственным видом транспорта. Служебная связь с аймаками и сомонами осуществлялась через *уртоны* — почтовые станции. Последние располагались на расстоянии 30—40 км друг от друга. До революции араты бесплатно предоставляли для уртонов лошадей, бесплатно перевозили феодалов, лам и чиновников, также бесплатно содержали их. Это было одной из тяжелых повинностей. Все аратские хозяйства, платящие государственный скотоводческий налог, привлекались к уртонной повинности. В 1949 г. правительством МНР эта повинность была совсем отменена. Перевозка государственных служащих осуществляется за счет государства.

В настоящее время созданы все современные виды транспорта и связи. Гужевой и вьючный транспорт, являвшийся до недавнего времени основным средством связи, сейчас носит подсобный характер. Регулярное автомобильное и воздушное сообщение связывает все важнейшие районы страны. Имеется широкая сеть асфальтированных и грунтовых дорог, сооружены и сооружаются автомобильные и железнодорожные мосты. Во

всех аймаках созданы автотранспортные базы, ремонтные мастерские, пункты снабжения и т. п. Автопарк страны насчитывает примерно 10 тыс. машин. На каждые 100 человек в МНР приходится больше машин, чем в некоторых капиталистических странах, а грузовых автомобилей на душу населения в 3.7 раза больше, чем в Иране, и в 15.5 раза больше, чем в Пакистане.

Развивается воздушный транспорт Монголии. В этом очень большую помощь оказал и оказывает Советский Союз. Сейчас создан гражданский авиафлот МНР, который обслуживает почтово-пассажирские перевозки между всеми аймаками и Улан-Батором. Монгольские летчики обслуживают международные трассы, соединяющие Улан-Батор с Москвой и столицами других стран. Улан-Баторский аэропорт принимает современные воздушные лайнеры, типа ИЛ-18 и др.

В 1956 г. вступила в эксплуатацию Трансмонгольская железнодорожная магистраль, которая связывает МНР с Советским Союзом и Китаем. По линии Трансмонгольской железной дороги возникли и строятся новые промышленные предприятия, города, поселки. Эти изменения особенно заметны в пустыне Гоби. Общая длина железных дорог в МНР составляет около 2000 км. Железные дороги МНР работают на тепловозной тяге. В конце 1960 г. на железные дороги приходилось 42% всех внутренних и внешних перевозок МНР.

Судоходство в стране развито слабо, из большого количества рек и озер оно имеется лишь на оз. Хубсугул (Косогол), на р. Селенге и частично ее притоке Орхоне. На водный транспорт приходится в среднем $\frac{1}{10}$ часть общего грузооборота. Он осуществляет главным образом внешнеторговые грузовые перевозки.

В Монголии есть все современные средства связи. Сдан в эксплуатацию ряд телефонных станций, устаревшие системы заменяются более современными. Вводится в действие автоматическая телефонная станция на 10 тыс. абонентов. Аймачные центры связаны со столицей и между собой телеграфом и телефоном. Телефонизированы и радиофицированы госхозы и СХО. Намечена сплошная радиофикация страны. В 1960 г. в Улан-Баторе сдана в эксплуатацию мощная центральная радиовещательная станция МНР, построенная при братской помощи Советского Союза. Она одновременно передает программы монгольского радиовещания на длинной волне и на коротких волнах. Создано Монцамэ — Монгольское телеграфное агентство.

Таким образом, транспорт и связь стали самостоятельной и новой для Монголии отраслью народного хозяйства, они занимают по техническому оснащению и энерговооруженности труда одно из первых мест. Быстрый рост всех отраслей промышленности вызовет дальнейшее развитие всех видов транспорта и связи. Общий объем грузооборота по всем видам транспорта увеличится за пятилетие на 90%, в том числе по железной дороге — на 11.5%, автотранспорту — в 2.9 раза, воздушному транспорту — в 1.6 раза.

Однако новые средства передвижения пока не уничтожают местного, выработанного долголетней историей монгольского народа гужевого и верхового передвижения, приспособленного к природным условиям страны.

Лошадь, бык, верблюд продолжают играть большую роль как верховые и вьючные животные, а также в отдельных районах, преимущественно в центральной и восточной частях страны, используются для запряжки в двухколесные телеги. Все монголы — мужчины, женщины и дети — великолепные наездники.

Прежде перевозка грузов в основном производилась только на быках и верблюдах. Быки впрягались в двухколесные деревянные телеги весьма примитивного устройства, в которых совершенно отсутствовали железные части; на верблюдах

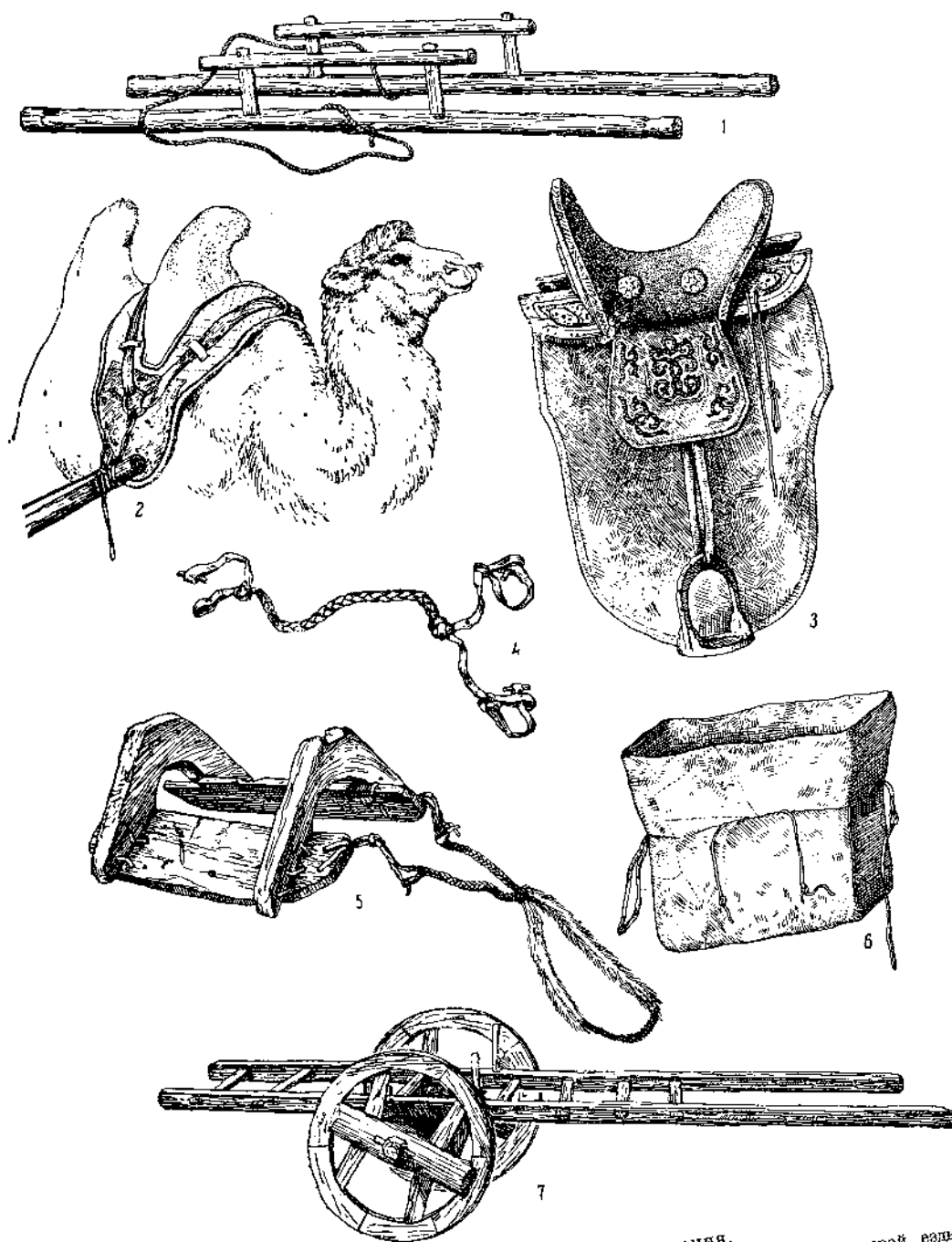

Рис. 132. Средства передвижения.
 1 — верблюжье вьючное седло; 2 — верблюжья упряжь; 3 — седло для верховой езды;
 4 — тренога; 5 — вьючное седло для быка; 6 — вьючная сумка; 7 — телега.

груз перевозился вьюками, запряжка их в телеги практиковалась лишь в некоторых районах восточной части страны.

Население обычно передвигалось по стране верхом, для чего служили в первую очередь лошади, использовались также быки и верблюды. Приучение лошадей к запряжке началось только после революции, причем здесь еще долгое время наблюдались остатки издавна сложившихся традиций особого почтительного отношения к лошади. Так, например, в телегу с запряженной лошадью хозяин предпочитал не садиться, а шел пешком рядом или ехал верхом на другой лошади. Новые средства передвижения, как указано выше, не уничтожают местного, выработавшегося многолетней историей монгольского народа гужевого и верхового передвижения. Особенности материальной культуры как результат многовекового опыта монгодо-кочевника здесь выступают еще очень сильно. Они выражаются в устройстве вьючных и верховых седел, телег, в способах заседлывания и вьючения животных и др.

Вьючное седло (*янзирцаг*) для коня и быка состоит из двух досок, соединенных между собой двумя массивными деревянными дужками. Доски и дужки просверлены и сшиты тонкими ремешками. Подпруга перекидывается через седло, и для нег на досках вырезаны неглубокие выемки. К концам задних досок прикрепляется потфья (подхвостник). На спину животного сначала накладывается войлочный подседельник (*токум*), а поверх него укрепляется седло. Для верблюдов употребляется другая форма седла. Сначала для предохранения спины верблюда от стирания и ранения его горбы окутываются войлоком, к бокам прикладываются подушки (*хом*), набитые шерстью, и затем все это прижимается палками. Для укрепления вьюка на седле верблюда, его, дергая за поводок, заставляют лечь на землю.

В центральных и восточных районах верблюдов впрягают в двухколесные телеги, для этой цели употребляется специальное войлочное седло-хомут, которое надевается на передний горб верблюда.

При длительных переходах по песчаным и покрытым галькой местам подошвы верблюдов трескаются; в таких случаях верблюдов кладут на бок, связывают им ноги и подушкообразные подошвы ног подшивают кожей с помощью длинной кривой иглы.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Развитие промышленности и социалистическое преобразование сельского хозяйства вызвали к жизни современные города и крупные населенные пункты. По данным переписи МНР на 5 января 1963 г., 40,8% населения страны живет в городах и населенных пунктах городского типа. Этот факт говорит о больших изменениях, происшедших за годы народной власти в образе жизни монголов. Быт монгольского народа меняется в результате перемен в хозяйственном укладе. В настоящее время не только города и аймачные и сомонные центры, но и усадьбы госхозов, машинно-животноводческих станций и сельскохозяйственных объединений становятся пунктами оседлости. В монгольских степях создаются стационарные населенные пункты даже в бригадах СХО.

Здания в поселках строятся в зависимости от местных условий из кирпича, камня, дерева и других материалов, выпускаемых строительной промышленностью. Как облицовочный материал широко используются мрамор и гранит. В северных районах страны, где много леса, дома часто строятся из дерева, тогда как в восточных, южных и западных районах преимущественно используются другие материалы (камень, кирпич и т. д.). Используются также и местные материалы, например камыш, саман и т. д. В Керуленском госхозе поселок построен из каменных и саманных домов. В качестве строительного материала здесь широко применяется камыш. Работает несколько предприятий по производству стандартных домов.

В архитектуре новых зданий успешно используются традиции национального зодчества. Хотя в дореволюционной Монголии, как известно, почти не было городов, но в стране в более ранние периоды ее истории

были свои города. Археологические раскопки, проведенные на развалинах древних городов Монголии членом-корреспондентом АН СССР С. В. Киселевым, а также исследования монгольских ученых дали интересный материал по истории городов Монголии XIII—XIV вв. Опираясь на местные традиции, а также используя элементы китайской и тибетской архитектуры, средневековые зодчие талантливо решали задачи ансамбля и архитектурной композиции.

В настоящее время в городах и крупных населенных пунктах строятся современные здания. Они проектируются монгольскими архитекторами с учетом опыта зодчих СССР и других стран социалистического содружества наций. Проектирование осуществляется архитектурно-планировочным управлением столицы. Строительные работы выполняются главным стройуправлением. При проектировании жилых и особенно общественных зданий используются традиции древнего национального зодчества. При внешней отделке современных зданий и в интерьерах применяются богатые монгольские орнаменты (как, например, для декора Дома-музея Сухэ-Батора).

В Монголии города и населенные пункты по своему внешнему облику выглядят по-разному, в зависимости от времени основания и местности. Аймачные и сомонные центры, как указывалось выше, строились заново или путем реконструкции населенных пунктов около бывших крупных монастырей.

В западных районах страны (например, в Баян-Улэге, где живут в основном казахи) наряду с современными каменными зданиями стоят типичные казахские дома, сложенные из самана, с плоскими глинобитными крышами и глинобитными заборами — дувалами. Здесь заметно сказывается среднеазиатское влияние. В Хубсугульском аймаке, в поселке Хатхыл, расположенном близко к русской границе, распространены срубные дома русского типа. Кое-где в Монголии еще и теперь остались глинобитные мазанки — китайские фанзы.

В восточных районах, где живут буряты и хамниганы, встречаются летние деревянные постройки (*зуһалангай гэр*). Эти летние жилища представляют собой дощатые прямоугольные постройки с покатой крышей. Посредине крыши делается прорез для вывода трубы, который служит и источником света. Дверь жилища, как и в юрте, обращена на юг. Так же как и в монгольской юрте, восточная (правая) половина считается женской, западная (левая) — мужской. Порядок расположения вещей в летнем и зимнем жилище одинаков с расположением вещей в монгольской юрте. Отличительной чертой бурятских жилищ является наличие сбитых из глины камельков, в которых они выпекают по русскому образцу хлеб и различное печенье.

Интересно, что жители городов и стационарных сел ставят еще много войлочных юрт (они модернизированы и часто фабричного производства, внутри бывает настил деревянный пол и обстановка такая же, как в квартирах). Это объясняется привычкой монголов к жизни в юртах. Некоторые люди, особенно старики, не переезжают в благоустроенные квартиры, а строят или приобретают юрты, объясняя это тем, что в домах сыро.

Быт монгола-горожанина или оседлого жителя современной сельской местности отличается от быта дореволюционного кочевника-скотовода. Электрическая лампочка, радио и телефон прочно вошли в быт оседлого монгола. В квартирах появилась удобная городская мебель фабричного производства. В конструкции мебели наблюдается стилизация и орнаментация в национальном стиле, а в квартирах часто наряду с европейской мебелью стоят низкие монгольские столики. В домашней утвари также

наблюдается смешение покупных европейских предметов с традиционными монгольскими. Новым является то, что в квартирах на окнах повисели тюль, а на стенах — различные ковры, в том числе и тканые под гобелены. В быт монголов прочно входят радиоприемники, швейные машины, велосипеды, мотоциклы и даже автомобили. Важно, что бани строятся в каждом населенном пункте. Кочевник, который в старое время не мылся всю жизнь, теперь регулярно посещает общественную баню.

Несмотря на важные перемены в быту, юрта в условиях отгонного животноводства остается удобным, наиболее приспособленным к местным условиям жилищем. Это древнее жилище, проверенное на многовековом народном опыте, незаменимо для животноводов, которые передвигаются из одного места в другое. Легкость, устойчивость, портативность, возможность быстро ее собрать или разобрать — вот достоинства и удобства юрты. Раньше для перевозки юрты обходились двумя-тремя выючными верблюдами.

Современная монгольская юрта намного улучшена, хотя форма и конструкция остаются прежними. В Улан-Баторе и других местах решетки современных юрт делаются высокими (в отличие от старых). В большинстве юрт настланы деревянные полы, хотя во многих юртах вместо деревянного пола по-прежнему на землю стелют войлочные ковры или шкуры. Теперь стали покрывать юрту сверх войлока непромокаемым чехлом фабричного производства. Чехлы обычно бывают белого цвета. Известно, что с древнейших времен у монголов белый цвет считался как священный. Стены многих юрт с внутренней стороны стали покрываться цветной материей, украшенной национальным орнаментом.

Остов войлочной юрты состоит из деревянных, складных решеток, которые у восточных монголов называются *хана*, а у западных — *терем*. Решетки ставятся по кругу. Размер юрты зависит от количества решеток. Их бывает от 4 до 12 (средние размеры юрты: диаметр 4—5 м, высота по центру около 3 м). К решеткам прикрепляется конусовидная крыша, состоящая из тонких палок (*уни*), опирающихся одним концом на решетки, а другим на деревянный круг, который одновременно служит и дымовым отверстием. Круг, как и решетчатые стенки, носит у монголов различные названия в различных местах. У халхасцев и бурят он именуется *тоно*, а у дэрбатов и байтов — *хараачи*. В северо-восточных аймаках МНР круг носит название *сыржинь-тон*. Он отличается от других тем, что у него *уни* накрепко постоянно прикреплены с помощью шарниров, поэтому на установку его требуется меньше времени. Круг снабжен взаимно перекрещенными крестовинами, возвышающимися над его плоскостью, причем устройство крестовин варьируется по отдельным этническим группам. *Уни*, образующие конусовидную крышу, отличаются от таковых в юртах тюркских народов. Подобные палки тюркского образца можно наблюдать в жилищах казахов, проживающих в западной части МНР. В отличие от прямых монгольских *уни* казахские имеют выпуклую форму и тем самым придают казахской юрте полусферическую форму. Отличается также и устройство дверей у монголов и казахов. Монгольская юрта имеет деревянные двустворчатые двери, согласно древнему обычаю, обычно обращенные на юг (у халха-монголов) и юго-восток (у западной ветви монголов). Снаружи у монголов над деревянной дверью навешивается еще стеганый войлок, у тюрков же дверь закрывается только войлоком, опускающимся наподобие шторы сверху. Монгольские юрты целиком покрываются войлоком, а тюркские — войлоком и циновкой из камыша. Остов монгольской юрты обтягивается войлочными покрывалами, в зимнее время в два ряда, а летом в один ряд, и обвязывается волосяными перекладками (*гэрийн бүс*). Летняя покрывка обычно не доходит до земли, что дает возможность через облаченную решетку проветривать юрту. Зимой для утепления низ юрты снаружи обтягивается длинной, по полметра в ширину полосой войлока (*халач*). Иногда эти крайники бывают со стеганым геометрическим орнаментом.

На дымовой круг (*тоно*) накладывается квадратная войлочная покрывка (*эрхэ*), к концам которой прикрепляются волосяные веревки. При помощи *эрхэ* можно закрывать дымовое отверстие на ночь или в случае дождя. Днем обычно *тоно* полностью не покрывается и служит для проникновения дневного света. В настоящее время в некоторых юртах в *тоно* вставляются стекла. В других случаях также в дверях делаются остекленные окошечки. Можно наблюдать также сочетание того и другого.

Уни и *тоно* часто покрывают ярко-красной краской, а *ханы* не окрашивают. Дверь также красят обычно в различные оттенки красного цвета. Наружнюю часть двери украшают разнообразной росписью.

В оседлых пунктах можно иногда наблюдать изменения в материале и в самой форме юрты. Она перестала быть разборной, ее решетчатые стенки заменились досками, бревнами, кирпичами. Появились фундамент и различные пристройки и надстройки. Круглая в плане решетчатая юрта стала многоугольной или квадратной; ее конический верх — пирамидальным; внутри нее появились опорные стойки, позволяющие строить более тяжелую крышу.

Внутри юрты посредине помещался очаг. Дымящийся очаг был раньше основным источником тепла и света; в настоящее время монголы обычно ставят на месте очага круглые железные печи. Трубы выходят в верхнее отверстие юрты — тоно. Однако в некоторых местах рядом с печкой можно увидеть железную подставку для котла — таган (*тулга*). Он состоит из 3 или 4 железных ножек, опоясанных железными обручами. Нижние концы ножек для устойчивости слегка загнуты наружу, а верхние отогнуты внутрь, для того чтобы они могли служить подпорками для котла. У дарбатов, байтов и захчинов вместо железного тагана в некоторых местах встречаются полукруглые глинобитные стенки (*зуух*) высотой примерно 30—40 см, которые окружают очаг, не закрывая его. В гобийских районах пользуются очагами, сложенными из глины и камней. Топливом служит обычно аргал — сухой коровий или лошадиный помет. Обычно корзинка с аргалом устанавливается между полками с посудой и очагом, а иногда аргал высыпается прямо на пол перед очагом. Предпочтение аргала дровам объясняется не только отсутствием дров во многих районах, но и тем, что дым от аргала не такой едкий. В очаге аргал размещается по кругу внутри тагана, иначе он не будет хорошо гореть. Раньше, когда не было печей, юрта постоянно наполнялась дымом.

Правая половина от входа (восточная) считается хозяйской, «женской», сторона напротив входа считается самой почетной — сюда обычно сажают гостей.

Во внутренней обстановке современной монгольской юрты произошли большие изменения. Почти во всех юртах можно встретить удобную городскую мебель: специальные низенькие столы и стулья, буфеты, сундуки, обычно орнаментированные, никелированные кровати, одеяла и покрывала фабричного производства, этажерки с книгами и другие вещи. В городских юртах, а также во многих сельских, стали обычными предметами быта такие предметы, как электронагревательные приборы, радиоприемники и книжные полки. Часто в семье арата можно увидеть небольшую домашнюю библиотеку. Однако наряду с этим сохраняются в сельских местах отдельные традиционные черты быта. Об этом говорят расстановка мебели внутри юрты и отдельные предметы быта. Справа от входа, так же как и раньше, располагаются полки и шкафчики с хозяйственной посудой, ящики с провизией, кровать хозяев и монгольские орнаментированные сундуки (*авдар*) с домашним имуществом. Слева от входа, на «мужской» половине, находятся стойки с кожаными сосудами для кумыса и квашеного молока. Здесь же складываются седла, сбруя и охотничьи принадлежности. Иногда в холодное время года в этой половине привязывают маленьких ягнят и телят. В юртах в настоящее время иногда ставится кровать и в левой половине, но на ней спят или почетные гости, или старшие члены семьи. Часть семьи, так же как раньше, размещается на войлочных подстилках вокруг очага.

У многих аратов можно увидеть монгольскую кровать (*орон*); это разборная рама не выше 30—40 см, на которую настилаются доски. Лицевая сторона кровати всегда окрашивается и разрисовывается геометрическим орнаментом. В орнаменте чаще всего встречается рисунок *олвий* («виточка счастья»).

На кровать кладут войлочные подстилки. Несмотря на наличие покупных подушек, некоторым монголам в качестве подушек служат матерчатые или войлочные валики, набитые шерстью, причем конец подушки, обращенный к стене, круглый, а противоположный конец имеет четырехугольную форму, которая придается подушке при помощи деревянной дощечки, вставленной внутрь валика. Четырехугольный конец подушки обшивается плисом или другой какой-либо материей. На материю нашиваются металлические бляхи. У узумчинов, пришедших из Китая, наблюдаются вместо блях большие металлические пластины с изображением драконов.

На полу юрты вокруг очага расстилается войлок, стеганный нитками из верблюжьей шерсти. Он носит название *ширдэк*. Сложенный вдвое, он должен быть обращен краями всегда к очагу. Поверх ширдэка пол часто застилается кожей животных. Войлочные подстилки на кровати не простегиваются и называются *эсгий*, или *эшигий*, что значит «простой войлок».

Мужчины обычно сидят на полу по традиционному монгольскому обычаю, подогнув под себя ноги, или на левой ноге, опираясь о колено правой. Для женщины считается неприличным сидеть по-мужски, т. е. свернув ноги «скачком». Она сидит, подогнув под себя правую ногу, и опирается на колено левой ноги.

Монгольские араты — животноводы и земледельцы в летнее время используют палатки (*майханы*). Во время *надана* — национального праздни-

ника монголов — майханы пользуются особенно большим успехом. Монгольские палатки обычно бывают шестискатные и в большинстве случаев снаружи украшаются красивым орнаментом (*алтан-хээ*, *эльзий* и др.). Вокруг юрты располагаются загородки для скота, колышки с натянутыми веревками для привязи телят и ягнят, коновязи для верховых лошадей и телеги (в восточных и центральных районах).

Войлочная юрта хорошо приспособлена к кочевому быту. Она отличается большой портативностью; при переезде с места на место она может быть в течение 30—40 мин. свернута или поставлена вновь.

Наиболее древней формой монгольского жилища является *обохой* — конусообразное жилище.

Обохой состоит из тоно и вставляемых в него уни. Сверху, так же как и юрта, обохой покрывается войлоком. Обохой как постоянное жилище теперь не встречается; иногда его используют в качестве хранилища домашних вещей. Чаще им пользуются пастухи или проводники караванов в холодное время года.

Утварь Интересно заметить, что наряду с металлической, эмалированной, фарфоровой и другой покупной посудой, особенно в сельских районах, бытует традиционная деревянная и кожаная домашняя утварь. Она наиболее прочна и легко перевозима, что удобно при кочевом образе жизни. Таковы, например, деревянные ведерки (*модон хувин*) с обручами разной высоты. К ним для удобства переноски приделываются дужки из волосяных веревок. Ведерки используются главным образом для доения молока; употребление молочных сосудов для других хозяйственных целей в силу древних традиций воспрещается. Для воды служат высокие деревянные бочонки, имеющие в поперечном разрезе форму эллипса. К бокам приделываются деревянные ушки, сквозь которые продевается веревка. К деревянной посуде (*сав*) относятся различной величины корытца и плоские блюда (*таваг*) для вареного мяса, чашки (*аяга*) и кувшины (*домбо*) для чая, имеющие форму усеченного конуса и охваченные в нескольких местах металлическими обручами. В кувшины (*домбо*) и чайники (*данх*) переливается из чаши (*того*) прокипяченный чай. Для толчения чая употребляются ступы (*уур*), сделанные из цельного куска дерева. Для хранения масла употребляются хорошо промытые и высушенные желудки и толстые кишки животных. Этот вид «посуды» чрезвычайно архаичен и встречается у многих народов не только Азии, но и других стран. Для хранения крупы и муки нередко употребляются мешки (*тулам*) — шкуры, снятые целиком с телят, ягнят и жеребят. Кумыс и разных видов квашеное молоко хранят в высоких кожаных сосудах, именуемых у халха *хухур*, а у западной ветви монголов — *архад*. Необходимой принадлежностью арата являются чугунные *того* — чаши сферической формы; они устанавливаются на таган или в последние годы, с появлением железных печей, на круглое отверстие печки. В таких чашах варят мясо и кипятят чай. Котлы обычно чистят метелкой, сделанной из хвоста яка.

Пища и напитки Основой питания монгольского сельского населения служат молочные продукты и мясо; в меньшем количестве употребляются мучные блюда.

Многовековое занятие скотоводством способствовало выработке большого ассортимента молочных продуктов (*цаган иде*), которые потребляются не только в весенний и летний периоды максимального удоя молока, но в различных видах заготавливаются на зиму, когда доение скота прекращается. Недостаток свежего молока в это время восполняется мясной пищей и сушеными молочными продуктами.

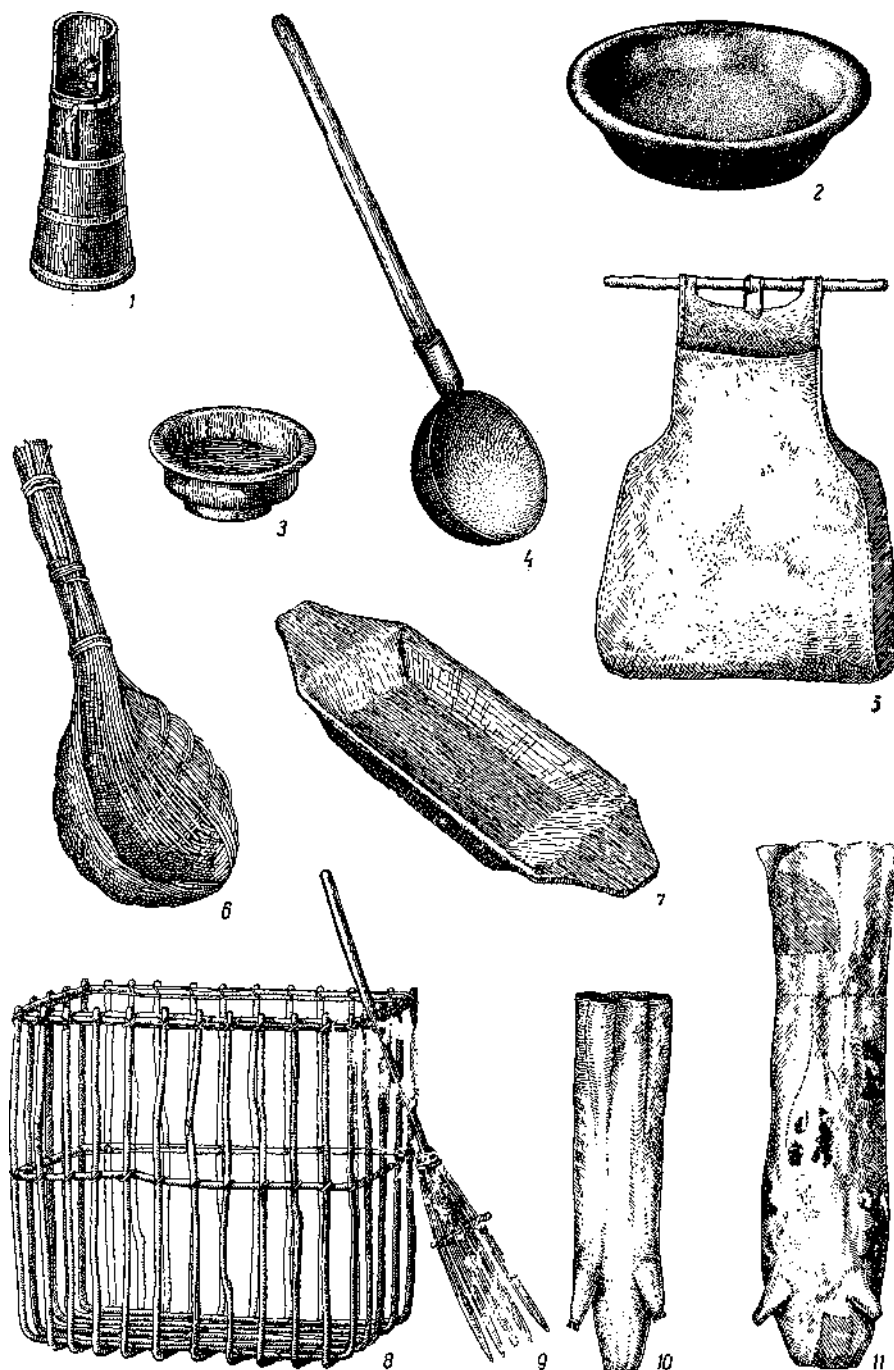

Рис. 133. Домашняя утварь.

1 — сосуд для чая (домбо); 2 — деревянная тарелка (таваа); 3 — чайная чашка (такша); 4 — мерный ковш для чая (шанак); 5 — кожаный сосуд для кумыса; 6 — плетеный ковш (сито) для процеживания чая (шур); 7 — деревянное корыто (таваа); 8, 9 — корзина и грабли для собирания аргала; 10 — мешочек из шкуры жеребенка для жареной муки (тулам); 11 — мешок для хранения продуктов.

Молоко (*су*) монголы пьют только в кипяченом виде. Из него различными способами закваски и выпаривания готовится несколько видов сыра (*бислаг*, *арул*, *эзгий*, *хурут*), род простокваши (*тараг*, *айраг*), напитки: кумыс (*чигень* у ойратов и *гуне айраг* у халха), водка (*архи*) и др.

Наиболее любимой едой и одновременно почетным угощением служат пенки (*уруж* или *өрмө*), для получения которых свежее молоко кипятится длительное время на медленном огне. После остывания молока толстый слой пенки осторожно снимают лопаточкой и на широком деревянном блюде или дощечке складывают вдвое таким образом, что маслянистая сметанообразная масса остается внутри поздравых корочек. Далее пенки немного подсушиваются и подаются к чаю. Снятое молоко слегка подогревают и, слив в сосуды, заквашивают закваской (*хоронго*), в результате чего получается тараг — род простокваши, которую в летнее время едят в большом количестве. У ойратов ему соответствует айраг, он хранится в большом кожаном сосуде, называемом *архат*. В этот сосуд сливается молоко разных удоев, после его наполнения в него вливается *зимар* — теплая смесь воды и молока, что ускоряет брожение. Молоко неоднократно взбалтывается специальной мутовкой (*булур*), благодаря чему частицы жира скопляются на поверхности и могут быть легко отделены. Их собирают в отдельный сосуд и затем перетапливают. Реже масло получают из сметаны или сливок, взбивая их руками. Острокислый айраг разливают в чашки и пьют. Из него же изготавливают архи. Закваска для тарага и для кумыса, оставленная на зиму, весной размельчается и растворяется в теплом молоке. По старинному обычаю монголов, чужим людям закваску не дают, женатые сыновья и дочери могут получить ее из родительского дома, однако в тех случаях, когда они берут закваску, они должны взамен принести молоко.

Другим видом молочных продуктов является бислаг — род пресного сыра, в форме большой, квадратной булки. Для его изготовления в кипящее свежее молоко вливается тараг или айраг, благодаря чему происходит быстрое свертывание молока. Творожистую массу складывают в матерчатый мешок и помещают под пресс. Обычно для этой цели служат две деревянные доски. Хорошо спрессованный бислаг легко режется ножом на тоненькие ломтики и подается к чаю. Бислаг является летней едой. Имея отличные вкусовые качества, он, однако, может сохраняться всего лишь несколько дней. Арул — также род сыра. Он изготавливается двояко. В одном случае это творожистая масса, получаемая при кипячении квашеного молока, в другом — это творожистый осадок, остающийся после перегонки квашеного молока на водку. Хорошо отфильтрованный творог небольшими комочками раскладывают на деревянные лотки и сушат на солнце. Обычно, проходя мимо монгольской юрты в летний солнечный день, всегда можно видеть несколько лотков, размещенных на конической части юрты. В некоторых случаях творог спрессовывают, режут ломтиками, нанизывают на нитку и также сушат на солнце. В этом случае он называется хурут, или хурса. Арул и хурут в большом количестве запасают на зиму.

В качестве хорошего зимнего запаса служит эзгий. При его изготовлении, так же как и при изготовлении бислага, в кипящее свежее молоко вливается тараг или айраг, но в отличие от бислага творожистую массу не отделяют от сыворотки (*шар ус*), а кипятят до полного ее выпаривания. В результате получается красноватая творожистая масса пресноватого вкуса, которая может сохраняться длительное время. У ойратов (байтов) при изготовлении эзгий вместо тарага в качестве закваски употребляется молозиво.

К числу молочных продуктов, изготавливаемых домашним способом, относится и топленое масло (*шар тос*). Как указано выше, при сбивании пресного молока, слитого в кожаные сосуды, масло, всплывающее на поверхности, собирают в отдельные сосуды и по мере накопления перетапливают, затем оно сливается в хорошо промытые бараньи желудки

или толстые кишки. Такой способ хранения масла обусловлен кочевым образом жизни. При перекочевках портативность, легкость и устойчивость домашних предметов весьма ценятся. Этим требованиям отвечают несомненно и указанные хранилища масла.

В настоящее время в МНР широкое развитие получили государственные механизированные маслозаводы, куда араты продают молоко. Однако для этой цели идет только коровье молоко; овечье и козье обрабатывается домашним способом.

К числу напитков, изготовляемых из молока домашним способом, относятся кумыс и водка.

Кумыс, называемый у халха-монголов *гуне айраг*, а у ойратов *чигень*, или *чиге*, изготавливается в летние месяцы из молока кобылицы, в редких случаях — из молока верблюдицы. Обычно молоко сливается в большой кожаный сосуд и подквашивается айрагом. Для получения кумыса хорошего качества его необходимо часто забалтывать, особенно в течение первых суток изготовления, для чего его взбивают мутовкой не менее часа утром, днем и вечером.

Кумыс является весьма почетным и любимым напитком монголов. Его в летнее время пьют взрослые и дети, им угощают гостей, его в большом количестве заготавливают на празднество *надан*. С чарой кумыса в руках *ульгерчи* (сказители) говорят благопожелания и поют песни в честь выдающихся людей и событий. При угощении кумысом в юрте хозяина первая чашка кумыса подносится наиболее почетным людям — гостям и старикам, по принятому этикету она подносится и принимается всегда двумя руками. По существующему издавна обычаю монголов, считается неприличным не выпить до дна из поднесенной чашки; если человек не может этого сделать, он должен губами прикоснуться к жидкости и передать чашку хозяину или другому лицу. Учитывая особое почитание коня у монголов, можно думать, что обычай почитания лошади, в частности питье кумыса, несут на себе печать очень древних традиций, связанных с первобытнообщинными отношениями. Доказательством этого является наблюдавшийся автором у монголов древний обычай, при котором чашка кумыса обходила по кругу всех присутствующих, и каждый из нее отпивал понемногу, что несомненно подчеркивало равноправное участие в питье всех присутствующих.

К числу древних напитков относится и молочная архи, которая изготавливается из любого коопенного молока в специальных перегоночных аппаратах.

Так же как и при питье кумыса, чашка архи передается по кругу.

Мясо (*махан*) монголы едят главным образом в вареном виде. Разрезанное на куски мясо заливают водой в большой чаше и варят, слегка подсаливая, а чаше совсем без соли. Бульон заправляется крупой, для чего употребляется пшено (*шар буда*) или рис (*цаган буда*). Монголы любят заправлять бульон также китайской вермишелью (*гоймон*) или лапшой. Сваренное мясо раскладывают по чашкам и едят, иногда обмакивая в соленую воду, затем пьют бульон.

Самое любимое, почетное и широко употребляемое блюдо — баранина. При закалывании барана домашним способом соблюдается ряд традиционных правил, среди которых самым существенным является строгое наблюдение, во-первых, за тем, чтобы кровь не была пролита на землю, во-вторых, чтобы мясо было разрезано только по суставам; дробить кости обычай не допускает. В старину барана убивали на войлоке. Древний способ резания животных применяется теперь лишь к мелкому скоту — баранам и козам, в отдаленные же времена он применялся и к крупным животным, особенно в тех случаях, когда они предназначались для жертвоприношения. Барана опрокидывают на землю и разрезают живот ниже грудной кости, после чего просовывают руку в надрез, ударом кулака разрывают диафрагму и зажимают аорту. После умертвления барана начинают снимать кожу. Сначала делают надрез кожи, идущий через грудь от середины передних ног, затем делают два надреза вокруг грудники, после чего разрезают кожу вдоль живота, далее надрезаются до половины задние ноги и шкура снимается. После удаления внутренней крови, скопившаяся внутри туши, переливается в ведро. Кровь и кишки (*ээдэс*) заколотого животного идут на изготовление домашней колбасы. Для этой цели в кровь прибавляется немного муки. Колбаски варятся вместе с мясом.

По старинному обычаю, груднику с диафрагмой должны до употребления подвешивать в юрте, зацепляя ее за стропила (*уни*) юрты близ двери, остальное мясо

подвешивают к решеткам (ханам), также у двери юрты. Печень монголы любят есть сейчас же после раздела тушки барана. Ее обычно обертывают в слой жира, снятого с желудка барана, панизывают на вертел и жарят на костре. На вертеле же жарят и нижнюю часть грудинки (*жерсень*), которая отделяется вместе со шкурой.

Наиболее почитаемыми частями барана являются голова и *ууц* — спина́я часть (позвоночник) с курдюком. Их подносили в старину в качестве жертвоприношений богам и священным деревьям, ими угощают наиболее уважаемых людей. Обычно эти части размещают на большом блюде так, что голова, лежащая сверху *ууц*, должна быть направлена в сторону бурхана (изображения буддийского божества) или почетного лица. Первый кусок, срезанный с головы, ранее подносился всегда бурхану. При еде мяса араты не употребляют вилок; разделанные по суставам кости с мясом берут левой рукой и ножом постепенно обрезают. Иногда при обрезании мяса его придерживают зубами. Араты придают большое значение тому, каким способом едят и режут мясо. По способу употребления мяса они узнают своих соплеменников.

Следует отметить некоторые старинные обычаи и поверья. Баранью лопатку (*дал*), которая издавна в быту монголов являлась гадательной костью, нельзя держать в зубах, как прочие кости; мясо с лопатки женщина может есть только тогда, когда она получит ее из рук мужчины. По старому обычаю, мужчина должен был делиться мясом с лопатки со всеми присутствующими мужчинами. Ранее монголы употребляли мясо, жаренное раскаленными камнями. Этот способ изготовления у халха носит название *ботог*, у ойратов — *зум*. Теперь он иногда применяется при приготовлении тарбаганьего мяса. По воспоминаниям стариков, в древние времена охотники варили мясо раскаленными камнями в коже убитых животных, для чего снятую с животного кожу подвешивали к деревьям так, чтобы налитая в нее вода не вытекала, затем бросали в воду куски мяса и раскаленные камни.

В летнее время, когда мясо не может долго сохраняться, его подвяливают или сушат. Сырое мясо разрезают на тонкие полоски, развешивают на веревочках и сушат на воздухе. Затем его складывают в мешки, где оно может сохраняться длительное время.

Грудным детям дают сосать кусочек вареного курдюка.

Как отмечалось выше, мучные продукты потребляются монголами в меньшем количестве, чем мясные и молочные. Если теперь в городских и районных центрах имеются хлебопекарни и изготавливается квашеный хлеб (*галха*), то в хуонах еще сохранился старый способ изготовления мучных продуктов из пресного теста. К числу широко распространенных мучных изделий относятся *борцог* — куски мелко нарезанного теста наподобие украинских галушек, сваренного в бараньем жиру или масле. Таким же способом жарятся, вернее варятся, пресные лепешки и другое печенье. Иногда для их изготовления употребляют деревянные, с разным орнаментом графаретики, имеющие удлиненную форму.

К числу почетных кушаний относится *хальмаг*, для приготовления которого в чаше предварительно растапливают пенки, затем всыпают муку, и смесь поджаривают. Широко распространенным мучным блюдом является ячменное толокно. Его употребляют не только дома, но берут в качестве запасов охотники, проводники караванов, пастухи стад и др. Одной-двух горстей толокна достаточно, чтобы сытно позавтракать, для этого в чашке горячего напитка или чая растворяют масло, затем всыпают толокно и замешивают густое тесто, которое берут руками, едят, запивая чаем.

Под влиянием китайской кухни среди монгольского населения получили распространение пирожки, начиненные сырым мясом. Одни из них — *хушуры* — делают из пресного теста (круглой, расплющенной формы) и жарят в масле, другие — *бууз* — пекут на пару, они имеют по вкусу сходство с сибирскими пельменями. При их изготовлении на раскатанный кружочек из теста кладут мясо, края кружочка не защипывают, а собирают в виде розетки, за которую берут бууз руками и размещают на решетке, погруженной в чашу или другой сосуд с кипящей на дне водой, но так, чтобы решетка не соприкасалась с водой. Сверху чаша покрывается крышкой.

В магазинах монголы приобретают русское и китайское сладкое печенье (*бооб*), а также чай, сахар и конфеты. Чай предпочитают кирпичный, чаще всего китайский, который густо заваривают и заправляют молоком, маслом или салом и солью (*худжир*). Чай пьют в течение всего дня; при появлении гостя в юрте первым долгом ему предлагают чашку чая.

Заменители чая из дикорастущих трав в быту монголов существуют издавна. По исследованиям ботаника А. А. Юнатова, насчитывается свыше 30 видов местных растений, употребляемых в качестве чая.

Из растительной пищи кочевое монгольское население в некоторых районах употребляет дикорастущие растения — сульхир, мангир, луковицы сараны и др.

Одежда Национальная мужская одежда халха-монголов состоит из рубашки и штанов, сшитых из далембы (тонкая хлопчатобумажная ткань), бязи или другой материи. Сверху надевается халат (*дэль*), застегивающийся на правой стороне. Он шьется на подкладке из материи, под зимний подводится мех из мерлушки. Зимняя одежда шьется также из выделанных бараньих шкур и не покрывается материей. Халат подпоясывается широким кушаком из цветной материи, иногда такой кушак достигает в длину 7—8 м и служит предметом щегольства. Халат делается очень длинный, над опояской образуется как спереди, так и сзади напуск, что позволяет держать за пазухой различные вещи, которые легко достаются правой рукой. Рукава делаются также очень длинные и в локте собираются в складки. На конце их прежде пришивались воронкообразные обшлаги (*нударага*) из плиса или бархата; теперь их уже не делают. Для праздничной одежды материалом служит чесуча или шелк. Воротник и передний край верхней полы украшаются узкой полосой цветной материи. К кушаку на шнурках или цепочках прикрепляются прибор для добывания огня, состоящий из кожаного кошелька с вделанным в него огнивом, кремня и трута, а также трубкообразный футляр, в котором находятся нож и две костяные палочки. Последние употребляются для еды мелких кусков мяса, риса и др. За пояс засовывается кисет с табаком, а раньше обязательной принадлежностью была и табакерка для нюхательного табака, которая всегда предлагалась во время встреч и приветствий друг другу. В настоящее время у монголов в ходу папиросы и спички.

В торжественных случаях прежде поверх халата надевалась шелковая безрукавка (*ханьгадзе*).

В дождливое время мужчины носят плащ (*цабун*), который делается обязательно из красного сукна с разрезами от пояса до низа как спереди, так и сзади. Воротник, полы и рукава по краям обшиваются желтым кантом. На голову надевается такого же цвета башлык.

Обувью служат сапоги (*гутулы*) с загнутым вверх носком. Подошва, состоящая из простеганных в несколько рядов слоев войлока, подшивается снизу кожей. Союзки и задники иногда украшаются кожаными цветными аппликациями. Сапоги надеваются на войлочные чулки, края которых выступают над сапогами и обшиваются цветной материей, часто украшенной орнаментом, выполненным тамбурным швом. В настоящее время на фабрике в Улан-Баторе изготавливаются сапоги и дамские туфли русского образца, точно так же на промкомбинате и в артелях изготавливается валяная обувь.

На голову надевалась шапка с высокой, остроконечной тульей и лентой сзади, теперь предпочитают носить фетровые шляпы и фуражки русского образца. В зимнее время на голове носят меховые шапки в виде

башлыка. Кочевники зимой на голое тело надевают овчинные штаны и шубу того же покроя, что и халат. Голову в настоящее время мужчины бреют. Прежде не посвященные в ламы (*хара хун*) носили косу и брили только полголовы.

Женская одежда и прически различны у отдельных групп монголов.

Одежда халхаской девушки ранее не отличалась от мужской, она носила такой же халат и кушак, как мужчины, волосы заплетала в длинную косу, в которую вплетались украшения (шелковые кисти, бляшки и пр.).

Теперь не только девушки, но и женщины-халхаски носят халаты мужского покроя, подпоясанные широким кушаком или ремешком. Покрой халата остался старый, исчезли лишь воронкообразные обшлага (*нудрага*) и цветные широкие нашивки — украшения у воротника и по краю верхней полы. Полы, воротники и края рукавов теперь обшиваются узкой цветной тесемкой.

Старинный женский халат у халха-монголов сохранялся в отдельных районах еще до 1941—1942 гг. Он имел длинные рукава с высокими буфами на плечах и воронкообразными обшлагами. Средняя часть рукава обычно делалась из другой цветной материи и украшалась нашивными полосками из парчи, позумента, плиса, шелка и другого материала. Такими же полосками украшались воротник и края верхней полы халата. Последняя посредине была отрезная, нижняя половина ее собиралась в сборки. Одежда богатых женщин шилась из шелка, у бедняков — из хлопчатобумажных тканей: далембы, цуембы и др. Поверх халата в торжественных случаях надевалась безрукавка (*уджи*), которая состояла из жилета (*цэдэж*) и пришиваемой к нему юбки (*уджин хормос*). Спереди безрукавка имела четырехугольные матерчатые пластинки (*дэнкхэб*), пришитые к жилетке, а по бокам украшения (*гаший билэ*) для подвязывания платков. Уджи застегивалась на крупные пуговицы (*гобчи*) плетеными петлями (*шилэб*). Вместо уджи иногда надевалась короткая безрукавка.

Головной убор состоял из прически (*хабцагай*), при устройстве которой пряди волос в верхней части (по сторонам головы) были склеены в тонкие, широкие, полукруглые полосы (похожие на распростертые крылья), перехваченные серебряными пластинками (*халчик*), а в нижней были заплетены в две косы (*журильго*), покрываемые чехлами из бархата или плиса. Поверх прически надевался серебряный или металлический венчик (*голгоин болт*), украшенный различными подвесками, и остроконечная шапка (*малагай*) с бархатным или плюсовым околышем и лентами (*дзалаа*) сзади. Описанную выше халхаскую прическу и костюм могла носить только женщина, прошедшая обряд бракосочетания. Прическа и костюм были взаимосвязаны. В тех случаях, когда женщина в силу каких-либо причин заплетала волосы в косу, она должна была надеть девичий халат.

Ранее замужние женщины не носили пояса. В монгольском языке существует для обозначения женщины термин *бусу́й* («беспоясная»), для мужчин — *бустэй* («с поясом»), от слова *бус* — «пояс». Сейчас почти все женщины носят пояс, что иногда вызывает неудовольствие стариков.

В настоящее время вместо крылатой прически женщины-халхаски носят одну или две косы, некоторые коротко стригут волосы; горожанки делают различные современные прически.

В качестве головных уборов теперь носят платки, широко распространены также береты фетровые и пуховые, равно как встречаются фетровые мужские шляпы, а также мужские фуражки. В отдельных случаях на торжественных празднествах некоторые женщины появляются в европейских шляпах последних фасонов.

Обувью служат гутулы, русские сапоги, иногда и русские туфли.

Халаты шьются из русского и китайского шелка разных цветов, из русских хлопчатобумажных и шерстяных тканей.

Интеллигенция — как мужчины, так и женщины — одевается в костюмы европейского покроя.

Старая национальная одежда и головные уборы продолжают еще широко бытовать у ойратов на западе республики. У них как в терминологи-

Рис. 134.

1 — старинный костюм халха-монголки; 2 — дэрбэтка в нарядном костюме (г. Улангом).

гии, так и в покрое одежды, особенно женской, имеются отличия от восточных монголов. В женской одежде есть много элементов, сходных с одеждой тюрков Алтая. В зимнее время мужчины-дэрбаты носят шубы, не покрытые материей, которые называются *девели*. Воротник, край верхней полы и подола обшиваются для украшения каймой из материи, в большинстве случаев черного цвета. В редких случаях кайма отсутствует. Рукава делаются невшивные; они обычно длиннее рук сантиметров на 20. Высота воротника от 5 до 10 см. Застегивается шуба у ворота, на правом плече и под правой рукой, на 5—7 пуговиц. Шуба шьется длинной, с расчетом на «карман» — папуск.

Шуба, покрытая какой-либо материей, называется *усь*, или *уч*. Она может быть любого цвета (кроме желтого и красного, которые присущи только одежде лам). Ее покрой такой же, как и некрытой шубы. Штаны шьют из овчин, надевают на голое тело. Под шубой некоторые дэрбаты носят легкую куртку на меховой подкладке (*чедзмок*).

В летнее время мужчины надевают *лавишг*, легкий халат на подкладке, такого же покроя, как и шуба. Под халат надевают рубашку — (*килинг*) и штаны из далембы.

Женщины зимой носят нагольные овчинные шубы *девели* и крытые *усь*. Покрой их значительно отличается от мужской одежды.

Летняя женская одежда (*терлиг*) шьется на подкладке и представляет собой широкую, сборчатую юбку, пришиваемую к верхней части одежды. Последняя имеет широкие рукава, заканчивающиеся узким обшлагом (*нудрум*), средняя часть которого вырезается в виде язычка. Застежка делается по правой стороне. Разрез верхней полы начинается от воротника, сначала идет прямо посередине груди, затем на уровне нижнего края проймы рукава или несколько выше надрезается под прямым углом, идет далее по боковой линии и спускается вниз. Края полы до пояса обшиваются парчой или цветной материей. Край подола обшивается также нередко широкой каймой. К воротнику пришивается белая пелерина (*цаган драхо*). Украшение на груди называется *чимкьяр*. Зимняя шуба имеет такой же покрой.

Все замужние женщины носят поверх шубы и терлига безрукавку (*цегедек*), состоящую из жилета и пришитой к нему сборчатой юбки, последняя сзади до пояса разрезана. Полы цегедека спереди оставляются открытыми так, чтобы расшитая грудь терлига была видна. Грудка цегедека расшивается парчой и разноцветной материей так же, как и у терлига. Пояс женщины не носят.

Волосы расчесывают на две половины и заплетают в косы, на конце каждой косы привязывают по серебряной подвеске (*тухук, тукук*).

На косы надевают бархатные или матерчатые чехлы (накосники), на которые сверху нашиваются бляхи. Накосники называются *усни герь* (дословно «жилище волос»). Косы спускают на грудь, и концы их пристегивают к бокам платья.

Девушки носят зимой в большинстве нагольные шубы из овчины, обшитые по краям каймой. Летом надевают легкий халат (*хуца*). Девичья одежда имеет мужской покрой, с тем отличием, что обшлага на рукавах не делают. В отличие от женщин девушки, как и мужчины, носят пояс. Волосы заплетают в одну косу и опускают назад. Форма натальной рубашки как у мужчин, так и у женщин и девушек одинаковая; она имеет маленький воротник и застегивается по правому боку под рукой. Точно так же все носят одинакового покроя головные уборы *юдинг* и *дулга*, или *дулга*, в виде шлема, а также китайские круглые шапочки (*горцог*) и русские фетровые шляпы. Зимние шапки шьются из лисьего меха и барашка, летние — из ткани, причем юдинг обяза-

Рис. 135. Одежда.

1 — девичий летний халат (халха); 2 — мужской зимний халат (халха); 3 — дорбетская женская одежда; 4 — шуба из белой овчины (байты); 5 — деталь орнамента на шубе; 6 — дождевик (халха); 7 — башлык к дождевику.

тельно шьется из красного материала. Дэрбаты считают, что красный юдинг является их племенным отличием. Он состоит из двух половин, сшитых посредине, наподобие русского баблыка, края его загибаются вверх, украшаются строчным орнаментом и сзади завязываются тесемками.

Сапоги в отличие от халхаских не имеют союзок, а выкраиваются целиком в две половины, которые сшиваются спереди и сзади. Войлочная подошва подшивается кожей; носок сапога при этом сильно загнут вверх. Сапоги надеваются на войлочные чулки, края которых делаются выше сапог и обшиваются цветной материей.

Женщины и девушки носят серьги, кольца, браслеты. На шее раньше носили на шнурке или цепочке изображение бурханов в серебряном или медном футляре (*гоу*). По бокам платья прикрепляются платки и ключи от сундуков.

Мужчины носят на поясе сзади, ближе к правому боку нож в ножнах и огниво, а также кисет с табаком.

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В дореволюционное время распорядителем имущества и судьбы своих детей являлся только мужчина. Закон допускал многоженство, однако фактически оно практиковалось в богатых и княжеских семьях, семьи же бедняков были моногамны. У ойратов кое-где сохранялись пережитки патриархально-семейных общин, однако они совершенно не изучены.

В натуральном кочевом хозяйстве монголов разделение труда между мужчиной и женщиной было неравномерным. Обычно мужчина ведал общим надзором за скотом, выбором места для пастбы скота и перекочевок, занимался охотой. На женщину же падали все работы по домашнему хозяйству и домашнему производству необходимых бытовых предметов. Она ухаживала за скотом, готовила пищу, шила одежду и обувь, занималась производством кошмы и выделкой овчины, изготовляла кожаную посуду и др. Одновременно на нее ложилось и воспитание детей. Женщина всегда находилась в подчиненном положении как в семье, так и в обществе. Она никогда не занимала административных постов и отстранялась от участия в общественных делах. Ее повседневные тяжелые обязанности отнимали у нее все время и способствовали ее культурной отсталости. Интересы девушки также ограничивались рамками семьи. Брачный возраст для невесты и жениха был 16—17 лет.

Заключению браков сопутствовал ряд обрядов и обычаев. Существенную роль в решении вопросов о браке играл лама, который определял соотношения года рождения жениха к году рождения невесты, исходя из двенадцатилетнего животного цикла. Так, например, мужчина, родившийся в год тигра, мог жениться на женщине, родившейся в год зайца. Обратное соотношение не допускалось, так как считалось, что в этом случае мужчина не сможет быть главой в семье. Лама также определял счастливый день и час бракосочетания и совершал обряд венчания.

Родители жениха и невесты перед началом свадьбы договаривались о сумме выкупа (калыма) за невесту и размере приданого, приносимого невестой. Кроме калыма, отец жениха давал молодой паре юрту, а отец невесты — веревки для скрепления юрты и все внутреннее убранство. Калым имел важное юридическое значение; дети, родившиеся в браке без уплаты калыма, считались незаконными, принадлежащими только матери. Здесь мы имеем отголосок ранних первобытно-общинных отношений, периода перехода от материнского рода к отцовскому, когда у материнского рода выкупалась не только женщина, но и ее потомство.

При переезде невесты в дом жениха, как правило, инсценировалось похищение невесты.

Свадебный поезд встречали родственники жениха. Невеста стоводилась в особую юрту, где с соблюдением специального обряда ей делали женскую прическу и надевали женскую одежду, затем ее вели в юрту родителей жениха, где она

совершала обряд поклонения семейному очагу (огню) и родителям жениха; лишь после этого ее считали членом семьи мужа. Следуя традициям, она не могла называть по имени свекра и старших родных мужа, она не должна была сидеть, если свекор и старшие мужа стояли. Из юрты свекра она выходила, пятась к двери, обратив лицо к сидящим в юрте. В присутствии родных мужа она могла находиться лишь с покрытой головой и в полном женском наряде. Она не могла спать в одной юрте с ними. Таким образом, на женщину налагался целый ряд обязательств по отношению к семье мужа и его родственникам.

В монгольской семье признавалось главным образом родство по мужской линии. Среди родственников по материнской линии большим уважением пользовался брат матери, который имел некоторые права и обязанности по отношению к племянникам — детям сестры. Это проявление авункулата является пережитком первобытнообщинных отношений. К таким пережиткам следует отнести и некоторые монгольские термины родства, которые отражают существование у монголов древней классификационной системы родства. Каждый из этих терминов относится к строго определенной категории родственников. Так, у всех монгольских племен различают старших (*ах*) и младших (*дуу*), различают родню по мужской линии, вернее, родню по отцу (*авкга*) и родню по матери (*нагац*). Отец называется *эцэг* и *ав*. Термином «авкга» называются как брат отца или дядя по отцу (*авкга ах*), так и сестра или тетка по отцу (*авкга эгч*) и бабка по отцу (*авкга эх*). Родство по матери обозначается термином *нагац*. Дед по матери будет *нагац ах*, тетка по матери — *нагац эгч*, бабушка по матери — *нагац эх*, дед по матери — *нагац ав*.

Невестка не могла называть по имени старших родных мужа — отца, его дядей, старших братьев — они для нее *хадам*, а она для них *бэр* («невестка», «сноха», «чужеродка»).

В период после образования МНР положение женщин изменилось: она получила равные права с мужчиной и вышла на широкий путь активного участия в хозяйственной, политической и общественной жизни страны. Старые традиции, как калым и др., полностью изжиты. Регистрация браков ведется государственными организациями.

РЕЛИГИЯ

Государственной религией феодальной Монголии был ламаизм. С буддизмом были знакомы еще кидани, попытка ввести его как государственную религию монголов была сделана в XIII в. при Хубилае, но лишь с конца XVI в. ламаизм желтошапочного толка получил распространение в Монголии.

Пышный культ, усвоение популярных в народе шаманских и дошаманских обрядов, божественное освящение власти правителей способствовали росту популярности этой религии и среди феодальной аристократии и в народных массах.

В 1586 г. тумэтский правитель Абатай-хан построил первый в Монголии монастырь Эрдэни-цзу, а в 1640 г. Монголия приобрела себе духовного владыку в лице ургинского Чжебцум-дамба-хутухты. Первым хутухтой под именем Ундур-гэгэна был провозглашен сын одного из крупных светских феодалов Тушету-хана. Он был объявлен хубилганом (перерожденцем) индийского монаха — проповедника буддизма в Тибете Даранаты.

Культе хубилганов — «живых богов» — был очень популярен в монгольском ламаизме. Каждый монастырь старался обзавестись своим хубилганом, так как это содействовало не только славе, но и увеличению доходов монастыря, поскольку «живым богам» верующие приносили осо-

бенно обильные дары и подношения. До революции их насчитывалось в Монголии около 100.

Громадное развитие получил институт ламства. Исходя из положения о «добром наставнике» — ламе, руководителе мирян на «пути спасения», ламаизм довел численность лам до абсурда. Треть мужского населения превращалась в монахов, выключаясь из сферы общественного производства. Большая часть их жила при монастырях, но около 30% оставались жить в семье. Феодалные отношения господствовали и в среде духовенства. Высшее ламство, окончившее философские, астрологические, медицинские факультеты при буддийских монастырях Тибета и Монголии и державшее в своих руках основные доходы монастырей, эксплуатировало низшее ламство (гадателей, заклинателей, чудотворцев, знахарей, иконописцев и др.), удовлетворявших повседневные нужды населения. Верховное ламство и монастыри владели большим количеством земель и шабипаров (закрепощенных за монастырями ара-тов), которые подносились им в дар маньчжурскими императорами и светскими князьями.

Революция подорвала экономическую и идеологическую базу ламаизма. А проведенные народно-революционным правительством в 20—30-е годы мероприятия (отделение церкви от государства, отмена института хубилганства, раскрепощение шабипаров, конфискация имущества наиболее крупных духовных феодалов) и, наконец, ликвидация в 1938 г. контрреволюционного заговора ламства окончательно свели на нет роль последнего в экономике страны и дискредитировали его в глазах народа. Начался массовый уход ламства из монастырей. К настоящему времени в Монголии сохранился лишь один действующий монастырь — Гандан-текчилинг, но пережитки ламаизма продолжают бытовать. Это связано с тем, что ламаистская практика впитала в себя все те шаманские и дошаманские культы, идеи, представления, обычаи, поверья, которые складывались в народе на протяжении веков и в которых религиозные воззрения переплелись с хозяйственными навыками. В сохранившихся до сих пор праздниках и обрядах ламаизма можно проследить эти напластования.

ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ

К числу распространенных до революции народно-религиозных празднеств принадлежали день Майдари и Цам, приходившиеся всегда на летние месяцы. Моления совершались не одновременно по всей стране, а для каждого монастыря были установлены свои постоянные даты.

Майдари — это буддийский мессия, который должен был якобы явиться для спасения человечества. В честь него устраивалось ежегодно религиозное торжество, во время которого изображение Майдари в сопровождении лам и верующих на особой колеснице обвозилось вокруг монастыря. После религиозной части начиналось народное празднество *надан* (буквально «игры», «развлечения»), где существенным моментом всегда являлись состязания в борьбе, стрельбе из лука и скачки на лошадях.

В празднике Цам основную часть составляли пляски — мистерии маскированных лам.

К числу добуддийских религиозных праздников относился праздник, связанный с почитанием *обо*.⁹

До последнего времени на многочисленных перевалах, холмах и вершинах гор МНР можно встретить *обо*, на которые ранее каждый проходящий или проезжаю-

⁹ Обо — каменная насыпь на вершине горы или сопки, являющаяся местом поклонения духам. В старое время *обо* часто сооружалось на вершинах родовых гор.

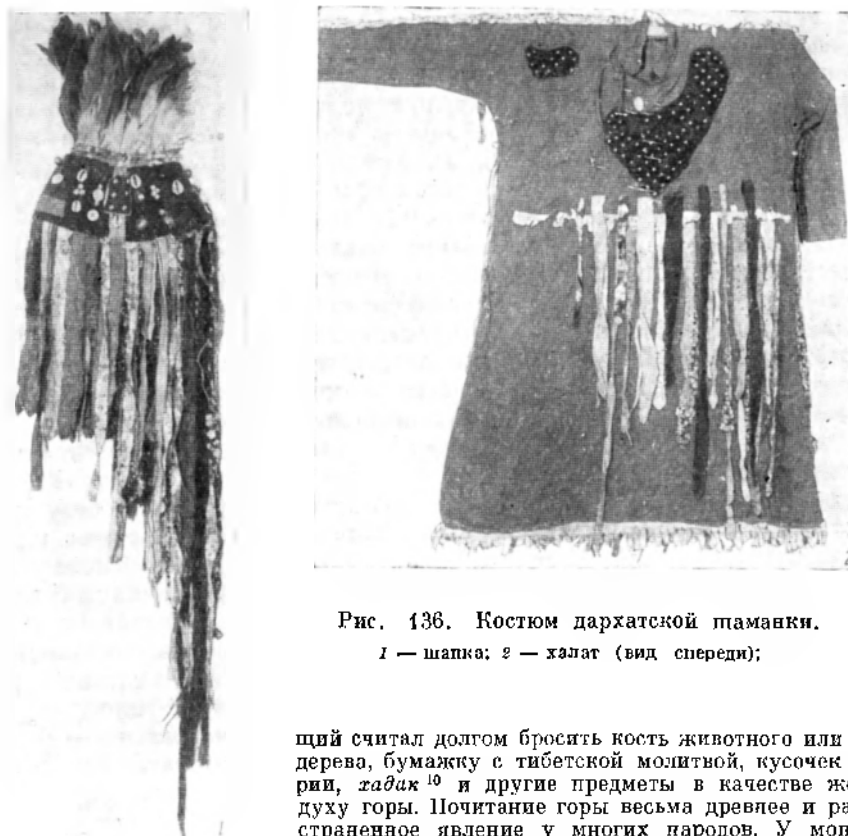

Рис. 136. Костюм дархатской памавки.

1 — шапка; 2 — халат (вид спереди);

щий считал долгом бросить кость животного или ветвь дерева, бумажку с тибетской молитвой, кусочек материи, *хадак*¹⁰ и другие предметы в качестве жертвы духу горы. Почитание горы весьма древнее и распространенное явление у многих народов. У монголов поклонение священным горам было известно с давних времен. Достаточно указать, что, например, в «Сокровенном сказании» неоднократно упоминается священ-

ная гора Бурхан-Халдун. По преданиям, возле нее кочевали предки Чингисхана и сам Чингисхан был спасен на этой горе от врагов.

Не случайно, что еще в 1924 г. почти все хошуны Монгольской Народной Республики были переименованы по названиям наиболее почитаемых гор в каждом хошуне. По представлению монголов, на священных горах обитали «добрые» и «злые» духи гор, т. е. посылающие счастье или несчастье. Зловредных духов гор старались умиротворить молебствиями и жертвоприношениями. Если это не помогало, то прибегали к перемене названия горы; поэтому в Монголии очень мало гор, сохранивших свои старинные названия.

С принятием буддизма поклонение горам вошло в состав буддийского культа. Каждый год у обо ламы совершали богослужение; перед обо ставились чаши с молоком, мясом, молочной архи. По окончании молебствия у подножия горы начинался надан. Здесь в присутствии разноцветной, нарядно одетой толпы начинались различные состязания — борьба, стрельба из лука (*сур харваах*), скачки на лошадях. После революции, сохраняя характер спортивных состязаний, надан получил новое содержание. Он стал подлинно народно-революционным праздником, приуроченным в Улан-Баторе к 11 июля — годовщине вступления Монгольской народно-революционной армии в столицу МНР Улан-Батор и образования народного правительства. Послереволлюционный надан получил название *улсын аратын цэргийн надан* — «государственные народно-военные игры». Кроме Улан-Батора, наданы проводятся в аймач-

¹⁰ Хадак — дарственный узкий платок из тончайшего шелка, голубого, белого или желтоватого цвета, подпосымый почетным лицам в знак уважения; хадаками также украшают изображения будды, их развешивают в местах поклонения духам.

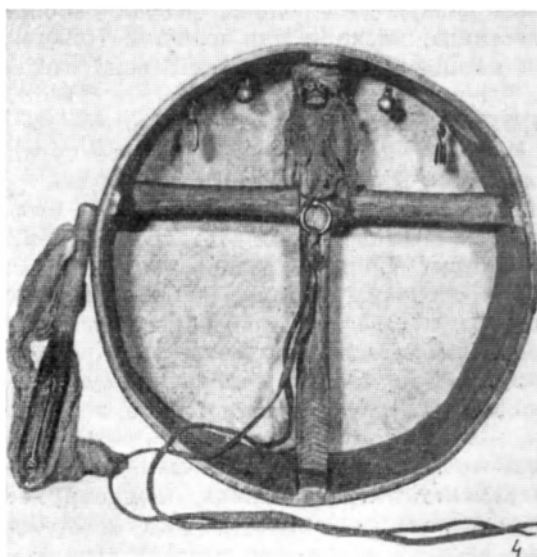

Рис. 136 (продолжение)
3 — халат (вид сзади); 4 — бубен и колотушка.

ных и сомонных центрах, где они устраиваются в другие числа, чем центральный. Не каждый год и не в каждом аймаке или сомоне бывает надан, право на проведение наdana предоставляется правительством тем аймакам и сомонам, которые являются образцовыми в выполнении государственного плана развития народного хозяйства.

Накануне наdana обычно устраивается торжественное заседание с докладом, освещающим пройденный путь и достижения республики (или данного аймака, сомона); надан открывается грандиозным митингом, за которым следует военный парад, показ спортивных достижений, здесь же проходят и традиционные состязания в борьбе, стрельбе из лука и конских бегах. Победители получают ценные подарки и почетные звания.

В Улан-Баторе надан происходит в предместье столицы, у подножия величественной горы Богдоула. На обширной площади, отведенной для наdana, высятся величественные арки, располагаются нарядные павильоны выставок, летние театры, эстрады, здания ярмарки с ларьками магазинов, столовых, ресторанов и т. д. Надаанские выставки охватывают разнообразные стороны жизни страны и имеют большое воспитательное значение для аратов-кочевников.

Корни праздника надан, уходящие в далекое прошлое монгольского народа, были тесно связаны с военно-спортивными состязаниями. В эпоху Чингисхана состязаниями в стрельбе и скачках на лошадях придавалось большое значение.

Следует, однако, отметить, что надан сохранил вместе с тем и некоторые следы тотемизма, прослеживаемые в подражании борцов отдельным животным и птицам, а также в почетных званиях, присуждаемых победителям. Так, например, борцы должны выходить на арену с поднятыми до плеч руками, помахивая ими и рассказывая туловище так, чтобы эти движения напоминали взмахи крыльев мифической птицы гаруды, а грудь и туловище были бы как тело льва (*арслана*). Самым почетным званием для победителя является *дарган абарга* («титан», дословно «удав», «змея») или чаще *абарга*. Вторым званием является арслан («лев»). Далее идут *цзак* («слон»), *начин*, или *шонгор* («сокол»), *харциг* («ястреб»), *бурээг* («орел»).

В зимнее время монголы празднуют *цаган сар*, что в дословном переводе значит «белый месяц». Празднование его приурочено к началу первого весеннего лунного месяца, который в различные годы падает на разные даты от конца января до середины февраля. Монголы считают этот месяц первым весенним месяцем или началом Нового года. Прежде со дня наступления цаган сара все население вело счет своим годам, невзирая на то, когда родился человек. Если даже ребенок рождался накануне цаган сара, то все равно считалось, что ему на другой день идет уже второй год. В 1940 г. постановлением Малого хурала МНР праздник цаган сара переименован в «день знатного скотовода».

Ранее празднование его длилось около месяца и было связано с большими расходами, в настоящее время этот срок сокращен до двух дней.

В старое время цикл обрядов празднования цаган сара, помимо моления в монастырях, включал гадания, моления перед обо, изготовление фигурок животных и пр. Во время праздника было принято поздравлять друг друга, говорить благопожелания, делать подарки, обмениваться обильными угощениями, так как, по поверьям монголов, хорошая встреча этого месяца «способствовала» изобилию пищи и приплода скота в наступающем году.

Объяснение самого названия «цаган сар» — «белый месяц» — неясно, однако, судя по характеру празднования, можно думать, что это один из древнейших праздников, связанный с культом плодородия у скотоводческих народов.

КАЛЕНДАРЬ

В основу древнего летосчисления монголов, называемого в настоящее время «бытовым календарем», был положен лунный календарь. В нем год делился на 4 сезона (весна, лето, осень, зима). В каждом сезоне — 3 месяца, всего 12 месяцев. Особых названий для месяцев нет,

они обозначались либо положением в сезоне (первый, средний, последний), либо просто порядковым номером (первый, второй и т. д.). Каждый месяц делился на 3 декады в соответствии с фазами луны: 1-я — *шинэ сар* (новый месяц, новолуние), 2-я — *дэльгэр сар* (полнолуние), 3-я — *сарын зууч* (последняя треть месяца). Дни в декаде не имели специальных названий. Они обозначались порядковым номером.

Годы объединялись в циклы. Малый цикл состоял из 12 лет; каждый год носил название определенного животного, эти названия следовали строго по порядку: 1-й — *хулгана* (мышь); 2-й — *ухэр* (корова); 3-й — *бар* (тигр); 4-й — *туулай* (заяц); 5-й — *луу* (дракон); 6-й — *могой* (змея); 7-й — *морь* (конь); 8-й — *жонь* (овца); 9-й — *бичин* (обезьяна); 10-й — *тахиа* (курица); 11-й — *нохой* (собака); 12-й — *гахай* (свинья). Каждый нечетный год считался *эрэ* — «мужским», «твердым», а четный — *эмэ* — «женским», «мягким».

Пять 12-летних циклов объединялись в один 60-летний цикл. Каждый 12-летний цикл для определения его места в 60-летнем цикле имел обозначение — одну из пяти стихий; каждая из стихий имела свойственный только ей цвет.

Порядок стихий был таков: 1-я — *модон* (дерево), цвет синий; 2-я — *гал* (огонь), цвет красный; 3-я — *шороо* (земля), цвет желтый; 4-я — *төмөр* (железо), цвет белый; 5-я — *усан* (вода), цвет черный. Через 60 лет весь цикл повторялся снова. Следует отметить, что при пересчете на европейское летосчисление нечетные годы монгольского будут падать на четные европейского. Например: *улаан гал ногой жил* — «год красного огня — собаки» в XIX в. падал на 1826 и 1886 гг., а в XX — на 1946 г. Часто обозначения годов в старинных документах давались без указания стихий.

Слово «год» обозначается двумя терминами — *он* и *жил*. Термин «он» употребляется для обозначения годов эры, например годы правления императора, годы монгольского или китайского времяисчисления. Словом «жил» обозначается астрономический год. Новый год начинался не с 1 января, а с середины февраля. 1-й день нового года не был постоянным, колебания были в пределах двух недель (с конца января до середины февраля).

В настоящее время вместо счета на декады пользуются обозначениями дней недели, например: *даваа гараг* — понедельник, *мягмар* — вторник, *лгагва* — среда, *пүрэв* — четверг, *баасан* — пятница, *бямба* — суббота, *ням* — воскресенье. Кроме названий, за днями недели сохраняется часто и порядковый номер дня (первый, второй и т. д.). Месяцы в году сохраняют только порядковые номера (с 1-го по 12-й). Первым месяцем считается январь. Годы обозначаются обычно европейскими датами (в изданиях книг, газет, журналов). Но вообще летосчисление в Монгольской республике в отличие от европейского ведется с 1911 г. — года объявления автономии Монголии.

НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Письменность и язык Начало монгольской письменности на уйгурской графической основе обычно относят к концу XII — началу XIII в. Однако в настоящее время есть данные, что уже в X в. кидане пользовались так называемой «малой» письменностью, в которой предполагают уйгурский шрифт, приспособленный к нуждам древнемонгольского языка (Л. Лигети). Кроме того, у них была «большая» письменность, созданная по образцу китайского иероглифического письма. Сохранившиеся памятники ее пока не дешифрованы. Первым из найденных памятников монгольского языка на уйгурской графической базе является так называемый Чингисов камень, найденный свыше 100 лет назад в Забайкалье и до сих пор точно не прочитанный и не переведенный из-за плохой сохранности. Он хранится в Государственном Эрмитаже. Из прочитанных достоверно знаков можно заключить, что надпись относится к эпохе Чингисхана (около 1220 г.). Из хорошо датированных памятников этой же письменности можно назвать

два письма монгольских правителей Ирана (Иль-ханов) Аргуна и Ульц-зейту к государям Западной Европы. Эти письма написаны в конце XIII—начале XIV в. Они хорошо читаются, и на них отчетливо видны особенности письменности того времени (в слове *тэнгри* — «небо» отсутствует, как и в уйгурских документах, буква, передающая звук *э*, сохраняется общее округлое начертание букв, конечные *н*, *д*, *а* и другие снабжены длинными «хвостами» и т. п.). Эти же особенности характерны и для других письменных памятников XIII—XIV вв., оставшихся от монголов (ярлыков и пайцз). Хорошо известно, таким образом, что монголы XIII в. пользовались уйгурской письменностью, но до сих пор существует несколько мнений о том, каким путем эта письменность проникла к монголам, кем и когда была приспособлена для монгольского языка.

Б. Я. Владимирцов считает, что монголы заимствовали письменность (а вместе с ней и сложившийся литературный язык) от соседних племен — найманов или керейтов. Эта точка зрения не подтвердилась, так как устанавливается, что найманы были тюркоязычны (А. Бобровников, Л. Лигети, С. Мураяма). Венгерский академик Л. Лигети высказал предварительное мнение, что впервые приспособили уйгурский шрифт к монгольскому литературному языку наиболее культурное из древнемонгольских племен — кидане. Существует также мнение о возможной роли кара-китаев в передаче уйгурского шрифта монголам.

В письме строки текста идут вертикально, слева направо, слова пишутся сверху вниз. Для письма употребляют тушь и кисть. Каждая буква имеет три формы (в начале, в середине и в конце слова). Некоторые буквы имеют одинаковое начертание для передачи разных звуков: *а* и *э* в середине слова, *о* и *у*, *ч* и *ц* во всех позициях и др. Произношение их зависит от диалекта. Поэтому письменность монголов на уйгурской основе называется полифонной. В 1307 г. монгольский ученый лингвист Чойджи-Одзер (Чойджосор) усовершенствовал эту письменность, которая с течением времени приобрела вид известной «старомонгольской» письменности. Она закрепила сложившийся в средние века так называемый старописьменный язык, употреблявшийся в документах и литературе, но совершенно не соответствовавший нормам живого разговорного языка.

Старомонгольский алфавит употреблялся всеми монгольскими народами. В XVII в., в связи с политическими событиями в Монголии, ойратский ученый лама (монах) Зая-Пандита приспособил эту письменность к ойратским диалектам. Его письменность закрепляла фонетические особенности языка ойратов и не допускала разночтений. Поэтому письменность Зая-Пандиты получила название *тодо-бичиг* («ясное письмо»). «Ясным письмом» пользовались только ойраты и до реформы письменности в XX в. — калмыки.

Несколько отличается почерк старомонгольской письменности у южных групп монголов. На этой графике пишут до сих пор и печатают книги и газеты монголы автономного района Внутренняя Монголия в КНР. Их письменность сохранила более архаичные начертания букв.

Кроме уйгурской, в средние века у монголов существовали и другие виды письменности.

В первые десятилетия существования империи монголы применяли и китайскую письменность. Так, первая историческая хроника монголов, известная в русской научной литературе под названием «Сокровенное сказание» (или «Юань чао би ши»), дошла до нас в китайской транскрипции монгольского текста. Для транскрипции было использовано около 400 китайских иероглифов, приспособленных к фонетическим особенностям монгольского языка с характерным «южным» обликом (С. А. Козин). Эти особенности аналогичны языку памятников квадратной письменности, к которой мы и переходим.

В 1269 г. император Хубилай, внук Чингиса, основатель династии Юань, опубликовал указ, в котором говорилось: «Мы полагаем, что письменными знаками записывается речь, а речью отмечаются события. То общее правило древнего и настоящего времени.

«Наше государство было основано в северных странах, когда нравы были просты, и потому не успело создать своей письменности.

«Как только потребовалась письменность, стали пользоваться китайскими письменами и уйгурскими знаками для передачи речи нашей династии... С настоящего момента во всех императорских эдиктах следует параллельно писать новыми монгольскими знаками, и по обычаю каждый прибавляет к нему письмо своего государства».¹¹

Так, в 1269 г. была введена в империи письменность, условно называемая по начертаниям букв квадратной. Создателем этой письменности был тибетский ученый Пакба-лама (Лодой Джалпан), приближенный Хубилая. В основу этой, слоговой, письменности был положен тибетский алфавит, несколько приспособленный к монгольской фонетике, были введены гласные *о*, *и*, которых нет в тибетском языке. Они, видимо, были заимствованы из письма брахми (П. Пелльо). Направление письма было вертикальным, строки писались слева направо.

Создание квадратного письма было попыткой создать алфавит для всего многоплеменного состава Юаньской империи (Б. Я. Владимирцов, С. А. Козин). Известны памятники этого письма не только на монгольском, но и на других языках (тибетском, китайском, тюркском), относящиеся к тому периоду. Но несмотря на широкую пропаганду новой письменности, она у монголов не прижилась, так как закрепляла один из южных диалектов с характерными особенностями (так называемый инициальный *h*: *harban* вместо *arban* — «десять», для дифтонгов и т. п.), мало распространенными в других частях империи. Квадратная письменность была официальным письмом юаньской династии: на ней печатались ассигнации, вырезались на каменных стелах императорские указы и т. п.

Несмотря на введение квадратной письменности, разноплеменное население Монгольской империи продолжало пользоваться уйгурским письмом; оно существовало наравне с квадратным. Об этом свидетельствует находка в 1930 г. в Нижнем Поволжье рукописи на бересте, относящейся к золотоордынскому времени. Ее фрагменты написаны на уйгурском языке и на монгольском (уйгурскими буквами и квадратным письмом).

После падения династии Юань сфера применения квадратной письменности сильно сократилась. Ею пользовались долго еще как знаками на печатях (до недавнего времени квадратным письмом вырезали знаки даже на печати далай-ламы). Такие печати употреблялись в особо торжественных случаях. Еще в начале XX в. на этой письменности выпускали ксилографическим способом буквари в монастырях Амдо и Тибета. В качестве орнамента эта письменность иногда встречается на обложках научных изданий в МНР.

В МНР дважды производилась реформа письменности: в 30-х годах была попытка перевести письменность на латинский алфавит, но она оказалась неудачной, и поэтому в 1941 г. монгольская письменность была переведена на новый алфавит, в основу которого был положен кириллический шрифт. При переводе на новую графическую базу были учтены фонетические особенности современного монгольского языка и письменность приближена к живой речи.

Первый из известных науке крупных памятников монгольского языка был написан в 1240 г. Это уже упоминавшаяся монгольская хроника «Юань чао би ши». Она написана на сложившемся уже в то время литературном языке. По ряду стилистических особенностей она напоминает византийские «вульгарные хроники» средневековья (С. А. Козин). В хронике включен ряд стихотворных вставок различных жанров монгольской поэзии, что позволяет говорить о том, что к XIII в. у монгольского населения центральноазиатских степей существовал уже вполне сформировавшийся литературный язык, уже в то время значительно отличавшийся от разговорной речи. Когда, на какой основе, у каких племен сформировался литературный монгольский язык, известный по памятникам письменности, до сих пор еще окончательно не выяснено. Полагают, что первоначально монголы XIII в. заимствовали уже готовый язык вместе с письменностью от найманов или керитов (Б. Я. Владимирцов). На основе этого языка в XIV—XVI вв. развивался старописьменный язык среднего периода. С XVII в. начинается новый этап в развитии этого

¹¹ История письменности, т. 1. М.—Л., 1941, стр. 13 (перевод Б. И. Панкратова).

языка, на котором написаны все исторические сочинения и художественные произведения XVII—первой половины XX в. (до реформы 1946 г. в МНР).

Существует и другая точка зрения, согласно которой монгольские племена XIII в., говорившие на различных (так называемых чакающих и цакающих) диалектах, к этому времени выработали своеобразный общий, сверхдиалектный устный литературный язык — *хойно*, который и получил оформление в полифонной уйгурской письменности. Полифонный характер письменности способствовал тому, что один и тот же знак мог легко читаться по-разному представителями различных диалектов и быть поэтому равно близким и понятным каждому. Нарочитая неопределенность алфавита содействовала взаимопониманию между представителями разных племен и диалектов, т. е. политическим задачам объединения империи (С. А. Козин). Далее, полагают также, что в XIII в. население современной МНР и прилегающих к ней районов Центральной Азии имело единый язык, состоящий из ряда диалектов, на которых говорили различные монгольские племена. Впоследствии из-за конкретных исторических причин этот единый язык распался и на базе его диалектов в XIV—XVII вв. сформировались известные в настоящее время монгольские языки: халха-монгольский, бурятский, ойратский, язык афганских моголов и др. (Г. Д. Санжеев). Все изложенные гипотезы невозможно согласовать с накопившимися за последние 10—20 лет фактами. Следует сказать, что и ход исторического развития монгольских племен до XIII в. не был еще изучен и не мог быть поэтому учтен при их создании. Поэтому наиболее убедительным представляется выдвинутое несколько лет тому назад предположение, согласно которому в основу монгольского литературного языка лег язык киданей (Л. Лигети). Хотя памятники письменности киданей еще не дешифрованы полностью, кое-что о языке их известно. Известно также, что киданя владели территорией Центральной Азии на запад до Алтая, строили на ней города, имели оживленные торговые и политические отношения с предками монголов, которые были их данниками. У киданей была литература разнообразных жанров, включавшая и поэзию, и прозу. Поэтому предположение о киданьском происхождении литературного языка, выдвинутое Л. Лигети, имеет наиболее веские основания, так как в нем без натяжек увязываются и исторические, и лингвистические факты.

Не вызывает споров положение, что старописьменный монгольский язык окончательно оформился к XVII в. На нем написано много исторических и литературных произведений в XVII—начале XX в. В этом виде он сохранился до реформы 1946 г. В связи с тем, что старописьменный язык с самого начала был отличен от живой речи, и в XX в. эти отличия усилились.

Реформа письменности, проведенная в 1946 г., диктовалась потребностями самой жизни. Она закрепила как литературный наиболее распространенный живой язык, на котором говорят халха-монголы — основное население МНР. Старописьменный язык как литературный продолжает сохраняться у монголоязычного населения автономного района Внутренняя Монголия. На нем выходят книги, газеты и журналы.

В словарном запасе монгольского языка находит любопытное отражение кочевой скотоводческий быт. Так, например, привлекает внимание большое количество возрастных обозначений домашних животных, обозначений масти и др. Из особенностей словаря также следует отметить отсутствие слов с общим значением, роль их выполняют комбинации слов с частным значением, например: *эмээл хазаар* — упряжь, дословно «седло-узда»; *хонь-ямаа* — мелкий скот, дословно «овца-коза». При составлении современной терминологии эта особенность языка широко используется, например: *бугд найрамдах* — республика, дословно «всеобщее согласие»; *эв хамт* — коммунизм, дословно «согласие», «дружба», «совместность». С момента революции монгольский язык значительно обогатился международными научными, политическими и экономическими терминами.

Культурно-политический уровень трудящегося населения Монголии до революции был чрезвычайно низок. Грамотность была монополией лам, феодалов и чиновников. Основная масса населения была неграмотной. Среди чиновников было распространено знание маньчжурского языка, на котором велось делопроизводство в северных областях Китайской империи периода

Грамотность
и печать

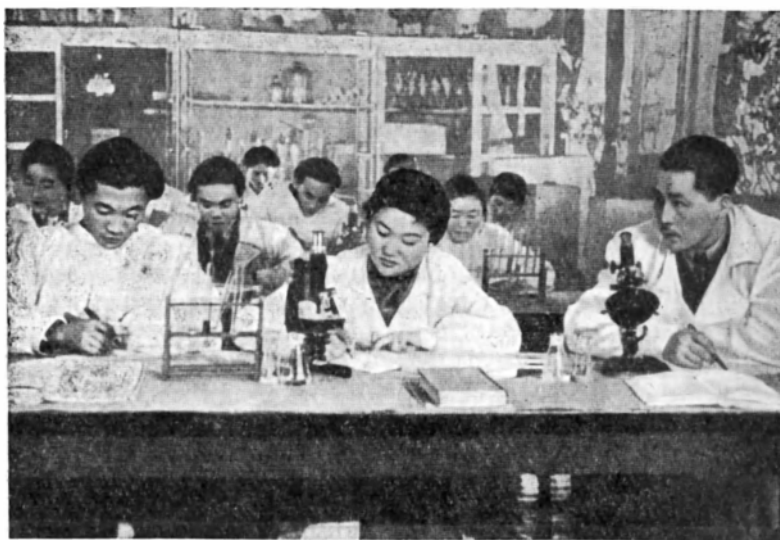

Рис. 137. Студенты Медицинского факультета Государственного университета (г. Улан-Батор).

маньчжурского господства. Внутри хошунов переписка шла на монгольском языке. Ламство усваивало тибетскую письменность и язык, так как все богослужение совершалось на тибетском языке.

После революции 1921 г. монгольское правительство стало неустанно заботиться о просвещении народных масс. Борьба за ликвидацию неграмотности трудящихся, за развитие монгольской науки, литературы и искусства дала блестящие результаты. Теперь в стране ликвидирована неграмотность населения. К 1960 г. в республике имелось четыре высших учебных заведения, 16 техникумов и 424 общеобразовательные школы. Обучение в школах бесплатное. За последние годы осуществлено всеобщее обязательное начальное обучение детей в сельских местностях и всеобщее семилетнее — в городах. При сельских школах имеются интернаты, где учащиеся пользуются бесплатным питанием, обмундированием, учебными пособиями и др.

Одним из главных достижений монгольского народа является организация высшего образования. В Улан-Баторе имеются Государственный университет, открытый в 1942 г., который уже к 1955 г. включал четыре факультета (медицинский, ветеринарно-зоологический, педагогический и общественных наук), 8 кафедр, специальные кабинеты и лаборатории. Учащихся в университете насчитывается свыше 1500 человек.

В 1958 г. при Министерстве сельского хозяйства МНР создан Сельскохозяйственный институт. Важным вузом является и Педагогический институт, занимающийся подготовкой национальных кадров преподавателей средней школы. В городе функционируют также Высшая партийная школа им. Сухэ-Батора и Вечерний университет марксизма-ленинизма. Большое количество монгольской молодежи учится в различных учебных заведениях СССР и других социалистических стран.

В подготовке высококвалифицированных кадров большую помощь оказывает Советский Союз, посылая в МНР опытных профессоров и преподавателей.

Государство ассигнует большие суммы на дело народного образования. Если в 1926 г. было израсходовано на народное образование 423 тыс.

тугриков, то в 1956 г. бюджетные ассигнования на эти цели достигали 96 млн тугриков.

Наряду с обучением грамоте развернута работа по повышению квалификации и общеобразовательного уровня работников многих предприятий и учреждений. На различных курсах или в группах рабочие изучают оборудование своих предприятий, правила эксплуатации машин и механизмов, методы борьбы за повышение качества и увеличение продукции, проходят ряд специальных предметов (физику, химию, экономику производства и др.).

До революции в Монголии не было своих газет и журналов. В настоящее время в МНР издается 8 центральных, 19 местных газет и 16 журналов. Газета «Унэн» («Правда») — орган ЦК Монгольской народно-революционной партии и правительства, первый номер ее вышел 23 апреля 1925 г. За все время своего выпуска газета играла и играет огромную роль в переустройстве народного хозяйства республики и укреплении народно-демократического строя. Кроме «Унэн», издаются «Улан одо» («Красная звезда») — армейская газета, «Залуучудын унэн» («Молодежная правда») — орган Ревсомола, «Пианерын унэн» («Пионерская правда»), литературно-художественный журнал «Цог» («Огонек»), научно-популярный журнал «Шинжелэх ухаан» («Наука») и др. На русском языке выходят журнал «Современная Монголия» и «Новости Монголии» — издание Монгольского телеграфного агентства (Монцма). Большинство аймаков имеет свои типографии и издает свои собственные газеты.

Кроме газет и журналов, в Улан-Баторе издается оригинальная и переводная научно-популярная и художественная литература.

Огромное значение придается в МНР выпуску произведений классиков марксизма-ленинизма на монгольском языке; при ЦК Монгольской народно-революционной партии организована специальная редакция по переводу этих произведений.

Широкое развитие получила в МНР культурно-просветительная работа среди взрослого населения. С первых же лет революции в стране стали возникать клубы, красные уголки, красные юрты, библиотеки и т. д. Партийно-ревсомольским активом проводились и проводятся лекции, доклады, организуется художественная самодеятельность. Хороших результатов достигают молодежные бригады, выезжающие в сельские организации, госхозы, аратские хозяйства. Члены бригад ведут широкую культурно-массовую работу и помогают местным агитколлективам в политической работе.

Большую роль в культурно-массовой работе играют местные музеи. В Улан-Баторе имеются Государственный центральный музей, экспонирующий в большом количестве естественноисторические и археологические памятники своей страны, Музей Сухэ-Батора и Чойбалсана, Музей истории города Урги — Улан-Батора, Историко-религиозный музей. В музей превращен также монастырь в Эрдэни-Цзу, являющийся самым старейшим ламаистским монастырем Монголии.

Научная работа Научным центром республики до 1961 г. являлся Комитет наук и высшего образования, начавший свою деятельность в 1921 г. под названием Ученого комитета. 13 мая 1961 г. создана Академия наук. В деле организации научной работы и изучения республики неоценимую помощь оказывает Советский Союз. Изучение Монголии русскими учеными началось еще во второй половине XIX в. Имена Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, М. В. Певцова, П. К. Козлова, В. А. Обручева и других получили широкую известность.

Их исследования не утратили своей ценности и в наши дни. За годы существования МНР ее посетило большое количество советских ученых, исследовавших природные ресурсы страны, геологию, археологию, этнографию и другие области. Свыше 90 научных экспедиций было проведено в МНР с момента ее образования. Комитетом наук совместно с Академией наук СССР в первую очередь разрабатывались вопросы, связанные с развитием народного хозяйства республики.

Существенную помощь в научно-исследовательской работе оказывает Государственная публичная библиотека МНР, насчитывающая свыше 200 тыс. книг и рукописей.

С каждым годом растут научные связи монгольских ученых с научными учреждениями других стран. За последние годы ученые многих стран (Венгрии, Германской Демократической Республики, Индии, Чехословакии и др.) посетили МНР и установили тесный контакт с монгольскими учеными.

В 1956 г. монгольские ученые создали свою организацию и вступили во Всемирную федерацию научных работников.

До революции здравоохранения и построенной на научной основе медицины в Монголии не было. Больных «лечили» ламы (*эмчи*), сопровождавшие свое «лечение» заговорами и заклинаниями. В стране часто свирепствовали эпидемии, массовые инфекционные заболевания и различные социальные болезни, все это вызывало высокую смертность населения, особенно в детском возрасте.

Основу современной медицины заложили советские врачи, которые после 1924 г. в течение долгих лет по приглашению правительства МНР работали в республике. С этого же времени и национальные кадры высококвалифицированных врачей стали готовиться в медицинских вузах СССР.

Первые больницы и поликлиники были открыты в 1925 г. Сначала число их было крайне ограничено. Теперь каждый аймачный центр, а также и крупные сомоны имеют свои больницы. В 1960 г. в республике насчитывалось около 60 объединенных и специализированных больниц и примерно 550 врачебных и фельдшерских пунктов.

В стране ширится сеть женских и детских консультаций и диспансеров, оказывающих населению бесплатную помощь, в оседлых центрах создаются ясли и детсады, в разных районах организуются дома отдыха, санатории и лечение на минеральных источниках (*аршанах*). Матери, имеющие пять и более детей, получают государственное пособие.

Значительную роль в подготовке национальных медицинских кадров в настоящее время играет Кафедра медицины при Государственном университете им. Чойбалсана в Улан-Баторе. Кроме того, в городе имеются медицинские техникумы и школа сестер.

За годы революции в Улан-Баторе открыты Бактериологический институт и Санитарно-эпидемиологическая станция, создана санитарная авиация для оказания срочной медицинской помощи.

Правительством МНР принимаются все меры и ассигнуются большие средства на улучшение и развитие здравоохранения. В результате всех мероприятий снизилась заболеваемость населения и значительно увеличился естественный прирост его.

Президиумом Малого хурала МНР специальным указом установлен порядок награждения медицинского персонала орденами и медалями за заслугу лет и безупречную работу.

Физкультура и спорт

К древним национальным видам спорта относятся борьба, состязание в беге лошадей и стрельба из лука, обычно проводимые в дни празднования народной революции и других праздников.

У древних кочевников Азии, в том числе и монголов, эти состязания являлись тренировкой воинов в силе и ловкости. Умение поразить врага в конном бою или убить его без промаха стрелой на расстоянии было важным качеством древнего воина. В дальнейшем все эти виды тренировки приобрели характер чисто спортивного состязания и стали любимым народным развлечением. Характерно, что эти состязания носят название *эрийн гурван наадан*, т. е. «три мужских состязания», чем подчеркивается их древнее назначение. Спорт ранее у монголов не считался женским делом. В настоящее время монгольские женщины занимаются всеми видами спорта, получившими после революции широкое распространение в стране. Такие виды спорта, как волейбол, футбол, баскетбол, прочно вошли в новый быт монголов.

За последнее десятилетие стала успешно развиваться тяжелая и легкая атлетика, устраиваются велопробеги, получают широкое развитие и зимние виды спорта — бег на коньках, лыжный спорт, начал развиваться альпинизм.

Среди монгольского населения широко распространена игра в шахматы, с которыми монголы знакомы с давних времен. Как фигуры, так и процесс игры в собственно монгольских шахматах отличаются от международных. В фигурах отразились особенности монгольского кочевого быта. Например, королеву заменяет собака как почетное животное, охраняющее кочевое хозяйство. Вместо слона выступает верблюд, вместо ладьи — телега и т. д. За последнее время монгольские шахматисты усваивают международные приемы игры.

В 1956 г. в Улан-Баторе состоялся международный шахматный турнир, что явилось большим событием в спортивной жизни МНР.

В настоящее время в республике насчитывается 6 добровольных спортивных обществ, объединяющих около 30 тыс. человек.

Правительством Монгольской Народной Республики уделяется большое внимание развитию спортивного воспитания в стране. При Государственном педагогическом институте открыт Физкультурный факультет.

Монгольские спортсмены неоднократно выступали на всемирных фестивалях молодежи и студентов и участвовали в различных спортивных соревнованиях, проводившихся в СССР, Китайской Народной Республике, Чехословакии, Болгарии, Румынии.

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА

Устное народное творчество

Из устного творчества монголов известны былины, песни, сказки, пословицы, поговорки, благопожелания (*иерёлы*); сохранился в некоторых местах и шаманский фольклор, однако этот вид творчества мало исследован.

Наиболее изученным является монгольский героический эпос (былины) — *улигер*, или *тули*, которые лучше всего сохранились у ойратов (байтов, дэрбатов, хошут, торгутов) и в более сокращенном виде у халха-монголов.

Ойратские эпические поэмы (*тули*) исполняются под аккомпанемент музыкального инструмента *товшуур* (род балалайки) или реже *хуур* (скрипка). Они всегда поются и никогда не рассказываются, их обычно исполняют профессиональные певцы *тульчи*.

Халхаские улигеры сохранились в значительно сокращенном виде; если ойратские эпические поэмы содержат иногда до 20 тыс. стихов, то халхаские часто представляют краткую прозаическую передачу многих эпизодов, излагавшихся ранее в сотнях и тысячах стихов.

Как ойратский, так и халха-монгольский героический эпос имеет много общего, эта общность прослеживается также на героическом эпосе бурят в Бурятской АССР и монголов Внутренней Монголии. В качестве примера близких по содержанию былин можно указать ойратскую былинку «Ергиль Тюрюль», бурятскую «Хан Хашикта», халха-монгольскую «Лучший из мужей Ягандар» и чахарскую «Ареяту Номун-хан». Совпадение в структуре былин, в описании героев, в отдельных деталях, словное совпадение многих выражений — все это говорит не только о близости эпоса большой группы монголов, но и о формировании его на одной стадии, относящейся к периоду феодальных войн XIV—XVII вв. Дальнейшие периоды наложили свои напластования, отразившиеся особенно сильно на внешних сторонах, как например описания дворцов, одежды и др. Обычное содержание героических эпических поэм составляет описание борьбы героя со своими противниками. При этом герой либо хан, либо менее значительный феодал; противник тоже хан или мифическое существо «мангус»; победителем из борьбы всегда выходит герой. В былинах о мангусах сохраняются древние мифические напластования. Видную роль в былинах играет конь — верный товарищ и советник героя.

К числу распространенных ойратских былин относятся «Бум-Ердени», «Дайни-Кюрюль», «Егиль-Мерген», «Ергиль-Тюргель», «Шара-Бодон» и др.

У халха-монголов широко известны былины «Лучший из мужей» — «Эринцэн Мэргэн», «Мани Бадар дзанги нашего хошуна», «Богдо нойон Джангар-хан» и др.

Излюбленным и широко распространенным сказанием среди монгольских народов, в том числе халха и ойратов, является сказание о Гесерхане. Оно, зародившись в Тибете, распространилось среди народов Центральной Азии как книжным путем, так и устным.

Различные черты сказания о Гесере нашли отражение в эпической поэме о Джангаре, широко известной среди волжских ойратов (калмыков), и в отдельных отрывках, встречающихся в западной Монголии.

По форме ойратские былины представляют стихотворные произведения, в халха-монгольских стихи чередуются с прозой. Характерной особенностью стихов является аллитерация начальных слогов строк; смежные строки стихотворного улигера начинаются одинаковыми слогами. Аллитерирующих строк может быть две, три, четыре и более. Иногда встречаются строки, стоящие вне аллитерации. Кроме аллитерации начальных строк, встречается также аллитерация начальных слогов полустроков — внутренняя аллитерация.

Разница между стихом улигеров и песней заключается в том, что песни делятся на строфы, чаще всего состоящие из четырех строк; улигеры делений на строфы не имеют.

После революции монгольские народные певцы и сказители создают песни и сказания о вожде революции Сухэ-Баторе, о новой жизни и др.

Как уже упоминалось, одним из самых древних литературных произведений на монгольском языке из числа дошедших до нас является «Сокровенное сказание», отредактированное при Угедее на керуленском сейме в 1240 г. Оно представляет собой источник сведений о Чингисхане, основанный на ближайших к его времени устных преданиях и переполненный эпическими мотивами. «Сокровенное сказание», указывает Б. Я. Владимирцов, можно охарактере-

ризовать не как «произведение богатырского эпоса», а как историю-хронику, переданную эпическим стилем, пропитанную «ароматом степи».

Период, переживаемый монголами в XII—XIV вв., нашел свое отражение в эпической литературе, которая, однако, дошла до нас в случайных отрывках. К подобным фрагментам принадлежат, например, «Поэма о двух скакунах Чингисхана», «Поучение Чингисхана» и др. Отголоски эпической литературы находили свое отражение в дидактических произведениях и порой в Степных уложениях. В век Чингисхана у монголов появились постановления Чингисхана — «Великая яса», представлявшая собой, вероятно, кодификацию монгольского обычного права. Однако постановления эти до нас не дошли и известны лишь отрывочно по сообщениям мусульманских писателей. В этот же период были записаны изречения Чингисхана — «Билиг» (дословно «премудрость»), которые дошли до нас в отрывках разных сочинений, в том числе и монгольских.

После падения монгольской династии в Китае до XVII в., по-видимому, литературная деятельность у монголов резко затормозилась. Это был «темный» период истории монгольского народа. Феодалные войны этого периода не способствовали сохранению монгольских исторических сочинений, в которых больше всего выявляется литература старого периода.

В настоящее время известны лишь немногие летописи, составление которых приурочивается к XVII в., т. е. ко времени окончания борьбы за гегемонию между монгольскими феодалами. К ним относятся историческое сочинение ордосского князя Санан Сэцэна «Эрдэнийн Тобчи» («Драгоценное сказание»), анонимная хроника «Алтан Тобчи» («Золотое сказание», перевод Г. Гомбоева), «Шара Туджи» анонимного автора и «Алтан Тобчи» ламы Лубсан Данзана.

Несмотря на то что эти летописи отделены от «Сокровенного сказания» более чем тремя столетиями, в них можно найти черты преемственности, выражающиеся в пересказе отдельных эпизодов из «Сокровенного сказания» или отдельных выдержек из него.

Б. Я. Владимирцов указывает, что монголы за «темный» период их истории сумели сохранить многое из своего культурного достояния; литература и письменность у них не прерывались, как не прерывалась и литературная традиция эпохи юаньской династии.

Во второй половине XVII в. у большинства монгольских народов уже распространился буддизм, с которым пришла новая культовая литература.

Западные монголы-ойраты в середине XVII в. изобрели свою письменность и установили литературный язык, на который были переведены многочисленные буддийские сочинения. Изобретателем этого алфавита в 1648 г. был Зая-Пандита — представитель племени хошутов.

В ойратской литературе известны также записи поэм и сказаний, однако они не получили большого распространения.

В конце XIX и начале XX в. в Монголии был известен ряд авторов, снискавших себе популярность социальной сатирой и остроумными иеремиями (благопожеланиями и восхвалениями), без которых, как правило, не обходится у монголов ни одно празднество, ни один обряд. Среди них следует отметить Лубсан-хурчи — певца и сказителя, клеймившего своими песнями действия феодалов, и Балан-Сэнгэ — автора знаменитых «Семидесяти небылиц» — коротких рассказов, которые являлись острой сатирой, направленной против иностранных и местных угнетателей.

После революции монгольская литература стала успешно развиваться, становясь все более доступной широким массам населения. На первых

этапах революции большое место в литературе занимали песни о борьбе против китайских милитаристов и японских империалистов, о победе монгольского народа, о Сухэ-Баторе, о войнах народной армии. Писатели, народные певцы и музыканты, отходя от традиции передачи сказаний древности, творили новые песни одновременно со строительством новой жизни. Вышеупомнутый Лубсан-хурчи со всей страстностью исполнял, аккомпанируя себе на хуре, свои стихи и песни. С первых же дней революции он стал ее глашатаем, активным творцом новой монгольской литературы. В дальнейшем главное место в новой монгольской литературе заняли вопросы общественной жизни, темы труда, герои отчизны. Большое количество литературных произведений, особенно стихов, посвящено Ленину и вождю монгольской революции Сухэ-Батору. Боевая дружба советских и монгольских воинов послужила основой таких произведений, как повесть Д. Сэнгэ «Аюши», пьеса Э. Оюн «Братья» и др. Дружба с советским народом является одной из ведущих тем в монгольской литературе.

Среди монгольских писателей заслуженной славой пользуется Дашдоржийн Нацокдоржи (1906—1937 гг.). Он явился основоположником монгольской национальной литературы. Несмотря на короткую творческую жизнь, его талант проявился в разных жанрах. В своих произведениях он отразил тяжелую жизнь трудящихся аратов в феодальной Монголии, воспел победы народной революции и борьбу монгольского народа за новый путь своего развития.

Монгольскому читателю хорошо известны стихи Нацокдоржи «Моя родина», «Старая Монголия», рассказ «Белый месяц и черные слезы», сатирическое произведение «Слезы ламы» и др. В основе популярной монгольской оперы «Три печальных холма» лежит либретто, написанное Нацокдоржи.¹² Произведения Д. Нацокдоржи оказали большое влияние на молодую монгольскую литературу.

Одним из старейших писателей МНР является Ц. Дамдинсурэн. Он не только поэт, он успешно работает и как прозаик, и как публицист.

Творчество Ц. Дамдинсурэна развивалось под воздействием русской классической и советской литературы, с которой он познакомился во время своего длительного пребывания в СССР. В своих произведениях он гневно клеймит старое, косное и поддерживает все новое, передовое. Рост нового человека-строителя, его патристические подвиги в труде и в борьбе с врагами родины — вот основные темы писателя. Первым крупным прозаическим произведением Дамдинсурэна была повесть «Отвергнутая девушка» (1929 г.), в которой автор изобличает лицемерие эксплуататоров монгольского народа. В дальнейшем в поэме «Моя седая мать» автор рисует активную борьбу рядовых борцов монгольского народа за новую жизнь. Утверждая в монгольской литературе нового героя — борца и строителя, Дамдинсурэн становится тем самым новатором в развитии отечественной литературы. К концу первого этапа развития Монгольского народно-демократического государства (1940 г.) творчество писателя достигает полной зрелости. В 1941 г. им написаны стихотворения «Полярная звезда», посвященное героическому Ленинграду, «Перемена» и др. Всеми этими, различными по тематике художественными произведениями Дамдинсурэн воспитывает в читателе патристические чувства.

Из других писателей следует указать Д. Цэвэгмэда, в произведениях которого «Чабан Найдан», «Болд и Самбу» и других отражена борьба с феодальными традициями и формирование нового человека. К числу популярных произведений прозы относится повесть «Аюши» Д. Сэнгэ о подвигах монгольского воина, сражавшегося за независимость своего народа. О героизме трудового народа рассказывает писатель Б. Ринчин в своем произведении «Смелые люди Гоби», его перу принадлежит также роман-трилогия «Утренняя заря».

¹² Позднее, в 1943 г., либретто было несколько переделано Ц. Дамдинсурэном.

Широкое развитие получила в республике и поэзия. Монгольскому читателю хорошо известны стихи поэтов Ч. Чимида, Ц. Дамдинсурэна, Ч. Лхамсурэна, Б. Явуухулана и др.

Большого расцвета достигла в МНР и драматургия. Драматурги Ч. Ойдов, Э. Оюн, Ш. Нацокдоржи, Л. Ванган и др. создали многочисленные произведения о жизни своего народа, о его борьбе за построение социалистического общества. Лучшие пьесы монгольских драматургов ставятся на сценах театров республики.

Значительное влияние на монгольскую литературу оказывает русская литература. Переводы русских классических произведений и советской литературы занимают большое место. На монгольский язык переведены отдельные произведения Пушкина, Горького, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Чехова, Маршака, Михалкова и др.

«Сказку о рыбаке и рыбке», переведенную Дамдинсурэном, можно услышать в разных уголках республики. Горячей любовью к Пушкину пронизаны и стихи Дамдинсурэна. Он пишет:

Его стихи, как теплая одежда зимой,
Как холодный напиток в летнюю пору,
Как свет луны в темную ночь,
Как губы милой в молодости —
Его стихи велики и удивительны.
Читайте их, монголы.

На монгольский язык переводятся также произведения писателей других социалистических стран.

ИСКУССТВО, МУЗЫКА И АРХИТЕКТУРА

Театр За годы революции значительные успехи достигнуты и в области театрального искусства.

В старой феодальной Монголии не было национального светского театра. Первыми ростками театрального искусства были самодеятельные драматические кружки, появившиеся в первые же годы народной власти. В кружках начинали свою деятельность многие будущие артисты. Не имея ни опыта работы, ни готового театрального репертуара, они вынуждены были своими силами прокладывать новые пути. Часто они были не только исполнителями, но и авторами своего репертуара, в котором использовали популярные фольклорные и злободневные политические сюжеты.

В 1930 г. в Улан-Баторе была открыта театральная студия для подготовки профессиональных работников. В дальнейшем она была преобразована в Государственный центральный театр. Учась на опыте советских представителей театрального искусства, монгольские театральные работники выросли в настоящее время в крупный творческий коллектив. Центром монгольского театрального искусства является теперь Государственный музыкально-драматический театр в Улан-Баторе. В состав театра входят драматическая и оперная труппы, симфонический оркестр и оркестр национальных инструментов, а также хор и балетная труппа. В 1948 г. при театре создан кукольный театр и в 1950 г. — детский театр. За последние годы созданы театры и в крупных городах страны — Чойбалсане, Кобдо и др.

На сцене Музыкально-драматического театра идут пьесы и оперы как русских, так и монгольских авторов. За последние годы монгольские зрители видели «Русский вопрос» К. Симонова, «Голос Америки» Б. Лавренева, «Калиновую рощу» А. Корнейчука, «Я хочу домой» С. Михалкова и др.

Рис. 138.

1 — женщина (справа) и девушка хотонки в национальных костюмах у юрты (Убсунурский аймак); 2 — дарбатский национальный танец.

К числу крупных монгольских драматических произведений относятся «Братья», «Встреча друзей» Э. Оюна, «Дорога», «Моя радость», «Мунко — искатель счастья», «Семьдесят небывлиц» Ч. Ойдова, «Молодое поколение» Д. Намдага и Ш. Нацокдоржи, «Врачи» Л. Вангана, «Водитель Тожо» Л. Вангана и Дашияма и др.

Большой популярностью пользуются монгольские оперы «Три печальных холма», «Путь счастья» композитора Б. Дамдинсурэна, «Унэн» («Правда») композитора Гончигсумла.

Рис. 139.

1 — игра на национальных инструментах (Кобдоский аймаг); 2 — сцена из оперы «Евгений Онегин» в постановке Монгольского театра.

В 1954 г. на сцене театра впервые был поставлен монгольский балет «Наше объединение» («Манай нэгдэл»). В 1955 г. наряду с пьесой «Радость Цэрмы» молодого драматурга Банзарангча монгольские зрители смотрели «Отелло» Шекспира, а к 35-й годовщине народной революции (1956 г.) театр подготовил постановку балета Б. Асафьева «Бахчисарайский фонтан». Наряду с национальными пьесами театр показывает классические и советские пьесы.

Многие артисты, создавшие образы людей новой эпохи, пользуются большой любовью у монгольского народа. В числе их следует назвать артистов Ц. Цэгмида, Н. Цэгмида, Д. Дамдинсурэна, Пурэвдоржи, артисток Ичинхорло, Ч. Долгорсурэн, Эринциннорбо.

Музыка Музыка и песни монгольской революционной эпохи стали зарождаться в 20-х годах.

Партизаны из отрядов Сухэ-Батора и Чойбалсана были первыми творцами и исполнителями революционных песен. Многие песни приобрели широкую известность среди народных масс. В 30-х годах в Монгольской Народной Республике стали создаваться профессиональные музыкальные и вокальные коллективы, появились первые композиторы и профессионалы-исполнители. В настоящее время молодые композиторы республики успешно создают оперную, танцевальную и инструментальную музыку.

Государственный музыкально-драматический театр является центром, вокруг которого развивается монгольское музыкальное искусство. В театре работают многие молодые композиторы — Б. Дамдинсурэн, Жамьян, Л. Мурдоржи, Лубсаншараб, Гончиксумла, Цэрэндорж.

Упомянутые выше оперы «Три печальных холма» и «Путь к счастью», созданные композитором Б. Дамдинсурэном, знаменуют высокий этап развития монгольского музыкального искусства.

Музыка, написанная Гончиксумлой к кинофильму «Монгольская Народная Республика», отмечена премией на международном фестивале в 1952 г. Большим успехом пользуются симфоническая поэма «О Родине» композитора Л. Мурдоржи и симфоническая увертюра об исторических событиях 1921 г. композитора Дугэрсурэна.

Многие композиторы работают над созданием новых песен, посвященных социалистическому строительству. Большая работа проводится также по сбору и обработке народных песен.

В 1961 г. создан новый гимн Монгольской Народной Республики, текст которого написали поэты Ч. Чимид и Ц. Гайтав, музыку — Б. Дамдинсурэн и Л. Мурдоржи.

Достижения монгольского искусства были неоднократно продемонстрированы на международных фестивалях.

Широкое развитие в республике получили кружки театральной и музыкальной самодеятельности. Во всех аймаках и сомонах созданы клубы, кинотеатры и другие культурные учреждения. В республике в настоящее время имеется своя национальная кинематография.

Изобразительное искусство и архитектура По археологическим находкам, обнаруженным в МНР, можно судить о древнем искусстве в разные исторические периоды на ее территории. Сюда относятся художественные изделия из бронзы, кости, глины, камня, войлока, как например знаменитые ковры, найденные в погребениях в Нонн-Уле (I в. н. э.), и др.

С начала нашей эры на территории Монголии отмечаются укрепленные поселения. В настоящее время на территории МНР можно встретить развалины городов IX—XIII вв.

Раскопки Кара-Корума (Хара-Хорина) — столицы Чингизидов XIII в., — производившиеся в 1948—1949 гг. Историко-этнографической экспедицией АН СССР и Комитета наук МНР, дали интересный материал по архитектуре и укреплениям монгольских дворцовых построек.

С распространением в Монголии в XVI в. ламаизма до самой народной революции (1921 г.) искусство монголов было подчинено задачам буддийской церкви.

Рис. 140. Образцы орнамента.

1 — на коже, 2 — на металле, 3 — на ткани, 4, 5 — на дереве.

Однако, несмотря на это, народное творчество широко проявлялось в прикладном искусстве. Выработавшись в условиях кочевого образа жизни, народные традиции находили и находят свое выражение в резьбе по кости, дереву, в чеканных изделиях и вышивках. Монгольское население любит украшать орнаментом обувь, войлочные ковры, сундуки, кровати, шкафы, кожаные чепраки. Из камня монголы вырезают шахматы, мундштуки для трубок, различные пряжки. Из кости выделывают шахматы, накладные украшения на лук седла. Чеканом по металлу украшают ножны для ножей и мечей, кожаные мешочки, прикрепляемые к кресалу (огниву). Металлическими и серебряными бляхами украшаются уздечки, седла и нагрудники в сбруе.

Отдельные отрасли народного художественного производства как в прошлом, так и в настоящем являются профессиями мужскими: резьба

по кости, камню, раскраска деревянных предметов, литье, чеканка, или женскими: вышивки, нашивка аппликаций и вязанье.

На войлочных и кожаных изделиях из типов орнамента преобладает геометрический (квадраты, ромбы, зигзагообразные линии), на деревянных предметах — растительный орнамент. Особенно ярко это выступает на старинных предметах, в чем сказалось влияние буддизма. Широко распространен у монголов орнамент, известный под названием *ульдзий* («нить счастья», «счастливое предзнаменование»), в виде клетчатого переплетения. Храмовая архитектура, живопись (на свитках шелка и холста, роспись) и скульптура развивались главным образом в монастырях. Этот вид искусства был подчинен культовым целям. Как в архитектуре, так и в живописи сохранялось много индо-тибетских и китайских элементов. Искусство в монастырях, как правило, находилось в руках низшего слоя лам. Они занимались преимущественно иконописью и изготовлением скульптур бурханов (буддийских изображений). Для этой цели ими делались формы и шаблоны, при помощи которых производились отливки и оттиски на глине, полотне или бумаге, далее штампованные произведения раскрашивались, при этом строго соблюдались все правила, установленные буддийским каноном.

После революции в Монгольской Народной Республике наступила новая эпоха и выросли новые кадры специалистов. Из среды аратов вышли не только инженеры, ученые, врачи, писатели, артисты, но и талантливые художники, скульпторы, дарханы (мастера, занимающиеся резьбой, чеканом, вышивкой и т. д.). Многие из них получили образование в Советском Союзе.

Среди художников большой известностью пользуется У. Ядамсүрэн. Основным жанром его работ является портретная живопись. Кисти У. Ядамсүрэна принадлежит немало работ в других жанрах. Заслуженной славой пользуется и художник О. Цэвэгжав. В его творчестве находят отражение темы как историко-революционные, так и социалистического строительства.

Разнообразна тематика и у художника Д. Чойдока. Наибольшей популярностью пользуются его картина «Встреча Сухэ-Батора с Лениным» и многие портреты — Чойбалсана, Мельникова (русского партизана, борвшегося за освобождение монгольского народа) и др. Он уделял много внимания также пейзажам («Северный пейзаж», «Этюды с юртами» и др.) и историко-революционной тематике («Освобождение Урги», «Домик Сухэ-Батора»).

К числу популярных художников принадлежат также Д. Манибадар и Л. Гава. Д. Манибадар является одним из старейших художников МНР. Своеобразие его творчества характеризуется сочетанием техники старой живописи и новой современной тематики.

Л. Гава, начав свой творческий путь в качестве театрального художника, в дальнейшем стал уделять основное внимание живописи.

Из более молодого поколения художников уже завоевали известность Чултэм, Одон, Амгалан.

Искусство скульптуры начало занимать свое должное место в МНР лишь с 40-х годов. Его развитию в значительной мере стала способствовать организация в 1945 г. в Улан-Баторе скульптурной мастерской под руководством скульптора Чоймбола — ученика народного художника СССР С. Д. Меркулова. Сам Чоймбол явился создателем первых значительных произведений монгольской скульптуры. По его проекту сооружен в Улан-Баторе на центральной площади памятник Сухэ-Батору, ему принадлежат и другие монументы. Плодотворно работают скульпторы

Махвал и Давацэрэн. За последние годы в числе скульпторов появились и женщины — Дамдима и Дарьжав.

Ежегодно устраиваемые в МНР выставки произведений художников и скульпторов указывают на значительный рост национального искусства. Монгольское искусство становится известным далеко за пределами своей страны. Работы монгольских художников и скульпторов не один раз экспонировались на международных фестивалях молодежи, ряд картин художников, а также и произведений дарханов хранится в Москве, в Музее восточных культур.

* * *

Победа народной революции обеспечила монгольскому народу государственную самостоятельность. Встав на путь некапиталистического развития, монгольский народ получил широкую возможность для мирного, созидательного труда в своей стране.

Важнейшим итогом некапиталистического пути развития монгольского народа явились уничтожение национального и социального гнета, исчезновение характерной для феодальной Монголии отсталости во всех отраслях хозяйства и культуры, неуклонный рост социалистической экономики и культуры в стране. Ныне МНР вступила в период завершения строительства социалистического общества.

Развивающаяся экономика МНР и рост национальной культуры являются важнейшими факторами, способствующими сплочению отдельных монгольских племенных групп и народностей в единую социалистическую нацию, основным ядром которой являются халха-монголы.

Решающее значение в деле обеспечения условий некапиталистического развития МНР имела и имеет братская помощь Советского Союза, а также других социалистических стран. Постоянная поддержка со стороны СССР способствовала и укреплению международного авторитета МНР. Монгольское правительство установило дипломатические отношения со всеми социалистическими и некоторыми капиталистическими странами.

В октябре 1961 г. МНР была принята в члены Организации Объединенных Наций, в ноябре 1962 г. — в ЮНЕСКО, 7 июня 1962 г. МНР вступила в члены Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) социалистических стран. Монгольская Народная Республика является также членом многих международных демократических организаций: Всемирного Совета Мира, Всемирной федерации профсоюзов, Организации солидарности народов Азии и Африки, Всемирной федерации женщин и др.

